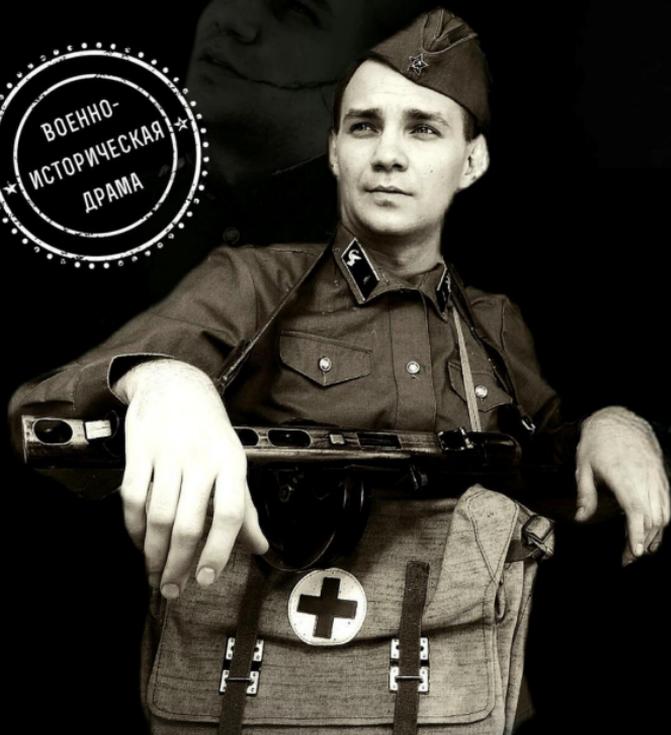

Александр
Каренин

Прощаться
не будем!

18+

Александр Каренин

Прощаться не будем!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70229311

SelfPub; 2024

Аннотация

Приоритетный замысел военно-исторической драмы «Прощаться не будем!» основан на сильных чувствах и глубоком переживании, происходящих в нем событий. Данное повествование охватывает период с начала 1940-х до конца 1980-х годов. Историческое повествование ведется от первого лица (главного героя) под видом эпизодических воспоминаний. Главный герой обыкновенный, заурядный студент Саратовского медицинского института, который впоследствии будет принимать участие на фронтах Великой Отечественной войны в качестве санитарного инструктора, а чуть позже командиром героического танкового экипажа. Погружаясь в повествование, мы можем отследить, то как меняется главный герой под воздействием внешних жизненных факторов: его характер, его поступки, его смысл жизни. Очень напряжённый и непредсказуемый сюжет, описание боёв, любовная интрига, мистика и детективное расследование, ждут вас в остросюжетной военно-исторической драме: «Прощаться не будем!» Никто не забыт, и ничто не забыто!!!

Александр Каренин

Прощаться не будем!

Пролог

Разве для смерти рождаются дети,

Родина?

Разве хотела ты нашей смерти,

Родина?

Пламя ударило в небо!—

ты помнишь,

Родина?

Тихо сказала: «Вставайте на помощь...»

Родина.

Славы никто у тебя не выпрашивал,

Родина.

Просто был выбор у каждого:

Я или Родина.

«Роберт Рождественский – Реквием(1962г.)»

Приоритетный замысел военно-исторической драмы «Прощаться не будем!» основан на сильных чувствах и глубоко переживании, происходящих в нем событий, что каждый, соприкасающийся становится частью этого мира. Данное повествование охватывает период с начала 1940-х до конца 1980-х годов. Места событий настолько детально и красочно описаны, что у читающего невольно возникает эффект присутствия. Историческое повествование ведется от первого лица (главного героя) под видом эпизодических воспоминаний. Автор постепенно развивает сюжет, что в свою очередь увлекает читателя не позволяя скучать. Главный герой обыкновенный, заурядный студент Саратовского медицинского института, который впоследствии будет принимать участие на фронтах Великой Отечественной войны в качестве санитарного инструктора, а чуть позже командиром героического танкового экипажа. Погружаясь в повествование, мы можем отследить, то как меняется главный герой под воздействием внешних жизненных факторов: его характер, его поступки, его смысл жизни. Он радуется и огорчается, веселится и грустит, загорается и остывает. При помощи ускользающих намеков, предположений, неоконченных

фраз, чувствуется стремление подвести читателя к финалу, чтобы он был естественным, желанным. На протяжении всей драмы «Прощаться не будем!» нет ни одного лишнего образа, ни одной лишней детали, ни одной лишней мелочи. Что ни говори, а все-таки есть некая изюминка, которая выделяет данное произведение среди множества подобного рода и жанра. Примечательно то, что параллельно с сюжетом встречаются ноты сатиры, которые сгущают изображение порой даже до нелепости, и доводят образ до крайности. С первых строк понимаешь, что ответ на загадку кроется в деталях, но лишь на последних страницах завеса поднимается и все становится на свои места. Действие начинается с июля 1953 года, в лагере под Свердловском. Очень напряжённый и непредсказуемый сюжет, описание боёв, любовная интрига, мистика и детективное расследование, ждут вас в остросюжетной военно-исторической драме: «Прощаться не будем!»

Никто не забыт, и ничто не забыто!!!

Вступление

Давно я не припомню такого дождливого лета в наших краях. Вот уже несколько недель неукротимо льёт как из ведра, оставляя за собой огромные-огромные лужи, имевшие сходство с миниатюрным морем. Непроглядной стеной этот крупный, по-летнему тёплый, он занавешивал весь

уральский пейзаж. Проснулся рано. Развалившись на верхнем ярусе своей шконки, я наблюдал в окно за всей этой природной картиной. Иногда поглядываю на рядом воткнутый, крохотный осколок зеркала, пытаюсь разглядеть в нем человека. Отображающимся в нем человеком был Алексей Александрович Петровский. Когда-то обычный студент. Четверокурсник. Отличник медицинского факультета Саратовского мединститута. К моему великому сожалению, доучиться в нем мне не удалось, так как началась война и нас всех призвали на фронт в качестве санитарных инструкторов. На протяжении четырех лет войны, я проделал стремительный путь от сержанта медицинской службы до командира танкового взвода, завершив её в капитанском звании. Смешно сказать, даже был представлен к званию Героя Советского союза, но... не срослось. Война забрала у меня многое, можно сказать всё! Это и любимую учёбу, и друзей, и родителей, но самое главное мою единственную супругу, с которой мы в тайне ото всех расписались в июне 1941-го. Сейчас мне тридцать два года, и по своей собственной и необъяснимой дурости попал в эти не столь отдаленные места. Здесь в лагере иная жизнь. Рутинная. Подъем, зарядка, завтрак и на работы. Окружение конечно такое себе. Всякий сброд в лице бывших власовцев, убийц, полицаев, пособников, вредителей и политических. Что удивительно, даже среди этого сброда были и интеллигентные тихие люди, которые на вид и мухи не обидят, но «в тихом омуте» как говорится. Про одного из них

я расскажу позже. А пока упираюсь подбородком в подушку и продолжаю вглядываться в своё лицо. Оно зияло мелкими морщинками и грубыми затянувшимися шрамами ото лба до подбородка. Зубы изрядно пожелтели, доброй половины уже не досчитаться. Сегодняшнее утро мне почему-то на миг показалось особенным. В душе было какое-то приятное и в тоже время волнительное предчувствие, которого за все восемь лет своего пребывания в исправительно-трудовом лагере я не испытывал. После команды «Подъём!» дежурный отправляет на зарядку. В этот воскресный день она прошла довольно быстро. Далее по распорядку: туалет, завтрак, получение рабочего инвентаря и на свои закрепленные участки. Наш девятый отряд, после проведенного ритуала стал вылезать из своего барака на работы. Вооружившись пилами и топорами, под конвойной охраной, мы следовали за пределы лагеря. Было нас человек двадцать. Все укутаны в легкие телогрейки, которые тотчас же были объаты теплым июльским дождём. Следуя общим строем не вольно наблюдаешь за красотами края Свердловской области. Она во многом уникальна и многообразна. Тут простираются и равнина, и бегущая извилистая река, и помесь лесов, которые представляют собой пихты и ели, растущие в большом смешении с широколиственными дубами, кленом, липой. К великому сожалению, леса страдают от деятельности человека. Происходит вырубка необходимая для заготовки стройматериалов, а на месте вырубки земля облагораживается под пахотные

угодья, ибо почва в этих краях плодородная. «Сеураллаг» основывался на лесозаготовительных работах. Поэтому каждый божий день пилами, топорами и кирками, мы губили эту прекрасную природу, отправляя спиленные деревья на дальнейшую переработку. На этом все прелести заканчиваются и начинаются «другие». Некоторые заключенные не выносили такой адской нагрузки и смертность в лагере была достаточной. Всему виной естественные причины. Это и запущенные болезни, и осложнения ранений полученные в годы войны. Что и говорить, даже имели место здесь и суициды. Помнится, как-то зимой минувшего года, один немолодой мужчина из бывших власовцев, (соседствующий со мной по шконке) на очередной работе, имитируя силовое истощение свалился в снег. На просьбу надзирателя встать и продолжить работу, он ответил грубым отказом, парируя тем, что больше не может выносить таких тягот и лишений. Надзиратель делал всё (в рамках дозволенного конечно) чтобы вернуть в строй заключенного, но тот вдруг схватил топор и стал набрасываться на него. Недолго думая охранник взвел затвор автомата и выпустил очередь по разъярённому заключенному. Хоронили не мало. Занимая должность помощника бригадира, назначенного из числа заключенных, я параллельно с этим участвовал в выносе тел, закапывая их в обезличенных могилах на окраине лагеря. За все эти восемь лет, за все эти две тысячи девятьсот двадцать дней и ночей, я потерял и смысл жизни, и человеческий облик, о котором мне

когда-то в далеком 1944-ом ведал полковник Иванцов, расстрелянный тогда же за измену Родине. Каждый день этой лагерной жизни выжимал нас до нитки. Прибываем на место. Бригадир распределяет по своим закреплённым территориям. Мой напарник-интеллигент Володька Акимов, хлопая меня по плечу берет длинную зубастую пилу, и мы втроем убываем на участок. Володька был самый молодой в нашем отряде. Он попал к нам три года назад за убийство жены и её любовника, невольно застукав их вернувшись с очередной смены. С одной стороны, его можно было понять, когда он рассказывал в слезах о своем горе, что он дескать любил её до безумия, но она не могла иметь от него детей. Его Марфуша, как он её называл, не желала уже мириться с бездетным браком и пошла на этот грех со своим соседом по лестничной клетке. Это случилось в одном из ростовских сел, где Володька работал трактористом. И вот по злему року судьбы его рано отпускают со смены. Придя домой он услышал неистовые стоны со стороны их спальни. Проследовав на эти развратные охи-ахи, он увидел непередаваемую картину, о которой стыдно рассказывать даже мне. В порыве ярости, Володька забил их до смерти молотком, после чего самостоятельно пошел в отделение милиции. С другой стороны, это его не оправдывает. Я понимаю, насколько невыносимо видеть, предательство любимого человека на твоих глазах, но это не повод убивать же? Он вполне мог избежать заключения, просто набив морду этому соседу, а с ней по-

пытаться поговорить и отпустить на все четыре стороны. В такие ситуации я к счастью не попадал. А если они и были, то уже без меня, так как женат я был перед самой войной, и война эта забрала у меня абсолютно всё. Прошло двенадцать лет с тех пор, а я доселе не знаю, где моя жена сейчас и с кем. Видимо давно уже похоронила и забыла, начав новую счастливую жизнь. Итак, о работе. Несколько ослабевшие и навзничь промокшие от проливного дождя, мы с Володькой принялись подпиливать высокую сосну. Только я вошел в раж, как меня вдруг вызывают к начальнику лагеря. Под конвоированием старшего сержанта внутренних войск, меня доставляют в барак к начальнику лагеря – подполковнику Васильеву. В кабинете находился его заместитель майор Колесников, сам Васильев и некий капитан, моложавый парнишка, с карими и дружелюбными глазами. Лицо его было по мужски красивым, губы тонкие в нитку, волосы темные, аккуратно пострижены и зачесаны назад. Сам коренастый, похоже спортсмен. Форма сидела превосходно и подчеркивала его мускулатуру. Он разглядывал меня без какого-либо призрания, даже с каким-то пиететом, как будто я его давний хороший знакомый.

– Гражданин начальник лагеря, заключенный Петровский, статья 58-1а и 58-6, срок тринадцать лет, прибыл по вашему распоряжению! – доложил я и тотчас же упёрся спиной о рядом стоящий шкаф с документацией. Капитан осмотрел меня с ног до головы и приказал надзирателю уса-

дить меня на стул. Майор Колесников тут же с негодованием возразил, мол «нечего этой гниде пачкать мебель». Капитану это не понравилось, и он снова повторил свой приказ уже в грубой форме, после чего выставил Колесникова за дверь. Я был удивлен, почему этот человек, добродушной внешности, да к тому же младше по званию, так хозяйничает в этих кругах. Как выяснилось, этот человек прибыл из Москвы, из центрального аппарата управления МГБ СССР и его прибытие на первый взгляд мне показалось странным.

Представился капитаном Москвитиным и для меня было вполне достаточно. Он молча рассматривал моё личное дело прерываясь лишь на перекур. Пройдет еще минут десять, и он начнет свой допрос.

– Бывший капитан советской армии Петровский?

– Он самый, гражданин начальник! Бывший капитан красной армии Петровский! А если еще вернее, то лагерная пыль. – неторопливо ответил я.

– Ну зачем же так? Мое руководство так не считает! – с улыбкой ответил Москвитин, и глядя на меня как я схватился за живот, добавил:

– Вы голодны?

– Гражданин начальник, вы меня позвали перекусить с вами? Ни ради этого же вы ехали из Москвы? – усмехнулся я.

– Не совсем, капитан, не совсем! Я приехал к вам по распоряжению моего руководства. Мне надлежит разобраться в вашем деле. Выявить ошибки, несоответствия, подлоги.

– Хм, почему именно я? Со мной вон сколько достойных людей. Среди сброда есть и бывшие командиры, и бывшие коммунисты. Вон сидят на параше гниют! От чего же вам с ними не пообедать?

– Ну видимо у них нет такого права как у вас!

– Хех! Не смешите гражданин начальник!

– И все же к делу!

Следователь вытащил из своего портфеля бумагу, приготовил авторучку и аккуратно разложил всё на ломберном столе.

– Мне поручено разобраться в вашем деле. Я должен знать о вас абсолютно всё, и посему вы расскажите подробнее о своей жизни с самого начала.

– Что конкретно вас интересует?

После заданного вопроса меня стал мучать удушающий кашель, который постоянно настигал меня после тяжелого ранения еще на фронте.

– Вы простужены? – спросил Москвитин, и тут же переключившись на подполковника Васильева приказал:

– Немедленно сюда горячий обед, чай с медом и грамм сто коньячку!

Начальник лагеря лихо опешил от таких дерзких закидочков капитана.

– А бабу ему сюда не подать? Слишком много хотите вы для него, товарищ капитан госбезопасности! – воскликнул он, разводя руками. Москвитин даже не поднимая на него

взгляда громко покашлял в кулак, чем дал понять ему о немедленном выполнении его распоряжения. Подполковник плюнул на пол и с благим матом все же повинувшись приказу послал надзирателя за обедом.

– Так я думаю будет лучше! – улыбнулся он. – А интересуется меня ваша жизнь с далекого 41-го года. Ваша учеба в медицинском институте, ваши планы, семья, как попали на фронт. Ах да! (Москвитин вдруг полез в свой портфель и достал пачку папирос «Герцеговина»)

– Вот, чуть не забыл! Гостинчик скромный. Курите на здоровье!

Тянусь за пачкой. Достая длинную, ароматную папиросу. Москвитин даёт прикурить.

Через несколько минут в дверях появился надзиратель с огромным сверкающим подносом. Капитан привстал с места, оправился и подойдя к окошку добродушно произнес:

– Пожалуйста, Алексей Александрович! Кушайте, набирайтесь сил, они вам еще пригодятся. Разговор у нас долгий будет. Да, только не накидывайтесь на еду сразу, а то заворот схватит!

Передо мной стоял большой алюминиевый поднос, который был украшен гороховым пюре с дымком, двумя большими аппетитными сардельками, алюминиевой кружкой с чаем, миской местного меда и коньячной бутылочкой с глиняной пробкой. Повернувшись лицом к местному начальству, Москвитин грациозным движением руки, указал всем при-

сутствующим в кабинете на выход.

Васильев с надзирателем, продолжая недоумевать, дерзко хлопнули дверью испарившись в соседние комнаты.

– Кушайте Алексей, а я пока начну! – улыбка была его такой естественной, будто накормил какого-то беспризорного осиротевшего мальчугана.

Глядя на всё это изобилие у меня закружилась голова. Трясущимися руками оставляю недокуренную папироску в пепельнице и первым делом принимаюсь за бутылку коньяка. Приятное тепло разлилось по моему телу после нескольких глотков. Как бывший медик я знал, что после долгого голодания нужно принять немного алкоголя для лучшей работы пищеварительного тракта. Взял ложку и медленно-медленно начал прием пищи, прерываясь только на долгий рассказ о своей нелегкой жизни.

Глава первая

Эпизод 1 «Был месяц май»

Май 1941 года. Саратов. За все три года обучения в медицинском институте, мне чуть ли не впервые было страшно за предстоящий экзамен. Я задумчиво шел по Ленинской улице, неся в руке портфель, который был аккуратно утрамбован белым халатом и учебниками по анатомии. Взвалив на себя эту ношу, я всё же думал о том, что моя мечта в скором времени свершится и я стану врачом. Медицину я считал

своим призванием с детства. И вот спустя некоторое время, будучи уже студентом третьего курса я торопился на сдачу переводного экзамена.

Надо отдать должное своим родителям, которые привили мне любовь к этой профессии с пеленок, и моим уже преподавателям, которые вкладывали в голову знания из области анатомии и физиологии. Водили нас в патологоанатомический зал на вскрытие. Мне было жутко интересно, как устроен внутренний мир человека. Чтобы это понять, мне пришлось познакомиться с будущей специальностью – хирургией. Хирургия – это искусство, имеющее в себе довольно странную логику – сначала ты делаешь человеку больно, чтобы потом ему было хорошо!

По ночам я дежурил в госпитале, набираясь опыта у самых заядлых хирургов, мастерство которых было на высшем уровне. Ни оставляя себе времени на отдых, я после занятий, летел сломя голову в больницу, да бы не упустить возможность ассистировать самому профессору Архангельскому, который спустя пару дежурств, разглядел во мне потенциал. Я неистово боготворил и уважал его за жесткость и творческий подход к работе, не однократно, при всех восхваляя его в операционной. Но опустим подробности и вернемся к экзамену.

Придя на кафедру, нельзя было не обратить внимание на толпы студентов, которые с беспокойством и ужасом повторяли пройденный материал. Начавшийся мандраж, я старал-

ся перебить иными мыслями, то и дело поглядывая на время. Вдруг откуда ни возьмись, что-то вихреподобное наваливается на меня. Это мой дружок Демьян. Парнишка он простой, рубаха-парень. Открытый, веселый, а главное находчивый малый. Он никогда ничего не учит, но при этом сдает все на одни пятерки. И как у него все это получается? Парадокс.

На часах уже девять утра. Вышедший к нам лаборант, которому на вид уже ого-го сколько лет, распахнул двери экзаменационной аудитории. Он приглашал всех на сдачу переводного экзамена. Запуская по одному человеку в Павловскую аудиторию, ехидно приговаривал:

–Ну что товарищи студенты, все готовы? Много ль нынче неудов будет? У меня чтоб ни одного списывания!

Рассадили нас по одному за парты, раздали экзаменационные билеты, и мы тут же судорожно принялись ознакамливаться с заданиями. Сидящая напротив нас коллегия преподавателей в составе трёх человек, установили двадцатиминутный регламент на решение данных вопросов.

Тот самый ехидный лаборант Петр Максимович, бродил между рядами, с целью поимки «особо опасных преступников», которые могли тотчас же достать шпаргалки и безошибочно ответить на вопросы. Увы таких не оказалось, и покрутившись несколько минут возле нас, он присел на свое место. Постукивая своими костистыми пальцами по столу, он крутил головой, пристально наблюдая за каждым экзаменуемым.

Взглянув на билет, у меня чуть ни треснули очки от написанных условий. От сильного переживания у меня всё перемешалось в голове. Так и просидев с пустым листком, я не сводил взгляда, со своего друга и соседа по парте Демьяна, который незамедлительно приступил к решению. К счастью вопросы в билете у нас совпадали, и мне неистово хотелось заполучить его решение.

Через двенадцать минут после того как Демьян закончил писать, он тут же обернулся в мою сторону. Изображая дурацкие гримасы, я указывал на свой билет, умоляя его тем самым помочь мне с решением. Демьян, пробегая глазами то на меня, то на экзаменаторов, выжидал удобного момента, чтобы передать мне свой лист, но экзаменационная комиссия была непреклонной, продолжая наблюдать за каждым студентом.

Время было на исходе. Удача повернулась ко мне лицом в тот момент, когда где-то на галерке, экзаменуемый случайно обронил учебник на пол и Петр Максимович тотчас же взял одного с поличным. У нас было несколько секунд на обмен работами. Ровно столько же времени хватило и Максимычу, чтобы мгновенно удалить того парнишку с экзамена с дальнейшими последствиями.

Взяв лист Демьяна, я немедленно подписал его своей фамилией, и с умственно-торжествующим лицом, проверял написанное. Удовлетворенный поимкой по горячим следам лаборант, прошелся между рядами, и уселся на свое место. По-

глядывая на часы, Петр Максимович напомнил рядом сидящим экзаменаторам о времени завершения экзамена, которое ровнялось уже двум минутам. Демьян зная ответы, стремительно воспроизвел свою работу, и по прошествии двух минут был полностью готов к сдаче. После объявления об истечении времени, нас стали приглашать за профессорский стол. Со смирением неизбежности, я поднял руку. «Похвально, похвально! Ну что ж, прошу к нам!» – удивленно воскликнул один из преподавателей.

Я спустился вниз и положил свой лист бумаги с билетом перед собой на стол. Каждый из преподавателей, сидящих напротив, задавали мне вопросы, которые были в билете. Ответ последовал незамедлительно. Когда они поняли, что я слишком хорошо знаю предмет, тут же следом посыпались и дополнительные вопросы. От такого мне стало совсем не по себе, и в этой с позволения сказать ситуации у меня всплыло в голове всё то, что я когда-то учил. После десятиминутного мозгового штурма, они наконец-то утомонились пока один из них не воскликнул:

– Bravo голубчик! Блестяще ответили на все наши вопросы. Я думаю, что отметки отлично вы заслужили! Вы успешно переведены на следующий курс! – добавил профессор, параллельно выставляя отметку в зачетную книжку. Улыбнувшись во всю свою мало симпатичную физиономию, я схватил зачетку и пулей вылетел из аудитории. Переводной экзамен на четвертый курс я сдал на отлично и это меня больше

всего радовало. Теперь можно было собирать вещи и ехать домой к родителям. Я не мог поверить, что буду отдыхать целых три месяца. Что не будет на этот период ни зачетов, ни экзаменов, ни практики. Вернувшись домой на Петропавловскую, я забежал в свою съемную комнату, забрал сложенный накануне вещевой мешок, попрощался со своей квартирной хозяйкой тётей Надей и отправился на вокзал.

Прибыв на место, я сразу же запрыгнул в новый тогда рейсовый ЗИС – 8, который вот-вот отправлялся на Вольск. Тогда это было впервые, новые междугородние маршруты. Полная женщина в синей робе, с небольшой сумкой на перевес, с противным голосом представилась контроллером. Она производила проверку билетов пофамильно, подходя к каждому сидящему пассажиру. Я занял своё место согласно купленному билету и задумавшись о предстоящих планах на лето отправился домой.

Эпизод 2: «Первая любовь»

Дорога была шибко утомительной. Палящее майское солнце, всецело окутавшее родную губернию и наш автобус, дарила нам еле терпимую духоту. Водитель, повинувшись капризам пассажиров, открыл все форточки и выжимая все лошадиные силы своего автобуса, мчался запуская потоки встречного воздуха.

Последний месяц весны выдался особенно аномальным. «Интересно, каким же будет тогда лето?» – размышлял я, на-

блюдая за меняющимися кадрами природы родного края, то поля, то луга, то мимо проходящие гужевые повозки. Наконец спустя три с половиной часа, мы все же достигли пункта назначения. Сойдя на конечной остановке, я закинул за спину свой вещмешок и задрав голову насвистывал разные мелодии, ни замечая перед собой окружающих. Вдруг по своей неуклюжести, я нечаянно столкнулся с человеком поистине божественной внешности. Эта девушка была настолько чиста и красива, что описание её образа не укладывалось в моей голове. Я растерялся и не на секунду, не отрывая от нее взгляда, взволновано произнёс:

– Прошу прощения!

Девушка, заметив мою неуклюжесть, улыбнулась уголком своих безумно красивых уст.

– Да ничего страшного!

Юная комсомолка среднего роста и изящного телосложения сразу запала мне в душу. У такой особы хрупкий стан – тонкая талия, изящные руки с длинными пальцами. Высокая грудь, не широкие плечи, выделяющиеся бедра привлекли мое внимание. Тут ко мне пришло осознание того, что я вдруг влюбился. Глупо конечно думать о таком не зная человека, но это был не тот случай.

Простояв несколько секунд, она снова улыбнулась мне и отправилась дальше. Меня осенило, что так оставлять дела негоже и без колебаний побежал за ней.

– Девушка, а вы не подскажите где тут улица Маяковского,

пятнадцатый дом?

Она повернулась ко мне лицом и легким, чуть-ли не воздушным взмахом руки, указала местоположение. На просьбу сопроводить меня до нужного места, она любезно согласилась. По пути мы познакомились по ближе. Её звали Ксения. Она только что закончила десятилетку и в скором времени собирается поступать в медицинский институт на детского врача. Это было невероятно судьбоносное совпадение. Мне было с ней легко, а ее разговоры были самыми что ни на есть интересными. Мне крайне не хотелось, чтобы эта случайная встреча заканчивалась.

Она расспрашивала меня про мою жизнь, учебу и будущую профессию. Конечно же я рассказал ей все прелести медицины и в частности о хирургии.

На энтузиазме, я поведал ей про учебу в нашем СМИ им. В.И. Разумовского. Какой факультет лучше выбрать и на какие предметы налегать больше.

Ксения всю дорогу смеялась, слушая мои студенческие байки, про первую заваленную мной сессию, про первое дежурство в отделении гнойной хирургии, где я от таких «благоний» во время операции грохнулся в обморок, уронив хирургу столик с инструментарием, и как потом долго и упорно выслушивал от заведующего отделением, повесть о своей некомпетентности.

Погода резко нахмурилась. Поднявшийся вдруг ветер, развивал из стороны в стороны её длинные и до одурмани-

вания приятно пахнувшие темные локоны, которые обвивали меня подобно плющу.

– Ксения, а возможно пригласить вас на свидание? – предложил я в завершении нашего пути.

Посмотрев смущенно вниз и убирая пальцами рук свои длинные вьющиеся локоны, она ответила:

– А вот и пятнадцатый дом!

– Спасибо вам огромное за помощь и приятную беседу! А может, давайте как-нибудь прогуляемся? – повторно спросил я.

Вдруг прервав диалог, между нами встал некий молодой человек, в полтора раза больше меня, с папиросой в зубах и кепке набекрень.

– Опа, Ксюха! А это что за хмырь в очках с тобой?

– Здравствуй Иван! Это просто прохожий! Ты не подумай ничего плохого, просто он попросил меня показать ему улицу!

Видимо это был ее ухажер и Ксения отвечала ему взволнованно с некой опаской.

– Не пристаёт? – в полголоса спросил он, медленно поворачиваясь ко мне.

– Да нет, ну что ты!

– Ты кто такой? – сплюнув на землю, борзо спросил он.

Вглядываясь в его лицо, я поправил очки и медленно сделал шаг назад.

– Алексей! Домой вот приехал. А вы простите?

– А я её жених! Давай вали отсюда очкарик, пока я тебе пятак не начистил!

– Это за что же?

– Да за просто так! Не нравишься ты мне! – ответил он, подойдя ко мне и толкнул плечом.

– Ванюш пойдем! Он ничего такого не хотел! – обеспокоенно говорила Ксения, хватая его за рукав.

– Ладно живи пока, Алёшка! Он грозно зыкнул на меня и тут же ушел с Ксенией в обнимку.

Ни сказав ни слова в ответ, я молча поднял свои вещи, и последовал домой.

Дома меня встретили тепло. Поцелуев и родительских объятий, мне дико не хватало. Мы долго разговаривали с отцом и матерью о учебе и выбранной специальности. Конечно же, они были не против. Даже радовались за меня, что их сын будет хирургом и начнет свою династию врачей.

Разговор в этом теплом кругу продлился до вечера, после чего я отправился к себе в комнату, и развалившись на кровати, задумался о Ксении. Вспоминая так же этого хама и негодяя, я представлял, как долго и мучительно буду издеваться над его бранным телом в операционной, учитывая мои пока еще скудные знания и навыки в специальности. Так и помечтав весь вечер об этом, я наконец-таки уснул.

Утром меня разбудил громкий стук в окно. Подскочив с койки и чуть продрал глаза, я увидел своего лучшего друга Максимку. Он так же, как и я прибыл в Вольск только в от-

пуск.

Знакомы с ним чуть ли не с горшка, наша дружба была нерушимой стеной, и между нами были абсолютно родственные отношения. Только тогда, когда три года назад я поступил в медицинский, а он в Ульяновское танковое училище, наши пути разошлись и мы потеряли друг друга.

Максим вытащил меня на улицу где мы долго о чем-то горячо разговаривали и смеялись. Из его разговоров я узнал, что его перевели в танковое училище в Саратов, чему я был дико рад.

Разговаривали обо всем. Я пытался рассказать ему про ту самую девушку, которую встретил на днях, но он только усмехнулся, и похлопав меня по плечу, поведал, что дело там темное, и что связываться с ней и её мальчиком смысла нет. Оказалось, что этот Иван Князев по кличке «Князь», член какой-то местной гоп-компании, держащий в страхе район.

Тут-то я и сдался. Меня жутко раздражала моя бесхарактерность. Именно поэтому с поисками противоположного пола у меня были проблемы.

У Максима тут же созрел план, который должен был способствовать развитию моей личной жизни. Он позвал меня в парк культуры и отдыха на танцы, чтобы там, совместными усилиями найти мне вторую половинку. Договорились на шесть вечера, после чего разбежались по домам.

Дома насытившись родительской стряпни я забрёл к себе в комнату, где снова развалился на своей кровати. На стене

висели ходики с гирьками, которые показывали время без четверти шесть.

Пора было собираться на танцы. Поднявшись с кровати, я полез за своим костюмом в шкаф, который не надевал без малого три года с момента окончания десятилетки. Утюгом с ярко красными щечками от раскаленного угля, идеально выгладил брюки оставляя стрелки по бокам. У бати одолжил одеколон «Маки» разбрызгивая на себя эти нежные ноты розы и жасмина вдоль и поперек.

Выйдя из хаты, попутно нарвал с клумбы, недавно посаженные матерью цветы и сделав из них бутоньерку, отправился на встречу с прекрасным. Выглядел конечно же покурачки, но мне хотелось показаться самым галантным кавалером, перед знакомством с девушками.

По пути мы встретились с Максимом, и направились к клубу. Народу было уйма, особенно девушек. Но глядя на них мне почему-то было безразлично, ведь я постоянно держал в голове образ Ксении, в который окончательно влюбился.

Максим умело танцевал в центре танцплощадки, и собирал вокруг себя девичью толпу. Он был военный, танкист, красавец с определенным складом ума. Куда ж мне до него, со своей пролетарской скромностью!

Простояв еще некоторое время, мой взгляд вдруг упал на другой конец танцплощадки, где стояла, совершенно погрузневшая Ксения. Ни теряя ни минуты, я поправил на се-

бе пиджак и тут же отправился к ней.

Увидев меня, её лицо снова озарилось ясной улыбкой. Мы некоторое время разговаривали, шутили. Я даже взял её за руку. После того как я задал вопрос про ее кавалера, она тут же обеспокоилась. По её словам, это был жуткий монстр, который не дает ей прохода, и стоит только заговорить с мужчинами, тут как тут появляется его бандитская физиономия.

Глаза Ксении вдруг налились слезами, которые она утирала маленьким платочком. Чтобы как-то успокоить, я нежно взял ее за плечи и попытался прижать к себе, но вдруг, откуда ни возьмись почувствовал резкий удар в спину.

Бац! От боли я завыл и упал на пол. Надо мной склонилась уродливая физиономия Ивана.

– Я же тебя предупреждал, сукин сын! Ты меня не понял? – воскликнул он, и переведя взгляд на нее продолжил, – А ты лярва! Я тебе говорил, чтоб ты ни базлала с кем попало? – после короткой фразы он ударяет её по лицу.

Вдруг мой страх сменился ярой агрессией, и я со всей своей мочи ударил его, от чего он перевалился за перила и упал лицом в клумбу.

В ярости Иван сразу же подскочил и тут же ударил меня в ответ, да так, что у меня хрустнула челюсть. Попытки подняться с земли мне не удавались. Тот запрыгнув на меня сверху начал бить по лицу, сначала ногами потом в ход пошли кулаки. Я только и успевал отмахиваться. Ксения кричала, умоляя о помощи людей.

Дикий ор услышал Максим, и забросив танцы, подскочил ко мне на помощь. Он попытался оттащить обидчика силой, но Князев, оставил меня на некоторое время в покое и переключился на него. Максим был явно сильнее. Ударив Ивана несколько раз в живот, он (Иван) закашлялся и упал на колени.

Потерянный в пространстве, я попытался настигнуть его сзади, но не желая мириться с проигрышем, он вдруг вытащил из сапога маленькое шило и ударил меня несколько раз в живот. Из-под моего пиджака быстро хлынула темная кровь, от вида которой, я начал терять сознание.

В себя я пришел уже в палате городской районной больницы. Вокруг родители. Плачущая мать склонилась надо мной. Отец, утирая свои скупые слезы, сидел у меня в ногах, оперевшись о край кровати.

Дико хотелось пить. От боли я не мог сказать ни слова. Мычать и то было событием.

Матушка, поглаживая моё синюшное лицо, параллельно смачивала губы влажной салфеткой. Схватив её руку, я прижал эту салфетку сильнее к губам и жадно высасывал капельки холодной воды. Короткий стук в дверь. В проёме появляются два человека.

–Ну здравствуй, братишка! Смотри кого я тебе привел для скорейшего выздоровления! – воскликнул Максим, подмигивая левым глазом. Это была Ксения. Личико её было с

несколько припудренным, но синяк все же был замечен.

Попытки встать с постели были пресечены дикой болью. Ксения кинулась ко мне и прижав к себе стала почему-то просить прощения за случившееся. Уткнувшись лицом в её декольте я и забыл о своем ранении. Поглаживая её по лицу, я тихим голосом сказал:

– Ксенечка, я найду этого подлеца и расквитаюсь с ним! Обещаю!

– Уже ни придется, Алексей! Его твой друг, спасибо ему большое, сдал в милицию. В общем его осудили... и видимо на долго... – хлюпая носом, говорила она.

– Туда ему и дорога!

– Ладно голубки! Вам есть, о чем поворковать! Я позже зайду! – улыбнулся Максим, и тут же удалился из палаты.

– Ксюш! Давай, когда я поправлюсь, мы с тобой попробуем встретимся снова!

– Конечно попробуем, конечно! – улыбнулась она сквозь слезы.

Утирая рукой ее слезы, я представил Ксению своим родителям, как свою будущую жену. Они восприняли эту новость довольно радостно. Матушка подошла к Ксюше, приобняла ее и по-родительски поцеловала в темя.

В этот момент я был чуть ли не на седьмом небе от счастья, но вдруг санитарка баба Зина со своим ведром, вероломно прервала нашу семейную идиллию.

Прошла неделя. Меня наконец-то выписали, и первым делом я направился ни домой, а к своей возлюбленной. После выписки, мы договорились о встрече в парке. Прошла целая неделя, и меня просто корёжило от того, что мы так давно не виделись. С тюльпанами в руках я ожидал у входа в ЦПКиО, где мы заранее договорились о встрече. Через несколько мгновений она появилась.

На этой нашей встрече, мы вели себя довольно робко друг к другу. Я боялся сказать что-либо лишнего, а она лишь извинялась, за тот прошлый случай, который остался у нас обоих в памяти. Включая свой специфический юмор, я отвлекал её от этих мыслей, и видимо мне это удалось. Мы даже расслабились, и позабыв о прошлом, ударились в детство. Ксюша сняла свои туфли и забралась в фонтанчик, протягивая мне руку, чтобы я присоединился к ней. Ситуация была крайне неловкой и отчасти нелепой, но я с радостью соглашаюсь. Мы плескались словно дети, на виду у всех, в самом центре парковой зоны. Прохожие, с улыбкой смотрели на нас, а мимо пробежавшая мелюзга, следуя нашему примеру, тотчас же залезали в фонтан, и обрызгивали друг друга.

Веселье прервал постовой милиционер, который уже несколько минут наблюдал за нами. Этот коренастый, с пробивающимся из-под фуражки кудрявым чубом мужчина, свистя в свисток, побежал в нашу сторону.

Заметив его, я быстро подхватил Ксюшу на руки, и забыв про обувь, пулей вылетел из парка. От погони мы скрылись у причала на волжской набережной. Я влюбленно глядел на ее промокшее платье и красивые стройные ноги. Ксения прижалась к ограждению звонко смеясь над этой ситуацией.

– Ты чего Алёш, так на меня смотришь? – спросила вдруг она, с не сходящей с ее лица улыбкой.

Я позволил себе некую вольность, прикоснувшись рукой к ее нежной и чистой как шёлк щеке. Поцеловал. Она не ожидала такого и оттолкнула от себя.

– Не торопи события, прошу!

– Прости меня, Ксень! Но я не могу об этом молчать! Я хочу признаться...

– Хочешь сказать, что влюблён в меня? Я никогда ни верила в любовь с первого взгляда! А сейчас... да и после того, что было... я убедилась в том, что это не так. Ты ценной своего здоровья избавил меня от этого кошмара! От этого оборотня в человеческом облики. С тобой мне так легко и комфортно, что я не отказалась бы еще от такой встречи!

И тут меня как прорвало. Воодушевленный ее словами, я произнес:

– Ты даже представить себе не можешь, насколько я влюбился! Еще тогда при той нелепой встречи я это понял. А теперь (взяв её руку, и поглаживая по ладони), я со всем сердцем признаюсь тебе в этом.

Ксения посмотрела на меня и тут же ответила взаимно-

стью. После первого, робкого и такого настоящего поцелуя, прижавшись друг к другу, мы ощущали наше синхронное сердцебиение. Оторвавшись от её сладких как мед губ, я с дрожью в голосе, сказал:

–Надо все это запомнить! Пусть это будет нашим памятным местом!

Наши встречи обретали масштабный размах. Отношения развивались стремительно, и мы уже ни могли обойтись друг без друга. Через какое-то время я делаю ей предложение в один из июньских вечеров, прогуливаясь вдвоем по памятному месту. После небольшой паузы, она страстно обняла меня и приняла мое предложение.

Хоть мы и были мало знакомы, но и этого было достаточно, для того чтобы между нами вспыхнули настолько сильные чувства, которые не передать словами.

Двадцатого числа мы пошли в ЗАГС. В тайне ото всех, расписались и поклялись хранить верность и любовь до конца дней своих.

Это было самое счастливое время. Мы мечтали о том, что поедем вместе поступать в Саратов, что у нас будет много детей, и как бы это банально не звучало – мы умрем в один день. Все было как в сказке, если бы не одно, но!

В нашем городе, да и во всей стране, упорно ходили слухи о начале войны. Но мы не обращали на это внимания, так как знали, что между СССР и Германией царят дружественные отношения. Не веря этим слухам, мы и представить не

могли, что нас ждёт. К сожалению, судьба распорядилась по-своему, и наше счастье оказалось не долгим...

Эпизод 3: «Война»

Невыносимо жарким выдался день 22-го июня. Что бы хоть как-то спастись от этого адского пекла, мы с Ксенией решили искупнуться, спустившись на волжскую набережную. Мест на пляже не было. Народу тьма. Все спасались от жары в нашей Волге – матушке. От нехватки места, людям приходилось забираться в лодки и курсировать от берега к берегу, на противоположный пляж.

Все в общем-то было прекрасно. Беды ничего не предвещало. В нескольких шагах от нас продавали мороженное. Молодой парнишка с каким-то бочонком за спиной, предлагал всем отдыхающим газировку. Дошколята в смешных панамках строили песочные замки, а их родители культурно потягивали солодовые напитки закусывая сыровяленой рыбой.

Развалившись на шезлонге, я наблюдал за Ксенией, посылая ей воздушные поцелуи, под прекрасную мелодию, играющей по транслятору. На тот момент передавали «Серенату Смита» Жоржа Бизе, но это выступление вскоре прервалось, несколько взволнованным, но сдержанным голосом Вячеслава Молотова:

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин

поручили мне сделать следующее заявление: Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие.... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Все восприняли это по-разному. Кто плакал, кто наоборот радовался, кто-то думал, что это начало конца, зная, что к войне мы не готовы. Ксения в недоумении вышла из воды, посматривая то на репродуктор, то на меня. В её глазах я увидел некий страх, который заражал и меня, заставляя задумываться о дальнейшем сценарии нашей жизни. Она присела рядом, взяла меня за руку и тихонько говорила о том, что боится потерять своё единственное счастье, и что случись, она этого не переживёт. Прижимая её к себе, я начал успокаивать, говоря то, о чем в скором времени, конечно же пожалею, что солгал.

Обстановку я знал только из газет и радио, а что на самом деле творилось на западной границе до сегодняшнего дня, никому знать было не положено. Обняв еще сильнее, я шептал ей на ухо, что война эта будет не долгой, до нас врагу далеко, и армия у нас мощная! Как вдарим, откатятся до самого Берлина! В общем говоря, причин для паники нет. В любом случае враг будет разбит.

На Ксению мои слова подействовали успокаивающее, хотя внутренне мне самому мало верилось в скорейшую победу. Просидев некоторое время в обнимку на шезлонге, мы отправились домой.

Прошла неделя. Настало время поступления в институт. Утром тридцатого июня, мы уехали в Саратов. Прибыв на место, я привел на нашу съемную квартиру свою жену и познакомил её с квартирной хозяйкой. Тетя Надя приняла её как родную. Теперь мы втроем делили наши радости, невзгоды, проблемы. В дальнейшем я помогал Ксюше со вступительными экзаменами. Однажды на очередной сдаче, когда я ждал её за дверью, ко мне подошли мои однокурсники. Демьян Денисенко, тот самый мой дружок, рассказал мне новость, накануне услышанную от ректора, что мол еще 23-го июня вышел приказ о так называемой «о всеобщей мобилизации». В связи с нехваткой медработников, под призыв попадают все юноши от восемнадцати лет и старше. Те, кто обучался на курсе старше третьего, брали на должность санитарных инструкторов, а пятым и шестым курсам присваивали звание военврач. На четверг, третьего числа запланировано общее построение на площади Революции, для призыва и отправки медиков на фронт.

Я страшно растерялся, и мысли переплетались у меня в голове: «Как же я оставлю свою жену одну здесь?» Отлынивать от призыва конечно же нельзя, ибо за такие поступки по головке не погладят. Ксения выбежала из аудитории и по-

виснув у меня на шее радостно воскликнула: «Поздравь меня, я поступила!!!» Обняв её в ответ, я не мог даже порадоваться за это событие, потому что понимал, что вижу её последний раз...

Ксюша предложила отметить это событие шампанским в парке, но в ответ она услышала от меня только это:

—Любимая, единственная и самая дорогая моя девочка! Видимо нам ни придется уже никуда сходить! Дело в том, что меня завтра призывают в армию! Прости меня, что не пришлось нам пожить, как следует. Прости, что оставляю тебя одну, но ты знай только одно, что я безумно тебя люблю. Обещай мне, что будешь ждать меня.

Глядя на меня она конечно же все поняла.

—Любимый мой... я ведь чувствовала, что всё этим и закончится. Но я дождусь тебя, я буду любить тебя всегда, что бы с тобой не случилось, где бы ты ни был!

Я был тронут в этот момент, услышав от нее такое признание. Мы стояли в обнимку во втором корпусе целый час и плакали, осознавая, что это последние совместные дни.

Эпизод 4: «Присяга»

До общего сбора оставалось несколько дней, и за это время нас спешно обучали военному делу. Изучение устава, строевая подготовка, владение оружием, метание гранат и рукопашный бой. Чему мы могли научиться за это время?

Конечно же ничему. Только лишь ознакомились. Хорошо хоть постреляли по мишеням, прежде чем отправится на фронт. Утром третьего июля мы с ребятами стояли под проливным дождем на площади Революции. «Становись!» – из весящего напротив рупора, прозвучал голос военного комиссара.

Комиссар и ректор института, стоя на трибуне, зачитывали нам приказ о всеобщей мобилизации и об обстановке на фронте. Через некоторое время, к трибуне подъехали три полуторки, с набитым под завязку кузовом амуниции, оружия, и другого армейского имущества. Под роспись выдали снаряжение, обмундирование, сержантские зеленые петлички, сухой паёк, табельное оружие. После этого, каждый по очереди принимали воинскую присягу, становясь бойцами Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Задумываясь о гордости и чести, я одновременно наблюдал за тем, как мои сокурсники, выходя по одному, брали в руки листок и зачитывали текст с присягой, поклявшись в верности своему Отечеству. Немного погодя, военный комиссар Збруев произнёс и мою фамилию. Вытянувшись по струнке, я совершенно не строевым шагом вышел к комиссару.

Взяв в руки текст, я повернулся к строю:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть

честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству. Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами. Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Закончив чтение, я обернулся лицом к руководству, положил текст на стол и тут же вернулся в строй. После проведенного столь важного армейского ритуала, мы снова замерли в одной шеренге.

К нашему курсу подошёл профессор Акимушкин, тот самый профессор с кафедры анатомии, которому я сдавал переводной экзамен.

– Дорогие мои, ребята! – говорил он, с горечью, – Вы самые молодые из тех, кого мы отправляем на фронт. Гром-

ких слов говорить не буду, скажу проще, постарайтесь выжить! Мы дали вам те знания, которые должны пригодиться на поле боя, ради спасения жизни наших солдат, которые сейчас там проливают кровь. Сейчас к вам подойдет комиссар Збруев, он выдаст каждому предписание в части. (после страшного минутного молчания) Ну, вот вроде бы и все... Удачи вам, сынки!!!

Через несколько мгновений подошёл комиссар и разделил нас повзводно. Нашу группу, в которой я учился, определили во второй взвод. Все остальные соответственно по нумерациям. После разделения, комиссар держал списки в руках и доносил до нас назначение в части. Второму взводу, было предписано на Западный фронт в расположение тринадцатой армии, второго стрелкового корпуса, сотой стрелковой дивизии. Профессор Акимушкин, находясь рядом, после того как услышал, куда нас отправляют, безнадежно покачал головой и с уст его безмолвно сорвалась матерщина. Посмотрев на его лицо, я сразу понял, что едем мы в самое пекло.

После получения предписания, нас выстроили в колонну потри, и несмотря на проливной дождь, вдруг позади нас заиграл оркестр. Под песню «Священная война», мы маршировали до ж/д вокзала. Музыканты играли с таким энтузиазмом и напором, что казалось эту композицию знаменитого Александра, слышал весь Саратов. Проходя по главной саратовской улице, мы с Демьяном наблюдали за смотрящими и плачущими людьми, которые стояли на обочинах и тро-

туарах, махая нам платками. Я следовал на вокзал в составе второго взвода, в третьем ряду в голове колонны. Из нашей группы, командиром взвода, был назначен сержант Колоба-нов. Этот еще вчерашний студент, который учился на одни пятерки, и которого было трудно оторвать от книжек, зани-мал эту ответственную должность. Командирских качеств у него не было, но он обладал неиссякаемым чувством зануд-ства и озабоченности по данному делу, которые помогали ему при сдаче зачетов и экзаменов. В наших кругах он был не особо замечен, а сейчас, после того как его назначили на должность, мы стали его слушаться. Прибыв на вокзал, на-чальник поезда Иванов и комиссар Збруев, дали нам десять минут на прощание с родными.

Команда: «Разойтись!» и наш строй рассыпался как пче-линый рой к своим семьям. Толкаясь с кучно стоящими людьми, я искал свою любимую. Вдруг сзади, словно из неот-куда запрыгнула на меня Ксения, сбив с головы пилотку. Её сладкие от помады губы тут же страстно окутали мои. Она прижалась ко мне так крепко, что я почувствовал хруст сво-их костей.

– Я думал ты не придешь!

– Как же я не приду к тебе, родной ты мой? Алёш, почему мне кажется, что это наша последняя встреча, а?

(Плачет)

– Да ну что ты, девочка моя! Я вернусь, вот увидишь! Жи-вым и невредимым! Обещаю! Ты главное дождись меня!

Отойдя от меня на шаг, она полезла в сумочку, весящую у нее на правом плече, и вытащив оттуда свою фотокарточку вложила мне в грудной карман.

– Знай, что я жду тебя и очень люблю! Только об одном прошу, береги себя!

– Прощаться навсегда не будем! – ответил я, и обнял еще крепче.

В то время саратовский вокзал, как и сотни других вокзалов страны, видели многое. И слезы солдат и их родственников, и клятвы, и прощания, и нежные поцелуи, которые для большинства здесь находящихся, были последними в их жизни.

Раздалась команда начальника поезда: «Все по вагонам!»

Набившись компактной массой в состав полуоткрытого типа, воинский эшелон тронулся с места.

Она закрыла рукой свое лицо и махала мне на прощание. В этот момент, я впервые переживал искренние чувства. Как тяжело расставаться с человеком, которого беззаветно любишь, при этом понимая, что возможно никогда не увидишь его снова. Что происходило в наших сердцах в тот момент передать сложно. Тем, кто с этим не сталкивался, вряд ли поймёт...

А наш состав, тем временем набирая скорость, все дальше и дальше отдалял нас от любимых людей. Так, мы молодые мальчишки двадцати лет не нюхавшие порошу, уезжали на войну.

Эпизод 5: «Прибытие»

Прибыли в пункт назначения довольно быстро. Уже пятого июля, наши эшелоны выгружались на станции Орша, что под Минском. Мы тогда еще многого не знали и не понимали сути происходящего. Вдали за холмом гремели бои и стояли клубы дыма. В наши только что освободившиеся вагоны, грузили раненых бойцов и местное население. Мимо нашего строя проходили вереницы отступающих частей на восток. Лица у них были обескураженные и безразличные. Глядя на них, я понял – это конец.

«Где же вся наша мощь? Где же лозунги: Бить врага на его территории малой кровью?» – с недоумением прокручивал в голове эти вопросы. Да и что в принципе двадцатилетний мальчишка вроде меня может понять.

К нашему строю подошел какой-то капитан. Форма замызгана кровью и землей. Сам он был не большого роста, худенький. Видимо из-за полученной накануне контузии, он постоянно нервно крутил головой влево. Лицо морщинистое, в шрамах. На его голове, из-под фуражки пробивался кусок бинтовой ткани, скудно пропитанный кровью. Поприветствовав сопровождавшего нас комиссара, он пристально разглядывал прибывшее пополнение.

–Значит так, сейчас называю фамилии и те отправляются с капитаном Смирновым! – приказным тоном произнес ко-

миссар.

– Сержант Денисенко! Шаг вперед. Сержант Колобанов, шаг вперед. Сержант Петровский выйти из строя! Вы направляйтесь в 23-й отдельный медико – санитарный батальон. Всё! Шагом марш!

После того как услышали свои фамилии, мы и другие бойцы стрелковых частей отправились за капитаном.

Оглядываясь по сторонам и вздрагивая от каждого разрыва, который эхом доносился где-то из-за холмов, я задавал вопросы у сопровождавшего нас капитана Смирнова.

–Товарищ капитан, разрешите обратиться?

–Валяй!

– Товарищ капитан, я на станции слышал, что Минск взяли, это правда?

Смирнов закуривает папиросу.

–Да... на минувшей неделе!

Он выдержал паузу, сделав несколько глубоких затяжек.

– Что ж они там, совсем охренели в штабах? Детей набирать стали! Вам по сколько лет то всем? Сразу в пекло бросают! – сминает рукой со злости недокуренную папиросу и швыряет на изрытую от разрывов бомб землю.

– Ну, вообще-то мы уже ни дети! Нам без малого двадцать лет будет. Навоюем не меньше остальных! – ответил я.

Капитан в голос засмеялся.

–Да я тебя умоляю, сынок! Навоюем?! Ни сегодня – завтра перебьют нас всех к чертям собачьим и поминай как звали.

Ты вообще знаешь, какая средняя продолжительность жизни простого пехотинца, а? Сутки! Максимум двое!! А вы вообще медики! Для вас господь сорок секунд отмерил! Немец в первую очередь будет вышибать, что бы вы никого с поля боя вынести не смогли!

Насупившись от его столь обидных слов, я молча продолжил движение дальше.

Шли мы долго по изрытой белорусской земле. В этом походе, я думал о своей единственной и неповторимой Ксенечке и наши прогулки по набережной.

– Воздух!!! Всем в лес, быстро! – взвизгнул вдруг Смирнов, увидев сваливающуюся на нас кучку немецких пикировщиков.

Со стороны солнца заходила пятерка Юнкерсов и с ужасающим рёвом начала обстреливать колонну. Я в панике помчался в сторону леса, до которого было метров двести. Мы с капитаном успели добежать до опушки, но остальные ребята не смогли добраться.

Глядя на то, как наших ребят смешивают с землёй бомбами и пулеметами, я сбросил вещевой мешок, винтовку и ринулся к ним на помощь. Смирнов догнал меня, накинулся сзади и оттащил обратно в лес.

– Ты чего совсем дурак? Ты куда поперся? Ты видишь, что там творится?

– Ну как же так товарищ капитан? Там же Демьян, там же мои друзья! Я должен им помочь!

Мне удалось вырваться из его рук, но капитан, почувствовав, что я утратил над собой контроль, тут же заехал мне кулаком в морду, от чего я потерял сознание.

Очнулся от струек холодной воды бегущих по моему лицу. Капитан, приводя меня в чувства, поливал на лицо из своей походной фляжки.

—Ты прости сержант! Так надо было. Если б я тебя не задержал, ты бы сейчас лежал за компанию. (Держит мою голову рукой и продолжает поливать).

— Тебя как звать-то?

Насупившись от обиды, я сквозь зубы проворчал:

—Сержант медицинской службы Петровский!

—Да етит твою... по имени!

—Алексеем...

—А я Иван Алексеевич!

Протягивает мне руку.

Подняв глаза, я увидел его шрамы на лице, которые вместе с морщинами суживались в тонкую полоску от улыбки, и всё та же окровавленная бинтовая повязка на голове, которую некому было поменять.

Когда мы приводили себя в порядок после авианалета, я заметил, что от нашей колонны никого в живых не осталось. Полностью убедившись в этом, мы стали пробиваться к своим. Бродя по лесу около трёх суток мы с Иваном Алексеевичем наконец-таки вышли в расположение нашего стрелкового полка.

Эпизод 6: «Знакомство»

В ночь на восьмое июля мы прибыли в Могилёв, в расположение штаба 331-го стрелкового полка. Там ожидал пополнения некий полковник Литвинов, который при нашей встрече был крайне недоволен тем, что пришло не войско, а всего лишь остатки.

– Капитан, я тебя за каким чертом посылал? Где пополнение? И где вас носило всё это время?

– Товарищ полковник, нас не носило! – ответил Смирнов, стирая платком пот со лба. – Пополнение в количестве шестидесяти двух человек я забрал на станции. По дороге, мы были атакованы звеном Юнкерсов. Там все и остались лежать... В живых остались только мы с сержантом. Всё, больше мне сказать нечего!

– Ну да, ну да. Бешенной собаке и семь вёрст не крюк!

Полковник переключился на меня.

– Ну, сержанта то я вижу. Фамилия боец?

– Санинструктор сержант Петровский!

– Хм...ну орёл! Ты школу-то давно окончил? Вылитый ботаник! (усмехнулся он) – Ладно, времени нет! Ты сержант, бери своё личное дело в руки и дуй в санчасть, знакомиться со своим новым командиром. А ты Иван Алексеевич останься, покумекать надобно еще!

– Слушаюсь, товарищ полковник!

Отдав честь, я немедленно удалился из штаба.

Зайдя в полуразрушенный госпиталь, с подгорелой и еле висящей на одном гвозде вывеске, я прочел адрес: улица Хмельницкого дом 12А. Чуть дальше, я зашел в первый попавшийся кабинет и увидел там стоящего у настенной карты командира, лет тридцати на вид. Он был крупного телосложения, и не выпускал изо рта свою роскошную курительную трубку.

– Ты чьих будешь боец?

– Я санинструктор сержант Петровский, товарищ военврач!

– А один что? Где ещё люди?

– Не осталось более никого, товарищ военврач! Нас по пути в часть разбомбили...

Выслушав мой доклад, он прислонил свою трость к большим напольным часам, забрал из рук моё личное дело, присел за стол и вскоре продолжил:

– Я твой непосредственный начальник, военврач второго ранга, Октябрьский Алексей Петрович, начальник госпиталя 331-го стрелкового полка. В личном деле записано что, недоучившись в Саратовском медицинском институте, завершил обучение после третьего курса?

– Так точно!

– Специальность выбрал уже небось? (Вытряхивает в пепельницу прокуренный табак из трубки)

– Хирургия, товарищ военврач!

—Ну, добре! Вижу парень хороший! Только уж интеллигентный больно. Дуй в триста пятый кабинет и принимай дела, а то раненых много. Дел за гланды.

—Понял товарищ командир. Разрешите идти?

— Свободен!

После разговора с Алексеем Петровичем, я проследовал в указанное им место. В кабинете меня ожидал лейтенант с оторванной по локоть рукой. Гимнастёрка порвана, золотые танковые петлицы, пришпандоренные на его черном воротнике, окрасились в темно-вишневый цвет от стекающей по лицу крови. Его культя была уже небрежно сформирована. Вдобавок ожог помог осуществить гемостаз. Вся это «красота» была перевязана давящей повязкой, насквозь пропитанная кровью и грязью.

Сбросив вещи на пол, я тут же сориентировался на месте. Достал из шкафчика перевязочный материал, инструменты, лотки, и начал перевязывать. Придерживая второй рукой свою культю, он неимоверно корчился от боли. Я вкалываю ему обезболивающее и принимаюсь проводить первичную хирургическую обработку, по окончании манипуляций, отпускаю. Потом был второй, третий, четвертый и т.д. Цельных пять часов прошло. Полуразбитые часы, висящие на стене, точно показывают без четверти восемь. А раненые всё прут и прут. В кабинет вваливаются два бойца с тяжелым дыханием.

Приволокли за собой товарища, который стонал от бо-

ли держась за плечо. Под разорванной гимнастеркой виднелись две аккуратные дырочки, видимо осколок от разрывного снаряда. Он не молодой уже, лет пятидесяти на вид. Посматривая жалобно то на меня, то на приведших его ребят, он выжидал от нас каких-либо действий. Один из бойцов начал его успокаивать, что мол, кость цела и самое главное, а мясо нарастет. Он даже слегка успокоился, но потом его лицо стало несколько поддёргиваться, после чего, его рот приобрел страшную напряженную улыбку. Судороги схватили всё тело, и он начал выгибаться дугой, опершись пятками и затылком в пол. Громко стонал. Я кинулся чтобы его как-то разжать, но увы...

– Столбняк! – вдруг произнёс один из бойцов, – я в госпитале таких видел. Мне хотелось его спасти, но в этой ситуации я был бессилён. Через несколько минут страшных мук, раненный умирает.

Фамилия его Орлов. Игорь Орлов. Это я узнаю из его красноармейской книжки. Бойцы, скорбно сняв свои пилотки, стояли молча минуты две, после чего, подхватили тело умершего и потащили обратно во двор. Убитых мы не закапываем, так как нет на это ни сил, ни времени. Глухие разрывы и пулеметные очереди слышны совсем близко. Красноармейцы ведут ожесточенные бои на окраине города.

Что и сказать? Так начиналась моя служба в рядах Красной Армии в качестве санинструктора. Через меня проходили сотни искалеченных бойцов в день, и каждый нуждался

в помощи, заботе, поддержке. Конечно, я пытался помочь каждому, но ни всегда это получалось. Под моими руками, бойцы гибли через одного. Нет ни потому, что я еще без опыта, нет. А потому, что ранения были несовместимы с жизнью. Трупов складывать было некуда, чего уж там говорить. Руки, лицо и гимнастерка так пропитались чужой кровью, что казалось я никогда от этого ни отмоюсь. Но несмотря на это, я всё же выполнял свою работу как наставляли нам наши преподаватели перед отправкой на фронт.

Эпизод 7: «Оборона»

В ходе наступления частей вермахта, Могилёв заблокировали со всех сторон, и 12-го июля 1941 года мы попали в окружение. Оборону города решили укреплять с помощью оставшихся сил армий и корпусов, батальона милиции и войск НКВД, студентами и преподавателями близ расположенных учебных заведений.

У нас катастрофически не хватало людей. Вскоре к нам на помощь выдвинулись эшелоны 172-й и 110-й стрелковых дивизий, но буквально через два дня, нам сообщили, что эшелон был полностью разгромлен, и защитники города потеряли всякую надежду на прорыв из окружения. Утром того же дня был отдан приказ идти на прорыв к своим, отступая от ранее занимаемых рубежей.

21-го июля к нашему госпиталю прорвался авангард нем-

цев в количестве тридцати человек. Вступили в бой. Взяв в руки винтовку, я занял оборону в своем перевязочном кабинете и как многие другие бойцы госпиталя, вёл из окна прицельный огонь по наступающим силам.

В тот день мы смогли отбить атаку, но следовавшие друг за другом подкрепления гитлеровцев, мы уже не в силах были сдержать. Октябрьский приказал мне уводить людей, а сам остался в госпитале. Повинуясь приказу, я собрал оставшихся семерых человек и перебежками мы покинули госпиталь.

Полковник Литвинов и мой начальник Алексей Петрович, не желая сдаваться в плен, подорвали себя на гранате, когда немцы попытались окружить их у фонтана при входе в госпиталь.

Больше недели мы скитались по лесам, голодные, грязные, вшивые и просто обезумевшие от войны.

26-го числа в ходе ожесточенных боёв, был оставлен Могилёв. Мы несли огромные, бесчисленные потери. Наш полк и медсанбат был полностью уничтожен. В те дни скитаний, я понял, что скорее всего меня похоронили и что в мой дом уже давно почтальон принес извещение, где записано «Пропал без вести» или того хуже «Пал смертью храбрых».

«Эх, бедные мои родители, они ведь так же понимают, что их сын больше не приедет погостить. А моя любимая Ксюшенька в свои восемнадцать лет станет вдовой, так и не узнав, как погиб её муж» – подумал я, обессиленный и истощенный, цепляясь за мокрые от дождя кусты деревьев, пре-

одолевая каждый метр пути. Таким был мой первый бой. Война словно жернова, перемалывала жизни и судьбы советских людей. Враг был на пике своего могущества и судя по всему рвался к Москве. А мы тем временем обреченно тонули в болотах, питаясь корой деревьев и щавелевыми листьями, ночуя где придётся.

Эпизод 8: «Свои»

Через полтора месяца скитаний по лесам, нам все же удалось выйти к своим. Придорожные указатели давали понять то, что мы находимся в районе города Юхнов, пройдя пол Белоруссии за это время. От столицы нас отделяло всего полторы сотни километров. Уже немощные, теряющие сознание мы решили заночевать в полуразрушенной хате на берегу реки Угры.

Где-то неподалеку гремели бои. Артиллерийская канонада и пулемётно – ружейные выстрелы преследовали нас шаг за шагом. Все это говорило о том, что враг вот-вот будет стоять и у стен Москвы. Наступающие части Красной Армии с востока, в отчаянных схватках останавливали противника всеми доступными силами. К сожалению, помочь им ни представлялось возможным, так как не было ни возможностей, ни патронов и тем более сил на ведение боевых действий.

С убийственной усталостью мы залегли в полуразрушен-

ный сарай и наблюдали за гибелью наступающих войск. Картина была наижесточайшей. Немецкие пулеметы, как мясорубка, перемалывали наступающие войска. Тем, кому все же удавалось прорваться в немецкие оборонительные позиции, были тотчас же убиты. Крики, матерщина, рукопашные схватки, единичные пистолетные выстрелы, хлопки разрывающихся в воздухе гранат – все это стихло так же стремительно, как и началось. Из-за массивованных фланговых и даже где-то безрассудных лобовых атак, всё поле боя было усеяно горами трупов. В течении нескольких дней, уже опухшими от голода и лишений, мы решились на дальнейший самостоятельный прорыв к своим в сторону фронта.

Ранним утром сквозь шелест листьев, я услышал подозрительный шорох возле нашего ночлега. На пороге, вдруг нарисовались несколько фигур в грязных плащ-палатках. Один из них передернув затвор своей винтовки, в полголоса произнёс:

–Эй! Вы кто такие будете? Свои? Аль чужаки?

Я с замыленным взглядом, пытаюсь встать на ноги, про-
бормотал:

–Красноармейцы мы... к своим топаем... – и тотчас же рухнул на землю.

Что происходило со мной в тот момент, мне сказать трудно. Практически всё это время я находился в беспамятстве.

Очнулся в госпитале. По всей видимости уже в Москве. Это я узнаю от соседа по койке. Он рьяно, с перемотанной

головой и гипсом на правой руке, распинался, дескать: «Скоро фрица тут в Москве голым задом встречать будем!»

За стенкой, где-то в соседних палатах раздавались душераздирающие крики. По-видимому, там были операционные. Кто-то просил больше водки, чтоб не так остро чувствовать боль, кто умолял о том, чтобы его пристрелили, а кто-то просто молча лежал и ждал своего часа. На стене неподалеку от моей койки, висел небольшой календарик, несколько запачканный кровавыми пальцами, с еле виднеющейся датой – 20 октября 1941 года.

Первым делом после долгой борьбы со смертью, мне вдруг пришла мысль позвонить родным и оповестить их о том, что я жив. Но к сожалению, как выяснится позже, связи в госпитале не было, только ВЧ, да и та у начальствующего состава. Центры связи были разрушены входе бомбардировок города, которые продолжались изо дня в день.

Условия были просто невыносимые. И кормежка такое себе, и уколы эти, от мягкого места уже ничего не осталось, и кровать низкая, с вонзающимися в спину пружинами. Б-р-р! Я уже начал дни считать, мечтая скорее вернуться в строй.

Пробыв в такой рутине десять дней, я все же сумел подняться. После пребывания в госпитале, меня направили в фильтрационный пункт, для полного установления личности. Думал теперь все будет хорошо, но увы. В палате меня уже ожидали двое в форме сотрудников госбезопасности. Один сидел на моей тумбочке, а второй стоял лицом к окну

и спокойно смаковал папиросу, выпуская дым через нос.

– Сержант, на минуточку! – сказал особист, сидящий на тумбочке, подманив меня рукой.

– В чем дело? – удивленно спросил я.

– Да собственно ни в чем. Небольшая формальность! Прогуляемся до нас? Машина ждет внизу!

– Это что, арест? – взволнованно спросил я и голос мой мгновенно задрожал.

– Да ну что вы! Простая беседа, ничего личного! – ответил он и хитро улыбнулся краем глаза.

– Я могу собраться?

Особист, что у окна, затушил папироску о подоконник, звучно выдохнул дым, подошел ко мне и выхватив из рук документы, сказал:

– Бегом! У тебя минута! – и тотчас же с напарником спустился вниз к крыльцу. Вещей у меня было не много. Запрыгнув в свои галифе, и накинув поверх рубахи гимнастерку, я спустился вслед за ними.

У входа стояла роскошная чёрная ГАЗ М-1 с открытыми дверьми. Особист, что курил там наверху у окна, зашел мне за спину и деликатно толкнул меня под зад в салон. Другой сел спереди. Шофер завел двигатель, и мы поехали в неизвестном мне направлении.

Привезли в какое-то громадное здание после чего взяли под конвой и завели в кабинет. Жестко усадили на стул перед молодым особистом, с тремя шпалами в петлицах, с по-

блѣскающим на груди от света настольной лампы, орденом красной звезды. Он открыл судя по всему мое личное дело и вытащив оттуда лист, дал мне на ознакомление:

– Это постановление о вашем аресте! Гражданин... как вас там правильно-то... а, гражданин Петровский!

– Простите, а почему аресте? И можно ли узнать, кто вы?

– Конечно можно! Старший следователь второго управления НКВД, капитан Зубов. Я веду ваше дело.

– А разрешите узнать, какое собственно говоря дело? Что такого я совершил? – пытаюсь встать с места, с дрожью в голосе спросил я, но сзади стоящий боец, схватив меня за плечи, резко опустил на стул.

– А вот ознакомьтесь! Вам предъявлено обвинение в трусости и паникёрстве!

– Что?? Товарищ капитан, да какой я трус? Мы с ребятами били врага почти два месяца! Бродили по лесу черт знает где! Товарищ....

Перебив меня, и ударив кулаком по столу, капитан закричал:

– Закрой рот! – далее перейдя на спокойный тон, продолжил. – Не товарищ, а гражданин следователь! Знаешь сколько таких как ты мне затирают? Плетёте семь верст до небес и всё лесом. Чего думаешь, что ты самый умный, да? Я вас предателей за полуверсты чую. Давай говори почему ты со своими окруженцами не поддержали со стороны бой у реки, когда наши бойцы на амбразуры бежали?

– Я не понимаю, о чем вы?

– Хех, ну ты даешь! На тебя показания написали твои же ребята, что агитировал о переходе к врагу, проявил трусость, когда они тебе предлагали атаковать! Что память отшибло уже?

– Гражданин следователь, не было такого! Нам воевать уже нечем было, одни винтовки пустые! Да что там винтовки, сил не было ни на что!

– Ах сил не было?! Ну да, а на трусость и паникерство сил хватило? Молодец! Сержант, помоги-ка ему вспомнить! – переводя взгляд с меня на позади стоящего бойца, приказал он.

Тут же почувствовав сильный удар в спину, я рухнул на его стол, разбив себе бровь.

– Подними его!

Дежурный поднял и усадил меня на стул.

Зубов успокоившись указывая глазами на рядом стоящую кипу папок, сказал:

– Ты видишь вот эту стопку? Видишь?

– Да вижу...

– Это все тебе подобные! И мне эту кипу надо разрешить, понимаешь? Давай! Облегчишь душу себе заодно! А? Товарищ бывший сержант! Ни к чему тебе эти геройства и игры в молчанку, мы все равно добьемся своего, только это будет уже больнее! Ну так что? Будешь говорить?

– Что говорить-то? – преодолевая боль ответил я, -мы

пробились из окружения, еды и боеприпасов не осталось. Мы говорить то не могли, не то что там воевать! А я, гражданин следователь, присягу давал! Родину не предам!

– Верю! Только ты пойми меня, Петровский! Согласно приказу, за номером «270» от шестнадцатого августа сего года по этому поводу касаются тех, кто приходит с той стороны! И твои окруженцы наклепали на тебя показания, что ты агитировал на переход к врагу, придавался панике, проявил трусость. Ты понимаешь, что за такое я, лично я, имею право к стенке поставить без суда и следствия!

– Как же так, гражданин следователь, ни виновного человека к стенке? Мы же воевали, сражались до последнего. Вы думаете, что если б у меня были патроны, я бы не пошел в атаку тогда? Я жизнь отдам за родину, а вы меня в предатели записываете...

Капитан, сжав кулаки, злобно выдохнул.

– Ну, я тебя понял! Что ж, поговорим по-другому.

Сняв телефонную трубку, он набрал какого-то Алимова. Перекинувшись с ним несколькими фразами, он положил трубку и посмотрев на дежурного сержанта, отдал распоряжение отвести меня в подвал.

Дежурный поднял меня со стула и отвел в сырое подвальное помещение. Когда я вошел в него, я оказался в самой настоящей комнате дознания. Комната психологического воздействия на подозреваемого. На стенах висели цепи с оковами, нечто похожие на дыбы. Справа стоял столик с большой

лампой. По левую руку кушетка с какими-то двумя приборами с клеймами. С потолков монотонно и противно капала вода. От увиденного у меня мурашки по спине побежали.

Зубов присел за стол, где стояла та самая большая лампа и приказал присесть напротив него. Дежурный, пододвинув ногой стул, резко толкнул меня на него.

– Ну так что, отпираться дальше будем? Или все-таки признаешься в содеянном? – спокойно закуривая папиросу, спросил он.

– Ну гражданин капитан, я же правду вам говорю! Пожалуйста, отпустите меня. Я ни в чем не виноват! – жалобно умоляя его.

Зубов включил эту самую лампу и направил её мне в лицо. Свет был настолько ярким, что ослепили меня еще больше. Мучительная резь в глазах заставляла меня еще более проливать слёзы. Попытки отвернуться от прямых световых лучей пресекал конвоир. Он держал мою голову в этом направлении, с силой сжимая одной рукой нижнюю челюсть, а другой верхние веки.

– Глупый ты! Ну ни к чему это всё, понимаешь? Начнем сначала! Так вот, вам сержант Петровский, предъявлено обвинение в предательстве, трусости и паникёрстве. Спасибо твоим сослуживцам, которые тебя гада и сдали. Ах да! На сколько я знаю твой начальник Октябрьский тебя поставил ответственным за выход из окружения. А ты, сукин сын, решил все переиначить. Что скажешь на это?

– Что будет, если я подпишу признание?

– Ну как что?! Если будешь дальше Ваньку валять, расстреляем! А если подпишешь, отделаешься сроком в черво-нец и лети себе ласкай телогрейку на лесоповале. Глядишь и смоешь ударным трудом свой позор. У тебя «58-1а» на лбу зеленкой написана. Так что, думай Алексей!

– А что это за статья? – медленно выговаривал я, так как конвоир начал еще сильнее сжимать мне голову.

– Измена Родине! Все вот эти твои деяния, в купе, называются измена Родине! Вот держи тебе перо, вот чернила, пиши!

Трясущимися руками, я взял перо и наощупь обмакнул его в чернильницу. Зубов приказал конвоиру отпустить меня. Выключив лампу в комнате стало резко темно. Правым глазом я уже видел плохо. От света были большие круги, которые мешали сфокусировать зрение. Писать было невозможно. Кровь, с рассеченной брови заливала левый глаз. Тут я понял, что ничего написать не смогу и тут же бросил перо на стол.

Капитан усмехнулся и тут понеслось...

Зубов закурил очередную папироску «Беломора» и приказал Алимову (начальнику отдела дознания) разобраться со мной по полной. Алимов с конвойным выбили из-под меня стул и начали долго и мучительно избивать ногами. Очнулся уже в камере от ведра ледяной воды. Следственные мероприятия продолжались около месяца. В начале декабря меня

снова вызывают на допрос. Эти постоянные допросы и пытки уже зашли слишком далеко, и я решил подписать всё, что они требуют. Привели снова в кабинет для дознания, но к моему удивлению там сидел другой человек.

– Старший майор госбезопасности Яковлев! – представился вдруг он, – Теперь я ваш следователь!

– Здравствуйте, гражданин старший майор! – еле выговаривая каждое слово, поприветствовал его.

– Мне поручено известить вас о том, что ваше дело закрыто за отсутствием состава преступления. Вам выдадут форму и личные вещи.

– Гражданин майор, а где же тот следователь? – заикаясь от волнения спросил я, обнимая себя за локти.

– Зубов отстранен от вашего дела. Палку перегнул немного со своими подопечными. – ответил Яковлев, и тут же опустил глаза в стол.

– Разрешите вопрос? А как так получилось, что нет вины?

– Ваши сослуживцы, признались в том, что вы были храбрым человеком! И именно вы вывели их из окружения. Но это видимо не понравилось Зубову, и он тут же сделал по-своему. Следователь то он в принципе не плохой, только уж больно...

Яковлев пододвигает лист бумаги: – Подпишите только эту бумагу!

Растерявшись от слов Яковлева, я пристально вглядывался в этот документ.

– Да не бойся, подписывай! Это не признание, а ваше освобождение!

Закованный в наручники, я дотянулся до чернильницы, и взяв в руки перо подписал.

– Ну вот и всё, Петровский! Свободны! – сказал он, подшивая подписанный лист к делу.

– Спасибо гражданин майор за доверие... – ответил я, и с наворачивающимися слезами, проследовал к выходу.

Следуя по коридору, я пытался вникнуть в происходящее. Следствие по моему делу окончено. Предателем меня уже не считали. К сожалению, в этих не столь отдаленных местах, я всё же сломался. До сих пор ноют ребра, особенно после последнего допроса. Зубы шатаются вот-вот выпадут. Синяков на лице столько, что даже и не скроешь, и на правый глаз я кажется всё-таки не много ослеп, вижу только мутные круги.

После освобождения мне выдали новую форму, личные вещи и назначение в часть, расположение которой, находилось в районе полигона Бекасово под Москвой. Там стоял 296-ой медсанбат 33-й армии, который в своем распоряжении имел дивизию народного ополчения.

Эпизод 9: «Отстоим Москву!»

Декабрь. Третье число. «Зима конечно выдалась суровой!» – думал я, переминаясь с ноги на ногу на зимней дороге. Градусов сорок ей богу. Такая холодрыга была, если ве-

ритель писаниям еще в Отечественную войну с Наполеоном, из-за чего последний и бежал из России. А немцы? Да что немцы, наверное, тоже драпанут, кто их чертей знает! Шинельку выдали на размер меньше, вдобавок еще и дырявую.

Холодный зимний ветер пронизывал меня насквозь, заставляя пританцовывать на заснеженной обочине под табличкой с указателями разных полковых хозяйств. Три большие стрелки с фамилиями командиров, как в сказке про трех Пушкинских богатырей, аккуратно указывали маршруты. Налево через несколько километров хозяйство лейтенанта Зайцева, направо хозяйство Яшина, прямо проживал полковник Ивлев со своим подразделением. Дорога нам была предписана к лейтенанту Зайцеву, который как вскоре выяснится командует ополчением.

Вкушая этот свежий морозный воздух, я полной грудью наслаждался им. Пар разлетался на полметра застывая на мгновение. «Как же все раздражает! Сопли ручьем текут не остановишь! Шинель драная продувается! Подмётка на левом сапоге уже каши просит! – пробормотал про себя, ругая все вокруг, – и время медленно идет, и машин как назло ни одной нет, а пешком идти вообще ни комильфо. Что ж за жизнь то такая собачья выпала на мою долю!»

Лишь спустя полчаса ожиданий, на горизонте появилась сначала одна фара, потом другая, только чуть потускневшая, и совсем скоро нарисовался целый грузовик, на борту которого, большими белыми буквами, как в продовольственном

киоске, написано слово «Хлеб». Водитель увидел танцующего меня на обочине и тут же притормозил. Мужичок средних лет в дырявых рукавицах, поманил рукой: «Куда путь держишь, браток?»

– На войну, дяденька!

– Война нынча везде, тебе кудой надо-то?

– Мне бы в хозяйство лейтенанта Зайцева, если можно!

– Седай, прокатимся с ветерком!

И мы поехали. Хороший человек, этот водитель-хлебовоз Семеныч, не дал помереть от холода. Следуя на дребезжащем по фронтовым дорогам ЗИСе, я глубоко задумался, глядя в полуразбитую форточку полуторки. Ведь еду я на ту самую передовую, где в скором времени будет решаться судьба нашей столицы. Враг уже более чем вплотную подошел к Москве. Казалось, что им остается сделать лишь последний рывок и наша оборона дрогнет. Передышку нам подарили лишь тогда, когда осенью началась распутица. Раскисшие дороги – вот что было главной связующей проблемой. Для немецкой стороны – это наступать, а для нас – это отступить и обороняться. Но к началу декабря, когда земля схватилась, немцы тут же ринулись к столице.

Прибыли на место. Хлебовоз Семеныч указал мне дислокацию искомого расположения. Сойдя с машины, я наблюдал за людьми в гражданской одежде, с винтовками наперевес, которые рыли оборонительные позиции на этом Наро-Фоминском направлении. Это была дивизия народного

ополчения, вперемешку с частями 33-й Армии. Спрыгиваю в отрытый окоп. Просачиваясь сквозь эту пеструю толпу, я интересовался у каждого, где можно найти командира укрепрайона. Стоящий рядом седовласый мужик с бородой, поправляя ушанку, глядя на меня, ответил:

– Вон командир бегает! А ты откуда такой красивый?

– Да я из Москвы. Вот получил назначение к вам в качестве санинструктора! – подтягивая ремень винтовки, ответил я.

– А-а-а, вон оно что! Это теперь у нас своя медицина есть? Ты у нас один на всю роту будешь! А то третьего дня убило нашего фельдшера и лечить некому стало. Ты, кстати табачком не богат часом? А то курить хочется, страсть! – спросил ополченец, указывая рукой на мой вещмешок.

– Да откуда дядь, самому охота пару затяжек сделать. Так, где мне командира искать?

– Хех, ну ладно! Идешь значит за дальний окоп, там будет землянка. В землянке он и бывает!

– Спасибо, отец! – похлопав по плечу собеседника, я тут же проследовал к указанному месту.

Возле командирского блиндажа стоял часовой. Его лица не было видно, а шинель полностью окутана снегом.

– Товарищ, а ротный Зайцев, здесь?

Тот, спустив с пол лица шарф, ответил:

– Здесь! А ты кто такой?

– Видите ли, я ваш новый санинструктор, не могли бы вы

доложить обо мне!

Немного ухмыльнувшись, он зашел в землянку. Через минуту открылась дверь, и оттуда раздался почти детский голос:

– Заходите, кто там?

– Товарищ лейтенант! Санинструктор сержант Петровский прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Худощавый юноша лет двадцати пяти, с оспенным лицом, протягивая мне свою сухую и теплую руку, представился в ответ:

– Здравствуйте, я лейтенант Зайцев! Командир роты народного ополчения и начальник укрепрайона.

После рукопожатия, он предложил мне сесть у ярко красной от огня буржуйки.

Параллельно клацая своим именованным портсигаром, он рассказывал:

– Видите ли, товарищ сержант, я тут человек новый. Я даже не имею отношения к армии. Я был зав складом в продмаге. Как немец к Москве подошел, так нас сразу эвакуировали в Куйбышев, а я решил вот остаться. И остался на свою голову. Всучили, простите, шпалы в петлицы и зачислили в армию.

– Кубари!

– Что простите?

– Ни шпалы, а кубари в петлицах! Шпалы это уже от капитана и выше.

– Гм, вот видите, я даже в званиях толком разобраться не успел. Однажды на построении, представляете, я заместителю командующего фронтом, воинское приветствие не так отдал, к пустой башке руку приложил, так меня за это заставили два битых часа устав учить. Еще и выговор объявили.

(Улыбаюсь)

– Вот вам смешно. А там перед строем молодых мальчишек, такой гогот стоял мама не горюй. Это я к тому веду, что тяготит меня эта вся армейская муштра.

Вглядываясь в его интеллигентное, совсем молодое лицо, я с удивлением спросил:

– А почему вы не сказали об этом командованию? Ведь как я понимаю, это самый важный участок на Московском направлении?

– Да говорил! Рапорта писал, а толку, – опустив глаза, тяжело вздохнул он. – А вы, случайно, не имеете опыта в руководстве?

– Кто? Я? Нет! – улыбаясь, ответил ему. – Я не успел кем-либо покомандовать. Все время по тылам противника да в окружении. Куда там.

– Может, раз так совпало, вы будете моим заместителем? – скромно, смотря из-под шапки, предложил он.

– Спасибо за доверие, товарищ лейтенант я постараюсь!

– Ну, вот и ладушки! Вас как зовут?

– Алексей!

– Очень приятно, а я Егор!

(Протягивает мне папирасы)

И мы закуриваем. Несколько штук я закладываю в шапку. «Ох как приятен этот дым отечества!» – как сказал бы сейчас Чацкий великого Грибоедова.

Егор ни на секунду не выпускал папиросу из рук. Параллельно вытащил свой планшетник с картой и стал обрисовывать мне сложившуюся обстановку в данном районе. Из его доклада я понимал, что скоро по всему фронту начнется контрнаступление, которое отбросит немца от стен столицы. Наша задача была приоритетной. Под прикрытием артиллерии захватить Наро-Фоминск и удерживать до подхода основных сил. Дивизия ополчения имела в своем составе восемьсот штыков. Эта наскоро обученная масса, состоящая в основном из мужчин пожилого и среднего возраста, должна была наступать с винтовкой в руках на подготовленного врага, который во много раз превосходил нас в силе и технике.

Рассказывал он все это чуть ли не взхлёб. То папироску достанет и закурит, а то и вскочит с места и будто Ильич на постаменте с кепкой, размахивая руками жаловался на хреновую оснащенность вверенного ему подразделения. «Разве так можно?» – распинался он, вытирая слюнную пену с углов рта. Я же отхлёбываю из стальной кружки кипяток и положительно киваю в ответ, соглашаясь с его высказываниями.

Проговорив с командиром до вечера о всех делах, я решил выйти из блиндажа. Откидываю борт шинели и глубоко вздыхая наслаждаюсь этим тихим подмосковным вечером,

который проходил без стрельбы и взрывов.

– Молодой человек, вы голову то пригните! А то снайперы балуются! – вдруг откуда ни возьмись по окопу пронесся голос в мой адрес.

Не поворачиваясь к нему я через плечо ответил:

– Что снайперы?

– Снайперы, снайперы. – усмехнулся он, – Один умелец тоже так стоял, поторговал лицом. Так и схоронили на передке. Ты кстати табачком не богат, служивый?

Наконец повернувшись к нему, я увидел в этом заснеженном мраке, сидящего в обнимку с винтовкой человека.

– Ну, есть не много!

– Не поделишься? – протянул он свою ладонь.

– Поделюсь, чего уж там!

Прикуривая от спички папироску, он подсветил себе лицо.

– Батя? – удивленно воскликнул я.

Тот застыл с сигаркой во рту и зажженной спичкой в руке, несколько прищурившись произнес:

– Лёшка, ты что ли?

– Я, отец! Я! – накинувшись друг на друга, слились в родственные объятия.

– Лёшка, ты живой? Я ни верю своим глазам! Мы ведь на тебя похоронку получили летом! – шмыгая носом, утирал он свои скупые слезы.

– Да жив я! Наш госпиталь разбомбили, и мы из окруже-

ния два месяца выбирались. До чего же я рад тебя видеть! – улыбался я. – Ты какими судьбами в этих краях?

– Да, скорбными сынок! После твоей похоронки мы с матерью горевали долго. Через неделю и матери не стало от такой новости. Сердце, понимаешь ли. А что я один без вас буду делать? В октябре в военкомат пошел. Комиссар в ополчение записал. И вот я тут! – держа меня за руку, рассказал он.

– Мама? Как же так отец?

– Сам не знаю, сынок. Судьба, ничего не попишешь!

Закуриваю за компанию. В эту дивную ночь я рассказывал ему всё что мне пришлось пережить за эти полгода. Отец не был в курсе, что я женился. Ведь мы с Ксенией решили умолчать про наш союз. Эта новость его очень взбодрила, и он тут же начал грезить о внуках.

Безлунная ночь окончательно легла на наши позиции. На горизонте изредка взмывали осветительные ракеты, сопровождающиеся глухой короткой пулеметной стрекотней. Несмотря на это, наша семейная идиллия продолжалась до самого утра. После, совсем не выспавшись, я помогал отцу рыть окопы кидая лопатой землю вперемешку со снегом.

Спустя некоторое время я решил немного отдохнуть и забрел в землянку к лейтенанту Зайцеву. Пристраиваюсь спиной к буржуйке. Беру в руки небольшой клочок бумаги и старательно пишу супруге письмо. В голове были лишь одни рифмы, и слюнявя огрызок карандаша, я наносил на кусок

выцветшей бумаги следующее:

*«Ксенечка, здравствуй, это я!
Твой драгоценный, и любимый муж,
Ни верь тому, что я погиб тогда
Ведь это все, гнилая ложь!
Прости за рифму, дорогая
Что ни рифмуется совсем,
Пишу тебе я из землянки,
Любви твоей захвачен в плен.
Недавно я услышал фразу,
От одного бойца с той роты
Он женщине своей стихи писал,
А после нам вещал про это.
И вот, хочу я подарить те строки,
А ты присядь спокойно у печи,
И разверни мой треугольник желтый
Где будут те слова, прошу тебя не плач и не скорби.
Смотрю на печурку, где бьется огонь
На поленьях стеклась смола как слеза,
И поёт мне в той теплой землянке гармонь,
Про улыбку твою и родные глаза.
Про тебя мне безмолвно шептали кусты,
В заснеженных бурей, полях под Москвой,
Я хочу дорогая, чтобы слышала ты,
Как смертельно тоскует мой голос живой...»*

*И ты, моя Ксюша, сейчас далеко,
Ведь между нами теперь снега да снега,
До тебя мне дойти совсем не легко,
А до смерти всего лишь четыре шага...*

Прости меня, еще раз, что подло украл эти строки, и подстраивая на свой лад посвятил их тебе. Просто, когда я услышал их, у меня слезы навернулись на глаза, как у подростка, честное слово... вот даже сейчас пишу тебе и глаза на мокром месте. Боюсь, что больше никогда тебя ни увижу, ни обниму, ни поцелую. Скоро будем бить врага. Целую тебя крепко и передаю пламенный привет. Прощаться не будем! Твой Алексей!»

Зайцев словно ошпаренный забежал в землянку с криками:

– Алексей вставай! Немцы!

(Подскакиваю с деревянных нар)

– Немцы? Где?

Он выдергивает меня на улицу и показывает пальцем в небо.

– Вон смотри! Бомбардировщики!

Выхватив у него бинокль, я задираю голову вверх. В оптике медленно проплывала черная туча самолетов в сторону столицы. Чуть ниже их эшелона пролетали истребители прикрытия Мессершмидты, или как называли между собой

бойцы «Мессеры».

– Вот и началось!

Продолжая наблюдать за этой тянущейся небесной армадой, мы слышали, как неподалеку от наших позиций загрохотали немецкие танки. Егор приказал всем занять оборону.

Я забежал в землянку, схватил со стены свою санитарную сумку с медикаментами, винтовку, и ринулся на позиции поближе к отцу. Только потом до меня дойдет, что написанное любимой письмо, я оставил в землянке, которую разнесет прямым попаданием в пыль. Но это будет после. Взведя стальные курки, мы брали на мушку медленно идущую за танками пехоту противника.

Немцы шли нагло, в полный рост. Кто-то даже играл на губной гармошке. Танкисты вели свои машины с открытыми настежь люками.

Зайцев глядя в бинокль произнес:

– Эх, как вас много-то! Как у себя дома, скоты проклятые! Ну ничего! Сейчас мы им покажем! – оторвавшись от наблюдения, он махнул рукой неподалеку сидевшим бойцам. Те достали из-под брезента какое-то ружье, достигающее около двух метров в длину. Выставили его на бруствер окопа и зарядили обоймой начиненной громадными патронами. Боец, плотно прижав приклад к плечу, прищулив один глаз целился в головной танк. Ротный возобновил наблюдение и громко крикнул бронбойщикам:

– Ребята, по головной машине! – махнув рукой добавил, –

Огонь!

Боец плавно нажал на курок. Ружьё раскатисто грохнуло. Отдача была настолько сильной, что боец потерял равновесие и опрокинулся назад. Тяжелая пуля вылетела из длинного ствола. Мгновенно преодолев расстояние, она угодила в триплекс мехвода. Последний судорожно дернулся, обмякнул и выпустил рычаги из рук. Танк, проехав несколько метров вскоре останавливается.

«Открыть огонь!» – скомандовал Зайцев, и ополченцы тотчас же начали отстреливать врага из своих винтовок. Бронебойщики продолжали вести огонь, посылая свой смертоносный груз по вражеской технике.

Немцы открыли ответный огонь. Заметив противотанковое орудие, следом идущий вражеский танк выстрелил точно в цель. Снаряд, достигнув позиции бронебойщиков, ударился о землю и разорвался с ужасным грохотом, сметая все на своем пути. Настигнутые мгновенной смертью бойцы вскрикнули и рухнули на дно траншеи.

Подбегаю к ним для оказания помощи. Тут я впервые увидел, как может разорвать живого человека. От тех двух бойцов на дне окопа, остались лишь половины туловищ. А разбросанные по борту траншеи внутренние органы, еще не освободившись от крови, пульсировали на снегу. От такой картины меня затошнило. Отвернувшись, я окунул голову в снег, после чего вернулся на исходную позицию. Егор продолжал корректировать огонь. Не услышав ответного докла-

да о готовности, он прерывает наблюдение. В горячности боя, он не заметил останки своего погибшего расчета и наступая на их обезображенные тела сапогами, подхватил ружье и сам продолжил стрельбу.

К нашим окопам неторопливо приближались остальные вражеские танки. Все машины вели непрерывный шквальный огонь. За этими бронированными чудовищами, нестройными рядами двигались пехотинцы в серо-зеленой форме, поверх которой, были белоснежного цвета маскхалаты. Пробегая от раненого к раненому, я накладывал повязки и обрабатывал раны. Тем временем, когда приближающиеся танки были остановлены, ротный достал наган из кобуры, вскочил на бруствер и поднял ополчение в атаку. Бойцы с бешенством ринулись навстречу противнику, сойдясь в рукопашной, уничтожая всех до одного. В тот же момент, с нашего тыла подоспели и части 33-й армии. Соединившись с ними, мы продолжили успешно громить врага.

На следующий день после ожесточенных боев, мы заняли город Наро-Фоминск. Немцы, не желая мириться с этой утратой, обрушили на нас всю мощь своей авиации.

К полудню шестого декабря, на фоне ярко-светящего зимнего солнца, показалось звено из так называемых «лаптежников» именуемых Юнкерсами «Ju-87». Эти пикирующие бомбардировщики около двадцать машин, раскачивая свою карусель смерти, методично в несколько заходов, сбрасывали весь свой боезапас, и в последнем заходе, особенно устраи-

шающе завоюют сирены, лишая нас рассудка.

Мы с отцом бросив оружие побежали в сторону убежища. Когда бомбы начали ложиться точно позади нас, он повалил меня на снег. Лежа на холодном снегу, я вдруг почувствовал, как мне за шиворот, на лицо, глаза и рот тонкой быстрой струйкой затекала теплая кровь. Несмотря на злой мороз, мне стало дико жарко от этого. Выбравшись из-под родного отца, я увидел, как из его спины и затылка пробивался легкий дымок. Я застыл в ступоре. Отец уже ничего не говорил. Он лежал с чуть приоткрытыми зелеными глазами, и безразлично так, словно в пустоту, смотрел в небо. Трясущимися руками закрываю ему глаза. Сняв с себя шапку, прикрываю его строгое лицо.

Подбежавший лейтенант Зайцев, схватил меня за шиворот, и несмотря на свою худобу, оттаскивал в убежище. Из-за пятиэтажного здания, расположенного напротив нас, стремглав вылетел вражеский Юнкерс, и круто спикировав над нами, дал очередь из пулеметов.

Пули попали точно в цель, скосив нас бегущих. Егор замертво свалился на мою голову, накрыв меня своим телом. Вдруг я почувствовал резкую и жгучую боль по всему телу. Пули, настигшие Зайцева, прошили его точно швейная машинка насквозь, остановившись в моем теле. Увидев, как моя гимнастерка быстро багровеет от крови, я начал громко стонать от боли. Пули прошили мне левую руку и правый бок.

Наши войска не теряя энтузиазма, усиливая натиск, отбросили врага на 200-250 км от столицы. Эта битва продолжалась вплоть до марта 1942 года. Вскоре наше наступление выдохнется, и войска остановятся под Вязьмой и Ржевом.

То, что происходило дальше я не помню. Знаю то, что после того боя, угодил снова на больничную койку, в один из московских госпиталей. Спустя две недели, после операции, ко мне в палату зайдет тот самый старший майор Яковлев. На нем будет накинут белый халат, а в руках он держал какие-то коробочки. Выйдет так, что меня представили к награде – медали «За боевые заслуги». Перекинувшись парой дежурных фраз, он спишет все мои грехи и направит меня на новое место службы. Это была моя первая награда и мое первое боевое ранение. Анализируя происходящее, я пребывал в странном чувстве прострации и лишения. В этом кровопролитном сражении я потерял своего отца. С тех пор я долго не мог смириться с этой утратой. Он погиб так и не получив ни одной награды, геройски сражаясь на равне со всеми. Мой командир лейтенант Зайцев, был награжден за тот бой орденом Ленина (посмертно). Несмотря на всю ожесточенность боев, нам все же удалось отстоять столицу на своем рубеже. Наши бойцы стремительно продвигались вперед, а я вот уже больше месяца, пребывая на больничной койке, дожидался скорейшей выписки.

Эпизод 10: «В лесах под Вязьмой»

Апрель. 1942 год. Госпиталь. Лежу в развалку на своей койке с перебинтованной рукой и слушаю разговоры своего соседа Руслана Соловьева. Он собрал во круг себя толпу и начал вещать о том, как ему доводилось в госпиталях полежать, вставляя в разговор какую-то медсестру Юсю.

– Порядочки в Сталинграде знайте какие? Не то что тут... – рассказывает Руслан, – в Москве! Ворота закрыты. Часовых полно. Как в тюрьме ей богу. Только во двор ходи гуляй. А двор и смех и грех. Со всех сторон стены, посередке асфальт, скамеечки там всякие. Да и мороженное продают. Выйдешь бывает на лавку посидеть с ребятами, и начинаешь сестер обсуждать. А сестры там конечно, я вам доложу боевые. Начальства только уж очень боятся. Позовешь их присесть за компанию, они посидят малость, и убегают в своих халатиках в обтяжку. Вслед смотришь на все это, а внутри так и горит все. Вот помниться пока лежачим был – ничего, не тянуло особо на это дело. Даже страх меня обуял. А потом стал во двор выходить, гляжу оживаю, кровь закипать начинает. Но кипеть то она конечно кипит, а толку... «Нельзя, мол товарищ больной и все тут!» Только валяешься на койке да в кино ходишь. Цельными днями «Чапаева» да «Девушка с характером» крутили. Я эти фильмы наизусть выучил уже.

Сашка Омельченко, мой сосед слева, улыбается уголком рта:

– Ты ближе к Юсе давай!

– И о Юсе будет, не перебивай там! А не нравится не слушай! Иди лучше на уколы, тебя там ждут. Я вон Петровско-му расскажу. Он еще молодой, такого и не видывал.

Тянется за полупустым портсигаром и достает папироску. Закуривает.

Демонстративно повернувшись в мою сторону, продолжает: – Рука моя, значит, в гипсе. Лучевую разбило. Ночью спишь, никак не пристроишь. Крюки торчат и все тут. Хорошо, что ниже локтя разбило, а то у некоторых, вон помнится Мишку Головина, дружище моего, ключицу раздробило. Через всю грудь панцирь такой – гипсовый, и рука на подставке. Рука на полметра впереди. Ну это ладно. У меня второе ранение, стыдно сказать, осколочное в задницу. (Смеется). Так и сидит у меня. Я его конечно не чувствую, а вот в то время на ведро сходить – целое событие. И Юсю стесняюсь, а девчонка что надо! Волосы русые, все время в хвосте. Халатик приталенный в обтяжечку, так что её тонкая фигурка прорисовывается. Подсядет ко мне, когда я лежачим был, и кормит яичницей порошковой с ложечки, а весь как на иголках. Потом мы приноровились с окон прыгивать, в город. Из женского туалета. Там хорошо было прыгать. Девочек только пугали, когда обратно из самоволки возвращались. Со мной лейтенант один лежал, ему пуля о голову чиркнула, но он уже на поправке был, так мы с ним в одних кальсонах и рубашках с больничным клеймом курсировали. Только вот потом главврач увидела и забила окно досками, после того как мы

возвращались с самохода, а она там на горшке...ну понимаешь, о чем я. Визгу было – страсть! Правда потом мы все же приспособились по трубе водосточной слазить. Даже безногие спускались, ей богу! Костылями своими зацепятся и как мартышки по стенке. Мат перемат стоит. Хех, приспособился народ все-таки. Так и развлекались.

– А что с Юсей этой потом стало? И как её на самом деле звали? – спросил вдруг вернувшийся с процедур Омельченко.

– Опять ты... Что ты Сашка перебиваешь все время. Юлией её звали. А Юся – это так между собой, ласково. Любил уж я её очень. Но она была неприступной. Где она сейчас, я даже и не знаю. Наверное, там же в Сталинграде осталась. – вздохнул Руслан и потушил свою папиросу.

Лежать в одном положении мне было уже тошно, и перевернувшись на другой бок, я невольно вышел из веселого монолога Соловьева. А он все продолжал рассказывать. И мне так и приходится слушать эти истории о непокоренной медсестре, о крюках, туалетах, и кому на Руси жить хорошо. На соседней койке, лениво развалился Сашка, подкладывая под задницу, самодельный валик из полотенца. Видно хорошо нашпиговали его уколами. Лежит корчится никак не пристроится.

Таким макаром и проходили наши больничные будни, пока к нам в палату с очередным обходом не появился начальник госпиталя. Он принес радостную новость о нашей вы-

писки. Я был настолько счастлив, что даже не мог поверить себе, что я смогу поехать в отпуск по ранению домой. У меня были грандиозные планы на тот момент. В приподнятом настроении, я залетел в кабинет за выпиской к начальнику госпиталя Салову. Тот с порога начал:

–Значит так, сержант! Раны не беспокоят я смотрю? Лирическое настроение проснулась под выписку? Я не вижу никакого повода для веселья. На фронте острая нехватка санинструкторов. Впереди наступление на Ржев. Тебе надлежит прибыть в расположение 33-й армии, в 432-ой медсанбат, на должность санинструктора. Приказ ясен?

Выслушав его утвердительное заявление, у меня внутри будто все оборвалось. Я снова потерял возможность увидеть Ксению.

–Разрешите выполнять?

–Вперед!

Он отдал мне документы, и я тут же исчез из его кабинета.

Вернувшись в палату я не охотно, с тоской стал собирать вещи. Присев на угол своей больничной койки и закулив папиросу, я стал рассматривать пожелтевшую, и местами забрызганную капельками собственной крови, фотокарточку самого дорогого мне человека. Это вселяло в меня большую уверенность в нашей скорейшей встречи и заставляло быть

сильным. Убрав фотокарточку в грудной карман, и затушив сигарку, я взял свой сидр и вышел во двор. Там уже ожидала машина, битком набитая бойцами, которая была готова к отправке на фронт.

По дороге из Москвы под Вязьму, я наблюдал довольно зрелищную картину. На обочинах дороги стояли сожжённые нашей артиллерией боевые порядки танков противника, горы трупов, вперемешку с нашими и немецкими солдатами, разбитые обозы не успевших эвакуироваться мирных жителей, и многочисленные воронки от бомб различных диаметров. Это были плоды нашего контрнаступления.

Колеса по тропам войны, обруливая каждую воронку, мы наконец – таки прибыли в пункт назначения. Выходя из полуторки, в новенькой форме и в шинели с темно-зелёными сержантскими петлицами, меня облюбовали сидевшие у костра несколько бойцов 1136-го стрелкового полка.

– Товарищи, а не подскажите, где тут командир полка?

Боец, шаркая ложкой по полупустому котелку с кулешом усмехнулся:

–О, братва! Гляньте-ка, пушечного мяса прислали нам в подмогу! Ты откуда такой ряженный, сынок? Ни как после школы? Ну ничего, скоро на своей шкуре все прелести испытаешь, а то небось, засиделся в тылу.

–Вот вы в корне не правы, товарищ боец! На передовой я засиживался. Так что захлопните свой рот с другой стороны, и покажите расположение комполка!

– Хех! Гля, молодой да борзый! – дожевывая кашу, возмутился он.

– Так спокойно! Я ваш новый санинструктор сержант Петровский! Насилия в мою сторону не приемлю, но в санбат если попадете, знайте спуску не дам! Особо ретивых лечить умеем.

Солдат сменил тон.

– Ха, напугал ежа голой... Ладно, комполка находится вон за хозчастью напрямки за баней, там его расположение!

– Вот другое дело, спасибо! И я не пугаю, а просто предупреждаю!

Зайдя в предбанник, я увидел перед собой ефрейтора, который носил круглые, чуть треснутые очки, забавно перемещающиеся по переносице, когда он задирает голову на каждого кто проходил мимо кабинета командира полка.

– Я вас приветствую, а командир у себя? – свойственно своей интеллигентной манере, спросил я.

– У себя, а вы собственно по какому делу? – вопросом на вопрос ответил ефрейтор.

– Вот мои документы, я ваш новый санинструктор сержант Петровский, прибыл по распоряжению начальника госпиталя, военврача первого ранга Салова. Доложите обо мне!

Выяснив цель моего прибытия, он пошел докладывать лично, и через несколько мгновений открылась дверь.

– Заходи сержант!

– Здравия желаю товарищ полковник! Санинструктор

серж... – не успев отрапортовать, он прервал мой доклад: – Да всё я про тебя знаю, сержант! Мне Салов звонил уже. Все рассказал! (улыбается)

Лучше, давай я представлюсь! Командир 1136-го стрелкового полка, полковник Назаренко Александр Александрович. Наедине можно просто Сан Саныч, я человек простой, поэтому не зардеюсь!

И мы трясем друг другу руки.

–Очень приятно!

Назаренко показался мне простым и общительным. Несмотря на его статусность, мы как-то сразу подружились.

–Ты понимаешь, какая хреновина творится у меня в полку? – похлопывая меня по плечу, спрашивает он. – Бардак! Около трёх дней назад, в ходе наступления, я потерял до батальона своих людей. В твоём медсанбате, где ты будешь служить, там вообще начальников нет. Убило при авианалёте. Ты вроде как учился в институте, доктором хотел стать, насколько я знаю, вот я тебе хочу предложить должность начмеда полка. Читал твоё личное дело, твои заслуги. Всё это я учёл и пришёл к общему выводу. Ты что думаешь, по этому поводу?

–Да ну товарищ полковник, куда родина прикажет, туды и пойду! – улыбнулся я.

–Ну, вот и ладушки, только не полковник, а Сан Саныч, забыл уже? Давай дуй к начфину, вставай на довольствие, а потом в санчасть, принимать дела!

—Есть товарищ полковник! — прикладывая свою костистую руку к голове, тут же отправился по назначению.

После визита к начфину, я добрался до своего рабочего места и сразу же принялся наводить порядок. Пересчитал медикаменты, перевязочный материал, посмотрел штат полка. В моём подчинении находилось всего три человека, одна из них девушка. Не густо конечно, но всё же чем богаты. Тем более у меня пока еще не было опыта в руководстве «людскими массами».

Собрав все своё войско у себя в кабинете, мы перешли к знакомству.

Я пристально рассматривал каждого, после чего произнес:

—Ну здравствуй войско! Я ваш непосредственный командир, сержант Петровский Алексей Александрович. Прошу любить и не жаловаться. Я тут человек новый, поэтому если что, от помощи коллег, то есть вас, не откажусь (перемещаясь по кабинету, закинув руки за спину). Будем вместе с вами, бок о бок, так сказать, спасать жизни, бить врага и приближать победу. Вот эти три основные задачи, которые я от вас требую, и буду требовать в дальнейшем. Ну, а теперь, когда лирическая часть закончена, давайте знакомится!

Щуплый, небольшого роста, уже с медалью «За отвагу» на груди протягивает мне руку:

—Красноармеец Игорь Букин!

—За что медаль?

—За спасение командира. Успел вытащить из горящей

бронемашины.

–Хм... поступок! Похвально! Очень хорошо, что в моем подразделении есть такие бойцы. Споёмся!

Стоящий рядом боец, так же протягивая руку, представился:

–Красноармеец Егор Жадин, на фронте с декабря 1941 года, вынес на себе с поля боя двенадцать человек. Представили к ордену, но что-то не поделили с комбатом, и получил резолюцию.

– Тоже ничего!

–Младший сержант Анна Кошкина, на фронте с первого дня. Два раза была в окружении. Была легко ранена. Имею орден красной звезды. – доложила она, слегка подмигивая мне, своими светло-зелеными глазами.

–Ребят, ну меня прямо пробирает гордость! Орлы и все мои! – усмехнулся я.

–Товарищ Петровский, а разрешите вопрос личного характера? – продолжая строить глаза, спросила она.

Приняв её намек, я ответил:

–Я, милая моя Аннушка имею счастье быть женатым! Любовных интрижек и прочих похабени в мой адрес, я не потерплю! Караться будет по всей строгости! Ясно?

–Ясно, товарищ сержант! – согласилась она, нахмутив брови.

–Вот и ладушки! Теперь, всем отдыхать. Завтра сбор в 9:00 у меня. Буду ставить задачу, к предстоящему наступле-

нию! Свободны!

Вот так постепенно я привыкал к начальствующим должностям. Конечно этот пост не по моим петлицам, но как говорил Назаренко: «Кто, если не ты?» С одной стороны, приятно что тебя ценят и доверяют. А с другой...

На календаре 17-ое апреля. Девять утра. В моём кабинете собрались подчиненные. Я ставил задачу на предстоящее наступление. Наш полк, должен был прорвать оборону немцев, наступая с запада, при поддержке соседних частей красной армии. Первостепенной задачей было оказание своевременной медицинской помощи непосредственно на поле боя, и дальнейшей эвакуации в тыл. Сделать это было нелегко, поскольку численность моего подразделения не превышала четырёх человек включая меня. Но куда деваться. Люди уже проверенные, в деле ни в первой. По завершению постановки задачи, все разошлись по своим рабочим местам. Весь день проходил в штатном режиме. Молодые изучали матчасть, чистили оружие, в общем готовились к предстоящему наступлению.

Я сидел допоздна. Стояла тихая весенняя ночь. За окном летали мотыльки. На обшарпанной стене, в ритм с мотыльками, монотонно тикали чуть поседевшие от пыли ходики. Под такую «музыку» я чуть было почти задремал, как вдруг стук в дверь прервал мой покой.

–Товарищ сержант, разрешите к вам? – тихо обратилась Анна.

– В чем дело, сержант Кошкина? – протирая глаза, ответил я.

– Я проходила мимо, и случайно увидела, что у вас горит свет. Время уже позднее, а вы не спите. Я подумала вдруг, что случилось?

– Все в порядке Анна, идите к себе. Завтра тяжелый день. Вдруг, она заходит ко мне в комнату, закрыв дверь на засов, начинает расстегивать верхние пуговицы своей гимнастерки, и говорит:

– Знаешь Алёш, ты мне понравился еще при первой встрече. Я понимаю, что у тебя жена, и ты её любишь, но она там, в глубоком тылу, а мы с тобой здесь, вдвоём! У меня никогда не было этого, а вдруг завтра нас убьют, и я так и не пойму, что такое быть с женщиной наедине? Переступи через себя. Давай проведем эту ночь вместе? – обойдя сзади и обняв меня, размеренно говорила она, – Я многого не прошу. Просто сделай мне ребеночка, а то только Господь знает, что останется после меня на этой земле!

Моё сердце колотилось так сильно, что вот-вот, вырвется из груди.

Искушение было настолько велико, что я чуть было не поддался соблазну, ведь я тоже никогда не оставался наедине с женщиной. Даже после свадьбы я не стал этого делать, чтобы на фронте меня грело желание, поскорее вернуться к любимой, и завести ребенка, от той самой единственной и неповторимой.

Благо меня сдерживали эти мысли, и я тут же оттолкнул ее на кровать.

–Приведите себя в порядок, товарищ младший сержант медицинской службы! И будьте любезны покинуть помещение! – застегивая свой ремень на гимнастерке, приказал я.

Анна молча встала с кровати, взяла свои вещи, и уходя, сказала:

–Зря ты так. Я быть может расцвела, находясь с тобой рядом, а ты не можешь принести себя в жертву, ради счастья другой... дурак ты, Петровский!

Сев за стол и закуривая папиросу, я начал размышлять над её словами.

«Возможно, где-то она и права. Родные меня уже давным-давно похоронили. Ксения скорее всего, уже вышла замуж за другого. И действительно, завтра, быть может, мы последний раз живем...» – подумал я, и ударил кулаком по столу, закричал: «Да нет! Бред, какой-то. Она меня ждет! Она обещала! Я поклялся ей, что вернусь. Значит вернусь!» Задушив папиросу, о деревянную столешницу, я с сердечным томлением, лёг обратно спать, уткнувшись лицом к обшарпанной стене.

На утро восемнадцатого числа, ко мне зашел полковник Назаренко.

–Здравствуй Алексей, ну как у тебя, все готово? – спросил нервно он.

–Так точно, Александр Александрович! Мои люди гото-

вы. Когда начинаем? – спросил я.

– По сигналу – красная ракета. Вы за нами следом. Там будет, прямо скажем «мясорубка», поэтому на рожон особо не лезь. Если нам удастся закрепиться на флангах у Вязьмы, то мы обеспечим продвижение 4-ой танковой армии и возьмем в окружение две пехотные дивизии противника, отсекая их от основных сил. И после чего будем держать позиции, до прихода войск. Вот такая вот задача, сержант! – доложил он.

– Сделаем всё, что от нас зависит, товарищ полковник!

– Ну бывай, сержант! – и отдав честь, покинул санчасть.

Весь наш полк занял свои позиции в окопах. Ко мне подходит полковник Назаренко. Закуриваем.

– Страшно? – спросил он меня.

– Есть не много... Сколько раз в бою бывал, а все равно как впервые... – ответил я.

– Секунд через десять после нас, сразу выдвигаетесь, а там как Бог даст. По обстановке в общем, ясно? – бросая сигарку установил он.

– Всё понятно товарищ полковник, сделаем! – ответил я, как вдруг, из-за леса взлетает красная ракета.

– Вот и всё... Полк, слушай мою команду! За родину, вперед!!! – командовал он, запрыгнув на бруствер окопа, подняв свой наган вверх.

Я судорожно смотрел на часы и ждал своего времени.

–Значит так! Рассыпаемся по флангам, Букин берёт левый, Жадин- правый, а мы с Кошкиной по центру!

–С вами хоть на край света товарищ сержант! – ни показывая ни капли страха, насмехнулась Анна.

–Отставить юмор!

–Как вы думайте, товарищ сержант, все получится? – накидывая санитарную сумку, спросил Жадин.

Доставая из кобуры свой табельный ТТ, я произнёс:

–Не знаю, будет счастье – будем жить! Вперед!

И мы сорвались с места вслед нашим ребятам. Они уже завязали бой с первой линией обороны. Мои ребята рассыпались по флангам, и начали собирать первых раненых.

Мы с Анной прыгнули во вражеский окоп. Не куда было вступить, кругом горы убитых. Кошкина проверяла, на передке есть ли кто раненый, а я углубился дальше. Повсюду стояли крики и стоны раненых, и я бежал на помощь к каждому. По дороге наткнулся на бойца лет восемнадцати от роду. Он лежал в луже крови и грязи. Его правая нога висела на мышцах, а кость отделена на уровне коленного сустава. Рядом с ним, лежало обезглавленное тело неизвестного бойца. Достав из сумки жгут, я перетянул этому мальчишке ногу выше колена, оставил записку со временем, после чего вскрыв ампулу, ввёл раствор морфина, выше места наложения жгута.

–Где полковник Назаренко? – спросил я у него.

– Не знаю я товарищ сержант, не знаю! – рыдая навзрыд,

говорил он, – Нас закидали гранатами, когда мы ворвались в окоп. Мой брат Федька шел впереди меня, а как раздался взрыв, так голова его и покатилась мне под ноги. Я растерялся, товарищ сержант. Тут следом еще одна граната. Я успел её пнуть ногой и вот что получилось... ай мама!!!

–Всё, не плачь боец! Сейчас станет легче. За тобой придут! – успокоив его, я двинулся дальше.

Над головой свистели пули и рвались снаряды. Вокруг лежали изуродованные тела. Вся земля была пропитана кровью. Не заостряя внимания на этом, мне удалось добраться до второй линии обороны. Там зажимая рану на предплечье, матерился полковник Назаренко, подгоняя бойцов на дальнейшее продвижение.

–Товарищ полковник! Александр Александрович, куда вас? Дайте перевяжу! – кричу ему я.

–Да ерунда это Лёха, шальной царапнула. Доложи о потерях!

Накладывая ему давящую повязку, докладываю:

–Очень большие потери, Александр Александрович. Считай, половины уже нет. Там все усеяно трупами!

–Эх, мать твою за ногу! Ладно, давай-ка пошли вперед!

Наши бойцы захватили третью линию обороны противника. Впереди была деревня, где находился штаб одной из частей полевой армии вермахта.

Вскоре подтянулись к этим позициям и мы. Назаренко принял решение захватить штаб.

– Вот значиться что ребятаки! Сейчас мы с вами разделимся на группы. Одна группа заходит с севера, другая с юга. После чего стремительным броском захватим штаб. Охранение там видно слабое, поэтому наскоком возьмем. Возможно, там есть интересные документы, которые пригодятся командованию, – сняв с головы фуражку, он бросил ее на землю, – Ну пошли!

Смеркалось. Где ползком где перебежками пробирались к деревне. Охранение было действительно слабым. Несколько ребят из штурмового подразделения, снимая часовых, вошли в деревню. С флангов окружили наши группы. Полковник отправился с бойцами на штурм штаба лично. Боестолкновение было не долгим. Документы захвачены. Назаренко вызвав к себе радиста тут же передал радиogramму в штаб дивизии. Он доложил о захвате документов и о закреплении наших частей в районе Беляево-Буслава, после чего мы окопались и заняли оборону, выставив охранение. Вокруг была слышна канонада. Наши «соседи» вели наступление видимо в районе Юхнова. Разрывы снарядов и пулемето – ружейный огонь был слышен восточнее нас, в районе Гжатска. Мы были уверены, что такое мощное наступление по всему фронту, хоть и не малой кровью, отбросит немцев еще дальше, но вдруг это чувство было развеяно. Дозорные, при-

мчавшись к нам в расположение, доложили о прорыве нашей обороны во многих местах. Четвёртая танковая армия, прорвавшись с севера на соединение с частями двадцатой пехотной дивизии вермахта, отрезали наш полк от основных сил. Это была угроза окружения ни одной дивизии. Бой вели до самого утра.

К утру после ожесточенной схватки, кольцо окружения замкнулось. Мы оказались отрезаны от основных сил, и было принято решение пробиваться в тыл наших войск. На тот момент, от нашего полка осталось примерно человек двести.

Полковник приказал построиться, для того чтобы зачитать приказ об отступлении из Беляево, как вдруг в деревню ворвались немецкие танки.

С первого оружейного выстрела ранило Назаренко. Снаряд разорвался не далеко от него. Подхватив его под руки, я приказал Анне забрать документы и уходить в лес. Ко мне подбежал тот самый боец, сидевший у костра, которого я построил по прибытию в полк, и сказал:

–Товарищ сержант, забирайте все документы, и полковника и тикайте в лес. Мы насколько сможем, задержим немца!

Взвалив на спину полковника Назаренко, мы перебежками, отходили в сторону леса. В след за нами побежал и наш санинструктор Букин:

–Товарищ сержант, давайте помогу! – перехватывая полковника у Анны, сказал он.

–Игорь, а Жадин где? – спросил я.

–Нет его! Убили... – ответил он.

Дойдя до леса, мы устроили привал. Со стороны деревни сначала были слышны частые разрывы и перестрелка, а спустя какое-то время все это сменилось единичными выстрелами. Было понятно, что наш полк уничтожен полностью.

– Сан Саныч, ну как вы? – накладывая ему повязку на живот, спросил я.

–Хреново, Алексей, хреново. У меня тут под гимнастеркой знамя полка. Забери его, и возьми мой партбилет. Как доберешься до наших, передай комдиву. Так хоть не расформируют... – корчась от боли, говорил он.

–Сержант, голоса слышишь? Немцы, где-то рядом! – промолвил сержант Букин, прислушиваясь в сторону немецкого ора.

– Уходите. Я останусь вас прикрывать! Уже не жилец. Вам только в обузу. Со мной далеко не уйдете! – выговаривал сквозь стиснутые зубы Назаренко, взведя курок на своем оружии.

Букин, передернув автоматный затвор добавил:

–Да сержант, уходите с Аней. Пробивайтесь к нашим. Расскажите, как всё было.

Взглянув последний раз на комполка, я оставил ему гра-

нату, которую хранил для себя на крайний случай.

– Прощайте ребята... – с некой дрожью в голосе, промолвил я.

Спорить было крайне бесполезно. Они выбрали свой путь, понимая при этом, что это их последняя схватка. Кошкина подхватив документы и знамя полка, торопила меня, дергая за рукав гимнастерки. Попрощавшись напоследок с ребятами, мы побежали через лес к своим.

Скитаясь по лесу, я вспомнил подобную картину, случившуюся со мной летом 41-го. Шли мы больше двух суток, пока не навались на группу разведчиков.

– Вы кто такие будете? – спросили бойцы в маскхалате.

Положив руку на кобуру, я ответил:

– Санинструктор 1136-го стрелкового полка, сержант Петровский, а это младший сержант Кошкина, выходим из окружения из-под Вязьмы!

– Понятно. А мы ваши соседи, разведчики из 1134-го. Лейтенант Свечников. Возвращаемся с рейда в расположение! – ответил разведчик.

– Отлично! Тогда нам по пути... – пробормотал я.

Несколько бойцов из его разведроты, подхватили нас под руки, и мы проследовали в расположение войск 33-й армии.

Часа через четыре, мы все-таки прибыли в расположение наших частей в район Боровска. Нас встретили и сопроводили в штаб армии.

Там вместо командующего 33-й армии генерала Ефремо-

ва исполнял обязанности, начальник штаба генерал Покровский.

– Докладывайте сержант! – приказал он мне.

– Товарищ генерал-майор, начальник медицинской службы, 432-го медсанбата, 1136-го стрелкового полка, сержант Петровский, докладываю! Полк полностью разбит. В живых остались только мы с сержантом Кошкиной. Полковник Назаренко погиб... прикрывал наш отход. В ходе наступления, нами были захвачены документы и карты четвертой полевой армии противника. Так же полковник Назаренко передал мне знамя полка и свой партбилет. – выкладывая на стол портфель и все остальное содержимое.

Генерал насупившись выслушал доклад. Его пальцы белые от напряжения тарабанили по столу.

– Я все понял. Давай сынок, отдохните немного, до особого распоряжения. Вам выделяют отдельную палатку. Свободны!

Выйдя из расположения штаба армии, мы проследовали в палаточные апартаменты. Анна, натерпевшись все трудности минувшей атаки, накинулась на меня с объятьями.

– Алексей, обними меня пожалуйста!

Обнимая её, я понимал, что нам пришлось пережить. Так же начал понимать, что мне не хватает женской ласки. Вдруг, я почувствовал прикосновение её губ по моей щеке. Она положила мою руку на свою стройную талию, и прикоснувшись к моим устам, шептала:

– Я хочу быть счастливой, здесь и сейчас! Полюби меня, прошу...

–Прости меня, Анют... я так не могу. Я люблю только её. Я выживаю, на этой страшной войне, только ради нее. Прости...

Вдруг спонтанно к нам в палатку входят комиссар 33-й армии и заместитель начальника штаба.

–Молодцы товарищи медики! Ваши документы оказались наивысшими. Мы подали на вас представление о награждении вас сержанта медицинской службы Петровского орденом «Красное знамя» и младшего сержанта Кошкину медалью «За Отвагу»! – доложил заместитель начальника штаба параллельно обмениваясь с нами рукопожатиями, – Вы совершили невероятное!

–Служим Трудовому народу!

–И еще! Петровский вы направляетесь на переформирование в Москву, так как от вашего полка нихрена не осталось. За вами пришлют машину. А вы Кошкина, отправляетесь на Ленинградский фронт. Там ваш брат за вас похлопотал, вы едите к нему. Самолет через час, собирайтесь!

Ничего больше ни сказав, они удалились восвояси, а нам оставалось только собраться и отправляться на аэродром. По прибытии на место, мы снова остались наедине. Судьба будто сводила нас в эти минуты, но я был непреклонен.

–Спасибо тебе за всё, Алексей! Прости, что так вела себя. Твоя жена может тобой гордиться. Ты очень порядочный

человек, а я просто поддалась чувствам! – держа мои руки, говорила она.

– Это тебе спасибо! Благодаря тебе я понял, насколько сильна моя любовь к Ксении. Ты красивая, умная, милая, но не моя. Прости меня, и прощай! – сказал я, смотря ей в глаза.

После, мы некоторое время стояли в обнимку. Её самолет уже как раз заходил на посадку. Она взяла свой вещмешок, поцеловала меня напоследок и проследовав на борт Ли-2, улетела под Ленинград. Через пару часов, за мной прибыла машина, и я уехал к новому месту службы.

Глава вторая

Эпизод 11: «Сталинград»

После долгого переезда от Москвы до Уфы (как распорядилось начальство после прибытия в столицу), я прибыл к месту дислокации 214-ой стрелковой дивизии, в Новобелокатайский район. Там меня ожидали аналогичные армейские будни. Меня распределили в 364-й медсанбат, где моим очередным начальником стал военврач 3-го ранга, капитан Ефимов. Он имел суровый характер при сослуживцах, а наедине был мягким и добропорядочным человеком. На протяжении всей моей службы в рядах Красной армии, мне невероятно везло с начальством. К сожалению, до сегодняшнего дня из них недожил никто.

Тянулись дни. В глубоком тылу было непривычно спокой-

но. Тихим вечером я сел написать письмо любимой. Выкуривая папиросу за папиросой с карандашом в руке, я так и не смог подобрать тех слов, которые должен был изложить. Мысли в голове были вперемешку с эмоциями. Вскоре, этот пожелтевший листочек бумаги, стал заполняться аккуратным почерком:

«Здравствуй, мой самый родной и ненаглядный человек!

Спешу сообщить тебе, что со мной все хорошо! Я живой! Сейчас стоим в Уфе, на переформировании. Люблю тебя. Твой Алексей».

Указав уфимский адрес, мне так и пришлось отправить это обеднённое словами, но в тоже время такое значимое, письмо супруге. Теперь оставались только долгие и мучительные дни ожиданий ответа.

Через какое-то время, после того как наша 24-я армия сформировалась, нас передислоцировали под Москву, в город Сталиногорск. Тогда же, 24-ю Армию переименовали в Первую Резервную.

Из сообщений Совинформбюро мы узнали, что немецкие войска повернули на юг, для завоевания кавказской нефти. Мы понимали, что впереди нас ждет очередное кровопролитное сражение, и в один из июльских дней, наши опасения сбылись. Директивой Ставки ВГК от 9 июля 1942г., наша первая резервная армия была преобразована в 64-ю и включена в состав Сталинградского фронта.

12-го июля 1942 года, 64-ой Армии в составе: 131, 214

и 112 стрелковых дивизий надлежало прибыть в г. Сталинград. Мы погрузились в эшелоны и отправились в район назначения.

Добирались около двух суток. Подходя к Сталинграду, вдалеке уже были слышны раскаты боёв. Всё говорило за то, что скоро враг будет и здесь.

К утру 15-го июля мы прибыли в г. Калач, и выгрузились на станции «Донская». Совершили пеший марш на оборонительные позиции в район Нижне-Солоновский – Пристенковский, где держала оборону 196-я стрелковая дивизия, сменив их на этом участке. Там наша новоиспеченная дивизия и приняла своё первое боевое крещение.

Во второй декаде июля, наши передовые отряды вступили в бой. В ходе обороны, части 780-го полка, понесли огромные потери, всего за четверо суток отражая атаки превосходящих сил противника 71-ой пехотной дивизии вермахта. Связь с полками оборвалась. Она была перебита в ходе массированных бомбардировок люфтваффе. Только по данным разведки, и от вестовых из соседних частей, мы узнали о нависшей угрозе окружения. Немцы прорвали оборону 229-ой стрелковой дивизии, и вышли к станции Нижне – Чирская.

На следующий день был получен приказ об отводе своих войск на восточный берег реки Дон, под прикрытием 140-го минометного полка. Насколько я помню, больше двенадцати часов мы подходили к реке. Немцы преследовали нас шаг за шагом, уничтожая наши части. Но вскоре после того как по-

дошли резервы 64-ой армии, враг был отброшен от реки, тем самым предотвратив полную ликвидацию нашей дивизии.

Шло время, а за ним тяжелые и кровопролитные бои. Немцы теснили нас всё ближе к городу. В том палящем зно-ем августе, уже назревал вопрос, об эвакуации жителей из Сталинграда. Все переправы были разбиты немецкой авиацией, но всё же значительная часть смогла эвакуироваться в тыл. Дальнейшие попытки перевозки раненых солдат и местных жителей, были возложены на рыбацкие шхуны и баркасы, которых так же преследовала авиация противника.

С тяжелым сердцем мы уходили на восток, оставляя врагу целые села, деревни, поселки. Только приказ за №227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад!» препятствовал нашему «драп маршу» – как шутили мы между собой в полку. Каждому хотелось жить, но страх смерти охватывал нас каждую секунду.

Положение ни спасло даже смена командующего фронтом. И только в начале сентября, когда наши части уже вошли в город, мы поняли, что за Волгой для нас земли нет! Политуправление проводило жесткую агитацию на этот счет, а заградотряды НКВД приводило в исполнение высшую меру наказания для тех, кто посмел придаться панике, агитируя других бойцов на сдачу в плен тем самым оставляя даже ничтожную пядь земли врагу.

Сталинград был сам по себе не простым городом, и мы дрались за него не только из-за того, что он назван в честь на-

шего великого вождя, а что имел выгодное географическое положение. Взяв Сталинград, немцы бы отрезали Кавказ от СССР, и мы лишились бы нефти. Так же выгода проявлялась и в дальнейшем наступлении на Москву с юга.

Еще меня тревожила мысль о том, что если мы оставим город, то враг двинется по всему Поволжью. А там моя любимая жена, с которой мы не виделись уже больше года. Мириться с этим уже было невыносимо, и я принял решение, не щадя своей жизни драться до конца, не пропуская врага в родной дом.

С этими мыслями, я начал уже свою войну, отведя на второй план свои прямые обязанности. После выноса бойцов с поля боя, я брался за оружие и поднимаясь в атаки с бойцами, каждый божий день, душил немца голыми руками. В один прекрасный момент, мою дерзость и смелость, заметил комбат, после чего всё и началось.

Эпизод 12: «Судьбоносная встреча»

В августе 1942 года наша 214-я дивизия вошла в состав 4-ой танковой армии. Мы бок о бок с танкистами защищали нашу землю. Эта армия была самой молодой. Она была создана в июле 1942 года. Тогда же я впервые увидел нашу танковую мощь в действии, и честно признать был поражен. Красивые и грациозные танки Т-34-76, КВ-1, БТ-7, ломали хребет немецким панцерам Т-IV буквально с одного выстре-

ла. Еще более привлекала служба в танковых войсках. Они имели неплохое жалование и паёк. Тогда я задумался о смене рода деятельности. Я мечтал о том, как буду бить врага и защищать родину, бороздя тропы войны на больших железных «чудовищах», а не лазать по полям и собирать остатки тел убитых и раненых. За год войны от таких зрелищ, у меня сильно нарушилась психика. Я не мог спокойно засыпать. Когда кто-то пытался зайти мне за спину, меня просто корёжило, и я тут же подскакивал с места хватаясь за пистолет. Одним словом, быть медиком на войне, хуже не придумаешь.

Опустим эти подробности, и вернемся к случаю, который со мной произошел где-то в сентябре месяце в Сталинграде. После очередного боя, я встретил своего давнего и лучшего друга Максимку, с которым мы до войны еще крепко дружили.

Я был жутко рад его видеть. Он рассказывал мне о том, как перед отправкой на фронт ему присвоили звание лейтенанта, как он уходил на войну, как был подбит несколько раз, горел, и даже получил орден за Ельнинский прорыв, осенью 1941 года. Я слушал его не перебивая, как вдруг прервав свой монолог, он тут же спросил:

– Лёшк, а давай к нам в танкисты? У нас, между прочим, очень хорошо! И платят прилично, и всегда при еде. А что? Отучишься в училище, получишь лейтенанта, и к нам в полк! А? Давай?

Вслушиваясь в его убедительный рассказ, я мысленно уже находился в танке.

– Давай я подам рапорт о твоём переводе и тебя направят на учёбу? А вернешься, и вместе будем воевать? – добавил он, хлопая меня по спине.

– Да кто меня отпустил бы ещё? – улыбнувшись, ответил я.

– У меня связи с начальством хорошие, почти посчитай дружеские! Так что не переживай! Моё начальство пошустрее твоего будет. – ехидно усмехнулся он.

– Ай и черт с тобой! Давай рискнем! – махнув рукой, не раздумывая согласился я.

– Ну, вот и ладушки! Сегодня же поговорю с комполка!

Мы болтали весь вечер, рассказывая друг другу, что с нами происходило за это время на фронте. После, мы разошлись по своим расположениям. С тех пор мы больше не виделись.

Впереди предстояли оборонительные городские бои. Мы готовили позиции на подступах к Сталинграду. Бомбардировки не прекращались ни днём, ни ночью.

Город за считанные месяцы превратился в руины, из-за постоянно висящей в небе авиации противника, и обстрела из крупнокалиберных мортир и гаубиц. Здесь ещё оставались мирные жители, которых не успели вывезти на противоположный берег Волги.

Через Волгу нам доставляли продовольствие, боеприпа-

сы, пополнение.

В одном из ожесточенных боёв, немцы захватили школу №1, которая впоследствии стала их опорным пунктом. Она представляла собой пятиэтажное здание со шпилем на крыше. Немцы оборудовали там «окно» корректировки огня, по наводке которых, противник осуществлял артобстрел по нашим позициям и главной переправе.

Приметив меня в предшествующих боях, начальник медсанбата сделал мне замечание. Он журил меня за невыполнение моих же прямых обязанностей. Конечно, это мне было уже не интересно. Ведь все мысли были уже о переводе в танковую часть, поближе к Максиму. А пока куда более героичным было с оружием в руках, воевать как обычный пехотинец, поднимаясь со всеми в атаку. Выслушав от него много матерных предложений и строжайших замечаний, я не свойственно своему характеру, рискнул попроситься санитаром в штурмовые группы.

Эти группы только-только начали создаваться, как отдельное подразделение, для зачистки улиц и домов от противника. Они имели отличное вооружение, в основном автоматическое оружие, гранаты, саперные лопатки. Некоторые бойцы, прямо на фронте делали себе стальные нагрудники, за что их и прозвали «панцирями». Так же группе придавалась одна пушка «сорокапятка», или как шутили бойцы, ласково называя её – «прощай родина».

В этих штурмовых подразделениях пехоты, можно было

выполнять свои обязанности и бить врага покуда душе угодно. Капитан Ефимов, видя мою настойчивость, только махал руками: «Делай, мол, что хочешь! Раз без царя в голове!»

После этого благословения моего любимого командира, я напросился к ребятам в соседнюю роту, в те самые штурмполки, где меня с удовольствием приняли. Через пару дней нам сразу было поручено первое задание, отбить ту самую школу у немцев и скорректировать огонь по позициям противника, дабы лишить его возможности бить по переправам.

Наш отряд состоял из семи человек. Перед отправкой на задание, нам выдали всю необходимую амуницию и вооружение.

В условиях улиц, глубокой ночью мы совершили рейд до места назначения.

Немцы засели в здании школы, освещая ракетами подходы. Пробравшись через подвалы внутрь, работая максимально бесшумно, бойцы сняли часовых и расставили минные заграждения. Вдруг по чье-то неряшливости, один из бойцов спотыкнулся о труп немецкого солдата и нечаянно нажал на спусковой крючок, произведя при этом выстрел. Тут нас и заметила внутренняя охрана и началась перестрелка. Ребята расстреливали каждого, забрасывая противника гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Спустя несколько часов боя, мы наконец-таки заняли школу, и тут же соединившись по рации с противоположным берегом, начали корректировать огонь артиллерии по

врагу. Радист переговаривался с артиллеристами, кидая позывные: «Волга, Волга» я – «Дон», ориентир такой-то, снаряд такой-то! После этих слов, с берега, словно кометы, проплывали хвостатые снаряды тяжелой артиллерии. Пристроившись к кирпичной кладке за шпилем, я наблюдал в бинокль, как немцы в панике разбегались от прямых попаданий наших снарядов.

Только к утру немцы поняли, что потеряли столь важный опорный пункт, и решили отбить его. Они пустили в ход все, что имелось в их распоряжении. Танками они вели огонь по окнам, снайпера выискивали цель. Оборонялись мы больше двух суток. И когда наши силы иссякли, немцы начали последний штурм школы.

Холодной лунной ночью, я заметил в бинокль, как заблестели немецкие каски, идущие в нашу сторону. Было понятно, что это конец. Патроны и гранаты закончились. Из нашей группы осталось всего три человека: я, командир группы лейтенант Сайков, и радист, рядовой Петров. Лейтенант, достав из кобуры свой наган, от безысходности и нервного срыва, начал вести беспорядочный огонь по врагу. Немецкие снайпера не дремали. Заметив в оптику в пол тела нашего лейтенанта, они произвели несколько выстрелов с разных точек. Не успев оттолкнуть его на землю, я только и увидел, как пули чиркнули о его голову и грудь. Сайков на какое-то мгновение захрипел и свалился мне на руки. Постанывая от боли, он намертво вцепился в мою грудь.

– Нам не выбратъся ... не выбратъся. Вызывайте огонь на себя. Школа не должна снова достаться им... огонь на себя!! – еле-еле выговаривая каждое слово по слогам, он сплёвывал кровь, шедшую изо рта. Радист Петров, осознавая всю суть нашего положения, глядя на меня и на командира, поднял трубку, завел ручку телефонного аппарата, и произнес:

– «Волга, Волга», я – «Дон» как слышите меня, прием?

Через секунды на другом конце провода последовал ответ:

– «Волга» на связи!

– «Волга» немцы идут на штурм. Командир тяжело ранен. Оборонятся больше не с кем и нечем. Прошу вас как можно скорее нанести удар, по следующим целеуказаниям: «Цель сорок седьмая, основное направление правее двадцать, уровень тридцать-ноль-два, квадрат двадцать двенадцать, ориентир шпиль на крыше. Не оставляйте нас врагу! – прокричал радист, прикрыв ладонью руки телефонную трубку.

– «Дон» мы вас поняли! Прощайте ребята...» – со скорбью последовал ответ.

Петров положив трубку и не спеша сдвигая радиостанцию опрокинул ее на пол. После чего, достал пистолет и подведя его к виску, через мгновение произвел выстрел. лейтенант Сайков всё тише и тише переставал стонать. Кровь вытекала из его рта и груди, стремительно пропитывая его гимнастерку. Через несколько характерных хрипов, он умирает.

Состояние внутри меня было непередаваемое. Я знал, что

смерть дышит в затылок, и ничего поделать с этим не мог. От паники, меня охватила такая одышка, что я не смог полноценно дышать. Сердце от выброса адреналина вот-вот выскочит из груди. В эту последнюю минуту, я начал рыдать, рыдать от того, что остался один на этой проклятой крыше. Это была жуткая агональная картина последних минут нашей жизни.

Утирая свои слёзы пропитанным кровью рукавом, я положил уже мертвого лейтенанта на пол. Придавшись панике не желая мириться с гибелью, я побежал вниз, на встречу противнику. Как вдруг за Волгой засверкало зарево огней, и черные полосы, местами искрящие по небу, летели в мою сторону. «Катюши» били точно по указанным Петровым координатам. Снаряды ложились точно в цель.

Добежав до второго этажа, я носом к носу столкнулся с немцами. Передо мной стояла толпа в белых маскахалатах, все запыханные и вооруженные до зубов гитлеровцы. Не успев со страху оттолкнуть немца, как вдруг один из снарядов подорвал перекрытие, и вся школа рухнула словно карточный домик.

Очнулся я от сильной боли и удушающего кашля, наглотавшись пыли. Превозмогая боль, я пытался выбраться из-под завалов, призывая о помощи. Как оказалось, после работы «Катюш», наши бойцы ринулись в контратаку, что и сыграло мне на руку. Услышав мои крики и стоны, меня подхватили под руки и эвакуировали в тыл. Мне тогда жутко

повезло. Отделался испугом, многочисленными ссадинами, ушибами и страшной контузией, которая будет проявляться в дальнейшем всё больше и больше.

В расположение санбата, где я пребывал после последних событий, забрёл мой начальник, капитан Ефимов.

– Хм, кто бы мог подумать, Петровский! Что ты восстанешь из ада, везучий черт!

– Товарищ капитан... – говорил я после каждого его предложения, но попытки объясниться не удавались, так как Ефимов перебивал меня каждым ругательным словом.

– Голова твоя дурная, тебе что, здесь работы нет? Ты попёрся на эту школу? Да не маши ты руками, ничего не хочу слышать! Вот сейчас к тебе комполка придет. Ему уже доложили, что ты выжил, поэтому приводи себя в порядок!

Я молча встал с койки, застегнул верхние пуговицы гимнастерки, и стал ожидать комполка.

Через какое-то время он заходит в санчасть. Я вскакиваю с места. Передо мной стоял крупного телосложения командир в ранге полковника, маленького роста с пухлыми щеками, и вперед вдающимся лбом. Глядя на меня, улыбается во весь рот.

– Это ты, тот самый сержант? – спросил вдруг он, нарушая тишину.

– Я, товарищ полковник... сержант медслужбы Петровский!

Он взял меня за плечи и тихо спросил:

–Тебя как звать, сынок?

–Алексеем, товарищ полковник...

–Алёш, вы молодцы! Вы сделали невозможное! Все как надо. Мы больше двух суток, благодаря вашим данным, сдерживали наступление противника на этом участке, тем самым обеспечили бесперебойный коридор для пополнения. Теперь мы можем дать отпор фрицам, и отбросить их от Волги. Я написал представление на медаль «За Отвагу». Ты отважный человек. Как только вы решились вызвать огонь на себя?

–Спасибо, товарищ полковник... лучше наградите тех ребят, кто был со мной там... они герои. А на счет того, как мы решились...хм.... Тут все просто... не хотелось попасть в плен... да и если честно, товарищ полковник умирать не хотелось. – слёзы начали наворачиваться у меня на глазах.

– Это истерика у тебя просто, сержант! Поплачь, легче станет. Ты отважный солдат, поэтому на себя не наговаривай! Ты выжил – это главное! А посему я поздравляю тебя сержант, с получением заслуженной награды!

Служу Трудовому народу! – опустив голову, ответил я.

Эпизод 13: «Завершение великой битвы»

Прошло время. Наступил новый 1943 год. Наша Красная армия претерпела военную реформу. Были введены новые знаки различия – погоны, вытесняя петлицы с воротника.

Выдали новое обмундирование. Пришил сержантские погоны с тремя красными полосками и золотыми медицинскими петличками. Левую сторону моей груди украшали медали «За отвагу», «За Боевые заслуги» и орден «Красное знамя». Глядя на себя в зеркало, я видел перед собой не того юного стеснительного ботаника, а возмужавшего, с небритой щетиной, прожженного войной мужика. Хотя мне всего-то двадцать два года.

Из последних сводок Совинформбюро было ясно, что наши войска успешно развивали наступление и в ходе операции «Кольцо», окружили трехсот тысячную группировку противника. Мне так же довелось принять участие в этой исторической операции, в составе 13-ой Гвардейской стрелковой дивизии Александра Родимцева. У немцев было отчаянное положение. По воздуху их снабжали всем необходимым для обороны. Были так же попытки деблокирования кольца окружения, но успехом они не увенчались.

И утром 31-го января шестая армия Паулюса, капитулировала. Это означало переход инициативы в наши руки и переломный момент в войне на Восточном фронте. Даже после этого, еще гремели бои окруженцев, но вскоре ко второму февраля и они сложили оружие. Это был конец самой кровопролитной битве за всю историю войны. Героическая оборона Сталинграда длилась шесть месяцев, унесшая около семисот тысяч человеческих жизней безвозвратно.

А тем временем советские солдаты праздновали победу.

Радости не было предела. Мы отстояли город, не пустив врага в родной дом. Вдруг в один из «прекрасных» вечеров, ко мне вдруг подошел (накануне повысившего в звании) уже майор Ефимов и безо всяких слов, тычет мне под нос приказ о моем переводе:

– Так, Петровский, какого хрена я не понял? Что значит ты переводишься?

– Прошу прощения, а с чего вы взяли товарищ майор? – удивленно, поправляя свои новые очки, спросил я.

– Ну ты дуру то не включай! Мне комполка сказал, что ты изъявил желание о службе в танковых войсках!

– Я? А ну да, хотелось бы! – ответил я, делая виноватое лицо.

– Ты совсем? Вот тебе полюбуйся! Комполка просил тебе передать приказ, что тебя направляют на учебу в Ульяновское танковое училище! Ты вообще понимаешь, что ты меняешь профессию? Что ты вытаращился на меня, Петровский? Я со стенкой что-ли разговариваю?

– Да ну товарищ майор, я от медицины не отказываюсь! Это все будет после войны, если жив останусь, конечно. А сейчас тут одна профессия – Родину защищать! И неважно кто ты, танкист, медик или еще кто. Тут мы все равны. И враг у нас один!

– Хех, мать твою! Посадить бы тебя на «губу» за такие штучки! Ладно, хрен с тобой. Вот держи предписание и документы. Предъявишь там по прибытии! – улыбаясь ответил

он, и трясет мою руку в рукопожатии.

– Спасибо вам, Сергей Евгеньевич, за всё! (и мы трясём друг другу руки)

– А медицину я не брошу все равно! Будем считать это небольшим отпуском на период войны! Вот победим Гитлера, вернусь в Саратов, доучусь в институте, и стану врачом!

– Ну давай, дуй отсюда уже! Сейчас прилетит самолет, будет эвакуация раненых, и ты давай с ними. Надеюсь еще свидимся, сержант!

Мы обнялись. Я понимал, что меня ждет другая жизнь. И уходя от той старой, я не мог вообразить, что будет впереди.

К вечеру прибыл самолет. Мы погрузились на борт «Дугласа», и улетели в глубокий тыл. Пролетая над Сталинградом, я видел огромные черные клубы дымов, большое количество обгорелых остовов зданий, тянущиеся колонны нашей бронетехники и пехоты, идущих на Запад. Немного погодя, мы перелетели и Саратов. Смотря так же в небольшой иллюминатор, я думал, что где-то там подомной, живет и учится моя жена, что она верно ждёт меня живым и невредимым с этой страшной войны.

Эпизод 14: «Танкист»

По прибытию в Ульяновск, моя учеба проходила в ускоренном режиме. Фронту требовались были танкисты, и срок моего пребывания в училище, как и для всех сослуживцев,

составил шесть месяцев. За это время из нас делали командиров боевых машин. Преподавали разные науки. Мы изучали буквально все, что пригодиться в бою. Учеба мне очень нравилась, и все это благодаря моему другу Максимке. Видимо по его просьбе через комполка меня сюда и определили. Здесь мы были лишь зачатками командиров, настоящими мы станем только в бою, как говорил нам начальник училища. Как прошло обучение рассказывать не буду, так как мало что интересного происходило. Письма, которые я строил изо дня в день домой, возвращались без ответа, дескать адресат выбыл. В общем, связь окончательно пропала.

За окном начало августа 1943 года. Наконец настало то время, когда мы, успешно завершив обучение, получили свои первые офицерские звания. Из батальонного санинструктора я вышел младшим лейтенантом танковых войск. С моим будущим экипажем я познакомился только на вокзале перед отправкой на фронт. Замполит из нашего училища, передал нас из рук в руки начальнику штаба пятого танкового корпуса, гвардии майору Лунину К.Ф.

Майор Лунин, держа в руках планшетку, зачитывал нам приказ о распределении по экипажам. Мне достался танк Т-34-76, со счастливым номером «7», и экипаж в количестве трёх человек, которые были на много старше меня. После речи майора был дан приказ разойтись по экипажам для знакомства.

У вагона, напротив моего будущего танка, стояли те самые

ребята с кем мне придется проходить службу. И таких танков, и таких экипажей было множество. И каждому из нас, как новоиспеченным командирам, хотелось по скорее отправиться на фронт с дружным коллективом.

Свойственно своей скромной персоне, я медленно подходил к этим ребятам, поправляя очки на переносице.

–Здравствуйте, товарищи танкисты! – с несколько взволнованным голосом, поприветствовал я.

Ко мне подошел мужчина лет сорока на вид и поднеся к своему виску свою могучую руку, отдав тем самым воинское приветствие, отрапортовал:

–Здравия желаю, товарищ младший лейтенант! Докладывает заряжающий, командир башни старшина Карасёв! Это стрелок – радист, сержант Столярчук, и механик – водитель ефрейтор Горохов!

Неуклюже протягивая свою костистую ручку, я поприветствовал каждого из своего экипажа:

–Очень приятно! Я ваш новый командир, младший лейтенант Петровский! Будем вместе проходить огонь и воды так сказать!

Ребята засмеялись. Больше в голос конечно Столярчук. После чего он и спросил:

–А, почём вам нынче годиков, товарищ командир?

Возраст, конечно, все же выдавал меня за школьника. Я был пострижен и гладко выбрит.

–Двадцать два года! – воскликнул я.

– Та вы шо, товарищ лейтенант! Я б вам столько не дал!

Я сам по себе ни конфликтный человек, и выслуживаться ни перед кем не собирался, на что я ему и ответил, правда скромно:

– Да и пусть так будет! Товарищи, а давайте в нашей маленькой коллективе, у нас все будет хорошо?

– Та шоб усё хорошо боло, надо за знакомство таки проставиться! Или товарищу младшему лейтенанту родители запрещают со взрослыми стаканиться? – неугомонно продолжал он.

Карасев отдергивая Столярчука, пригрозил ему кулаком:

– Так сержант, отставить свой одесский юмор!

– Та я шо? Я ни шо!

Смекнув что с ними надо брататься только через бутылку, я тут же полез за фляжкой в вещмешок.

– Мне можно всё, товарищ сержант! Вот пожалуйста, наркомовские запасы!

– О-о-о! – воскликнули они, – Это наш человек! Ну, лейтенант, нам там плацкарчик выделен специально! – произнес Столярчук, выхватывая у меня из рук фляжку со спиртом, и по-дружески приобнял за плечо.

В вагоне мы расположились на своих полках, закинув вещи под столешницу.

Старшина присел рядом со мной, и выхватив спирт у Столярчука, стал разливать всем по огромным, жестяным кружкам. Долго он не молчал, а начал сразу знакомить меня с

остальными ребятами более подробно:

– Я, Борис Константинович! Это вот наш местный баламут, Столярчук Яков Михайлович, с ним аккуратнее! Очень уж шутить любит! – ударяя по рукам Якова, говорил он, так как тот полез забирать его стакан, свойственно своей манере, – ну, а это наш личный водитель, Горохов Ефим Ефремович, зовем его по-простому – Фима. У нас лейтенант в экипаже, еще со времен его рождения, приняты между собой по имени. Это облегчает общение в бою! Так что мы теперь свои люди, поэтому привыкай!

– Я понял! А я, Алексей Александрович, можно просто – Алексей! – улыбаясь, сказал я.

– Вот ты мне скажи, лейтенант, ты всегда такой? – вдруг спросил Столярчук, с набитым ртом.

– Какой такой? Не понял? – в недоумении, поставив кружку на стол, спросил я.

– Ну такой весь интеллигентный! Вот смотрю очёчки носишь, вежливый такой! Тут так нельзя, лейтенант! Ты должен быть как камень! Чтоб чуть что, об тебя зубы сломать можно было! Ты вообще на фронте то бувал?

Свои награды я никогда на показ не носил, но тут оказалось дело принципа. Расстегнув верхние пуговицы своей гимнастерки, я достал из внутреннего кармана небольшой платочный сверток, в котором были сложены мои три заслуженные награды.

– Вот пожалуйста, товарищ сержант! На фронте с самого

начала! Опыт имеется Столярчук, поэтому не пропадем! – подмигнув ему глазом, ответил я.

– Ну тогда усё ясно как море! У матросов нет вопросов! – разведя руки, убедился сержант.

– Ну, вот и познакомились! – хлопнув меня по плечу, сказал Карасев.

Мы выпили по одной, второй, третьей, закусывая всем, чем бог послал. Ребята у меня были конечно задорные, без конца шутливые и добродушные. Лет им всем было, далеко за тридцать, и у каждого на груди, висели по три медали и два ордена, за бои последних двух лет.

Немного одурманенный алкоголем, я подпёр голову руками и с улыбкой наблюдал за диалогами Столярчука и Карасева. Ведь они были не разлей вода, два сапога пара. После, мы рассказывали друг другу как воевали на фронте, кем были до войны, и какая у кого семья. У Бориса Константиновича, по его рассказам, шесть дочерей, воевал с первого дня на фронте – танкистом, у Якова – один сын. Сам Столярчук переводом с черноморского флота, служил на «Червонной Украине» радистом, а у Фимы семья погибла в блокадном Ленинграде, на фронте он с сорок второго года – бывший тракторист.

Мне же нечего было и рассказать. Детей завести не успели, практически сразу после свадьбы я ушел на фронт. И сейчас не знаю, ждет ли кто меня или нет.

После всех наших интереснейших диалогов, старшина

взял гармонь и начал наигрывать песню, схожую по мотиву, в исполнении Лемешева «Моя любимая!» Голос у него такой приятный, звонкий. Глядя на его бегающие по клавишам пальцы, я всеми мыслями погружался в смысл его песни и одновременно представлял свою любимую Ксенечку. Как же мне её не хватает. Вот уже третий год ни каких вестей от нее. Под это дело, чтобы скоротать время в пути следования на фронт, мы закуривали папиросы, травили анекдоты и горланили песни до утра. Яша даже где-то раздобыл еще одну фляжку со спиртом, приведя с собой компанию из соседних экипажей с гитарой в придачу. И веселье наше перестало быть томным, только потому, что в других экипажах были тоже пара его земляков из солнечной Одессы.

Спустя двое суток, мы прибыли на Воронежский фронт, на станцию «Марьино», что под Курском, где находился наш штаб корпуса.

После выгрузки, нас определили в двадцатую гвардейскую танковую бригаду, в сорок пятый отдельный танковый батальон, в распоряжение капитана Земскова. Далее мы маршем, передислоцировались в район Сараевки, там находился штаб бригады. Наш батальон насчитывал около двадцати шести танков Т-34.

Эпизод 15: «Военное братство»

Вечер. 13 августа. Жара + 37°C. Совещание у комбата. В

штабной палатке висел дым, хоть топор вешай. Капитан Земсков вызвал к себе всех командиров экипажей, и ставил боевую задачу на предстоящее наступление:

– И так братцы! Мне поручено доложить вам о ходе операции под кодовым названием «Румянцев». Наша бригада должна рассекающим ударом сломить группировку противника в районе Пархомовки с последующим его захватом. После этого, занимаем оборону и держим позиции до тех пор, пока не подойдут основные силы. Наша роль в этой операции определена как сдерживающая. Мы должны сковать силы четвертой танковой армии противника, применяя тактику танковых засад. Все понятно? – стоя с указкой у доски с картой, пояснял Земсков.

«Так точно, товарищ капитан!» – позвучал хоровой ответ командиров, стоящих с открытыми планшетками и помечая наши позиции и позиции противника на картах.

– Выступаем на рассвете. Всем держать готовность! Разойтись по экипажам! – добавил он, стирая с доски свои меловые рисунки.

Выйдя из палатки, я направился к своим. Наши танки стояли в лесистой местности, под открытым небом, укрытые маскировочной сетью. Подойдя к своей «семерке», я закурил папиросу. Облокотившись о погон танка, я наблюдал за тем, как старшина Карасев закладывает снаряды в танк, Фима гремел ключами, подкручивая тяги фрикционов, а сержант Столярчук «гонял» свою радиостанцию в поис-

ках фронтовых песен. Было непривычно тихо. Не было ни стрельбы, ни грохота орудий.

Наши войска взяли Орёл и Белгород, в следствии чего, мы находились в глубоком тылу. И после такой тактической паузы, завтра мы двинем в наступление. Облокотившись о погон танка всем телом, и наслаждаясь летней степной природой, я по-прежнему думал о своей любимой. Думал о том, как она увидит меня по форме, при погонах, в орденах. И как мы снова будем вместе, ни на минуту уже ни расставаясь. Но мои мечтания прервал задорный голос Столярчука.

Поймав на радиоволне песню «Три танкиста», он начал в голос подпевать:

«...Три танкиста, три весёлых друга —

Экипаж машины боевой...».

– Чего распелся? Дел нету что-ли? Сейчас быстро организирую! – сунув голову в люк танка, старшина Карасев тут же прервал этот дуэт.

– Ой, Боренька я тебя умоляю! Ну какая может быть работа у радиста? Моя забота дальше радиостанции ни лезть! Поимейте грамм совести, завтра-таки в бой! – ответил Яков, продолжая напевать.

– Ну ты и шлимазал! На-ка вот, протри снаряды! – улыбнулся Карасев, швырнув в него тряпку.

– За всё братья – ничего не сделать, Боря. Вы так доходчиво приказываете, ну не до такой же степени! – размахивая тряпкой, говорил Яков.

– Та не машите руками, а то простудитесь! Яша давай работай, а ни пецки крути! – рьяно подхватил юмор Фима.

Яков вытаращил глаза и опустив голову, переключился на Горохова:

– Фима! Вы говорите обидное! Вы тоже считаете мне полезно работать?

– А то как же! – посмеялся Горохов.

– Фима, мне не интересно сидеть с вами в одной машине! – сложив аккуратно ветошь, он принялся протирать снаряды.

Спокойно Яков сидеть не мог, у него будто шило в одном месте было, и тут же утомившись от этой рутинной работы, он спросил:

– Ха, интересно, а где наш лейтенант нынче пропадает?

– Да в штабе у Земскова, наверное. Задание получают на завтра! – пояснил Фима.

– Так вон оно что, ну понятно! Как думаешь Ефим, хорошо быть лейтенантом? – толкая в бок Горохова, игриво спросил он.

– Мне всё равно как! – отвечает он, – мне и в ефрейторах ни холодно!

– Вот ты так думаешь, и поэтому до сих пор в ефрейторах и ходишь! Надо быть чуточку как я!

– Таким же балаболом?

– Ну вот опять обидел! Но я тебе поясню: я вовремя оказался в нужном месте и спас комбата от верной гибели! И

меня за это из рядовых сразу в сержанты! О! Видишь, какой скачок? Я еще может войну капитаном закончу, вот увидите! – мечтал в слух Столярчук.

– А, тебе что в сержантах мало я смотрю? – перебивает вдруг Карасев.

– Хех, Боренька дорогой! Ты прям как в том анекдоте: Шо значит мало? Сара тоже кричала: «Мало!» – а потом нянчила семерых бандитов, не считая девочек! Это я тебе про потом говорю, в грядущей перспективе!

– Ха-ха-ха, ну ты и пустозвон Яша! – засмеялся старшина. Несколько помолчав, Яков снова принялся за пустые разговоры:

– Как думаете? Хлебнём мы с ним?

– С кем с ним? С Петровским-то?

– Ну, а за кого говорю, за него родимого! А то слишком уж молод он для руководства! Хотя не по годам награды имеет!

Старшина Карасев присев на башню, ответил:

– Мой первый командир такой же был, даже моложе этого, а теперь вон полком командует. А то, что молодой ещё, так это ничего. Парень душевный, всегда говорит по делу. Детства в нем этого нет! Нюхнул видать в своё время. А завтра еще посмотрим, каков он в бою!

Прослушивая их разговоры о моей скромной персоне, я вскочил на танк и с ухмылкой произнёс:

– Ну что, бойцы! Душевный парень прибыл! Сейчас буду вам задачу ставить!

Столярчук, сменив улыбку на серьезный вид ответил:

–А, вы все слышали, товарищ лейтенант... мы так это шути-тим!

–Да ладно! Я сам пошутить люблю, но в меру сержант, в меру. Вам, ну то есть тебе Яков Михайлович ответственное задание. Бегите на кухню за ужином. У меня там во фляжке осталась водка НЗ, сейчас добьем её и спать. Дело серьезное. На рассвете выступаем!

– Так, а шо? За ужином – это дело святое! Сделаем, товарищ гвардии младший лейтенант! – бросив тряпку, с котелками убыл на кухню.

Далее переключившись на Карасева:

–Давайте старшина меня, без меня обсуждать впредь не будем! По-вашему, я хоть и маленький, скромный ботаник, но я прежде всего ваш командир! Я не со школьной скамьи сюда прибыл. И как вы точно заметили – всякого в жизни хлебнуть пришлось!

– Ладно лейтенант не тушуйся! Давай вот закурим, пока этот баламут за ужином бежит! – добавил старшина, протягивая тем самым портсигар.

Поправив на голове пилотку, я взял папироску.

– Лейтенант, вот скажи, а что ты из медицины то ушел? – вдруг спросил Борис, и в след за ним подключился и Фима.

– Хех, да ну тут долгая история. В Сталинграде только до меня дошло это. Надоели понимаешь все эти кишки, кровь, оторванные конечности по полям собирать. Голова едет от

таких зрелищ. Поэтому и ходил в атаки со всеми. Там меньше возни с этим. Вот добьем врага, вернусь домой, доучусь в институте и наладится.

–В принципе правильно сделал! Медицина все-таки мирная профессия. А на войне надо воевать! – ответил Ефим.

–Вот-вот, и я о том же! О, смотри Яша бежит, пойдете есть!

– Вот товарищ лейтенант, кулеш и тушенку НЗ выдали, пять банок! – запыхавшись с пилоткой на бекрень, отчитался Столярчук.

–Молодец! Давай накрывай поляну, я за водкой!

Поставив провизию на погон танка, Яков улыбнулся во весь рот, и продемонстрировав мастерство чечетки, ответил:

– Вот так!

Мы расположились на траве под деревом и разделили фляжку на четверых. Я нарезал небольшой кубик салца, достал зеленый лучок. Столярчук еще где – то раздобыл одну помидору и три картофелины. Я положил себе ломтик сала на корочку хлеба, сверху лучок, взяв этот шедевр в левую руку, а рюмку в другую.

–Ребята, я хочу выпить за вас! Вы теперь моя семья. Завтра нам идти в бой, и кто знает, выживем ли мы завтра или нет. И я честно признаться, очень счастлив, что сижу здесь с вами в приятной душевной компании. Что в дальнейшем мы будем вместе делить все тяготы и лишения, радоваться нашим победам, сочувствовать друг другу при поражениях.

В общем, за вас!

–Красиво говоришь, лейтенант! Шоб я так жил, но слезы не дожدهшься! – съязвил Столярчук, и поднеся кружку ко рту, залпом проглотил сто грамм водки.

–За сказанное! – набив полный рот, пробормотал Фима. Чокнулись, выпили, чокнулись снова выпили да закурили. Наше randevу длилось до позднего вечера, пока ночная мгла окончательно не объяла наши позиции. После ужина мы легли кто куда: я бросил доску на погон танка, снял гимнастерку и постелив ее под себя, лег спать. Фима прилег на своем месте, откинув сиденье. А Борис с Яковом, расположились под деревом на своих гимнастерках.

Эпизод 16: «Наступление»

Команда на подъём прозвучала в четыре часа утра. Далее следовала стандартная процедура. Умывание, бритьё, туалет и прочее. На всё это ни более двадцати минут. Приведя себя в порядок, мы погружались в свои черные комбинезоны, «танкошлёмы», проверили связь и табельное оружие. И этот ритуал был одинаков для всех экипажей нашего полка.

Позиции были заняты. Окунувшись в ожидание начала наступления, каждый из нас, перед боем, думал о чем-то о своём.

Меня поглощал внутренний страх, который я ни в коем случае не показывал подчиненным. Страх за то, что в свой

первый раз я могу неправильно скомандовать и угробить экипаж. В танке было уже невероятно душно. Жара стояла уже свыше тридцати градусов, даже в столь утреннее время. Я вылез по пояс из башни и закурил.

– Шо лейтенант, боязно? – спросил Яков, высунувшись из люка башни.

Медленно затягиваясь и выдыхая табачный дым, я ответил:

– Да нет, с чего ты взял?

– Очевидно, лейтенант! Первый бой главное пережить, а потом все путем будет!

– Да всё хорошо! Боюсь просто, что покурить не успею! – изобразив фальшивую улыбку на лице, отвечал я, параллельно сминая зажженную папиросу в руке.

Вдруг по всем радиопередатчикам пронеслась фраза:

«Внимание! Всем экипажам, внимание! Говорит «первый!» По сигналу белая ракета запускаем двигатели и вперед!»

Ожидание атаки – это хуже всего. Хуже всего, сидеть без дела, ожидая встречи со смертью. Ведь ожидание дела – убийственнее самого дела!

Жара стояла невероятная. Отсутствие табака делает нас всех более раздражительными. За время простоя, мы скурили все папиросы. К 05:30 утра на броне уже можно было делать яичницу к завтраку. Я смотрю на часы. Еще минут пятнадцать, после получения приказа мы оставались на месте.

Вдруг мы услышали глухой хлопок, и в небо взмыли две белые ракеты.

–Фима заводи! – скомандовал я.

Горохов подкачал масло, повернул ручку стартера, нажал на кнопку пуска двигателя. Пехота с криками «Ура!» ринулась вперед.

Переключив передачу с «нейтральной» на первую, мы сорвались с места.

Все двадцать шесть танков, в одном ряду с пехотой, мчались навстречу противнику.

Мертвой хваткой я вцепился в привод ручного наведения орудия. От высокой скорости танка, в триплексе попеременно мелькали то небо, то земля. Впереди был населенный пункт. Немцы увидели нас и тут же открыли огонь из всех орудий. Снаряды рвались прямо перед нами, скашивая пехоту.

Повернув рукоятки в нужное положение, я навел перекрестие прицела на цель.

– Борис, вмажь-ка им осколочный! – прокричал я.

Башнер достал снаряд, загнал в казённик орудия.

–Есть осколочный!

Держа в прицеле орудие противника, я нажал на педаль спуска. «Семерка» с рёвом «выплюнула» свой смертоносный груз. Доли секунд и снаряд прилетел точно в цель. В триплексе было видно, как в разные стороны разлетелись орудие и прислуга.

–Ха! Попааалл! Молодец лейтенант, давай еще! – воскликнул Карасев.

Продолжая поиск цели, я заметил, как из-за леса выплывает медленно, но верно целая армада «тигров». Мой страх мгновенно сменился холодным расчётом. Я думал о том, как бы по боле унести фашистской нечисти.

– Алексей! Тигр на два часа от нас! – прозвучал в шлемофоне голос Горохова.

–Вижу, Фима вижу! Боря давай бронбойный!

–Есть бронбойный!

–Отлично, отлично! Фима-стоп!

Горохов резко затормозил. Я навел прицел на лениво идущего «тигра». Пот заливает глаза, от этого они страшно зудят. Я вытираю рукавом лицо и продолжаю наводить на цель. Немецкий панцер выстрелил из своего орудия и поджёг несколько наших танков, пытавшихся обойти его с фланга. Поймав в перекрестие фашистский танк, я тут же произвел выстрел. Снаряд отскочил как мячик от стенки.

–Так далеко не возьмешь его! Надо ближе подойти и в борт его суку! – от напряжения произнес Карасев.

–Фима, жми вперед!

Мы подъехали на расстояние около пятисот метров, и я снова произвел выстрел.

«Тигр» остановился, а из его башни повалил густой чёрный дым, которое перешло в ярко красное пламя.

– Нашего вам с кисточкой, лейтенант! Завалил-таки пер-

вого зверя! – крикнул Столярчук.

– Да это он со страху! – засмеявшись в голос и обняв меня за плечо, воскликнул старшина Карасев.

– Так точно! – ответил я, и сам в растерянности от происходящего, стал смеяться в голос.

Первый бой он был и трудным, и страшным. Все поле было усеяно нашими бойцами, подбитыми танками. За сутки боя, мы потеряли больше половины своих танков. Итогом нашего наступления стал захват населенного пункта Пархомовка, который был нашей главной и отправной точкой в наступлении. Так же, в ходе боя, мною лично было сожжено три «тигра» и два полевых орудия Рак 40. Столярчук из курсового пулемета уничтожил до полусотни фрицев.

В нашем батальоне осталось пять машин. От незнания что же делать дальше, я решил связаться с командованием:

«Первый, Первый я «семерка», заняли поселок Пархомовка, каковы наши дальнейшие действия? Как поняли, приём!»

«Первый на связи! Оставайтесь в поселке! Первая танковая армия с востока с боями продвигается к вам! Сколько машин осталось? Приём!»

«Осталось пять машин и до двухсот человек пехоты! Приём!» – ответил я, щелкая переключателем.

«Занимайте оборону, и по возможности сдерживайте противника на своем рубеже! Как поняли? Приём!»

«Вас понял! Конец связи!»

Не успев отключиться от радиостанции, как мне в голову

залетел гениальный план. Так как командир роты был убит, я решился примерить на себя роль командира, и взял выполнение задачи на себя. По рации я объявил всем экипажам общий сбор у моей машины, приняв командование. Перед нашим танком собрались командиры пехотных взводов и экипажи танков. Развернув карту боевых действий на корпусе танка, я на энтузиазме, подобно школьному учителю, разъяснял следующую схему обороны:

– Товарищи! План мировой! Значит так, мы оставляем три танка в отдалении друг от друга на пятьсот – шестьсот метров. На видном месте. Опускаем стволы башен к земле, обкладывая их соломой, какой-нибудь тканью и поджигаем. Рядом ставим дымовые шашки. Нужна имитация сожжённой техники. Остальные два танка прячутся по флангам, напротив друг друга. В эфире полное радиомолчание. Пехота, залегает позади нас в двухсот метрах. Когда немцы, убедившись, что танки выведены из строя, пройдут мимо, тут же пехота отвлекающим маневром завязывая с ними бой. А мы тем временем из всех стволов ударим им в тыл. Так и перебьём. Засада должна сработать!

– А что, может и сработать! Рискованно только! – согласился усатый командир «тройки», задумчиво поглядывая на меня.

– Тогда по местам хлопцы! – скомандовал я, складывая карту в планшетку.

Мы отравили двух пехотинцев в дозор. Тем самым гото-

вили все необходимое согласно плану. Наш танк был в самом центре, чуть кпереди от остальных. Другие два «подбитых» танка были от нас на расстоянии четырёхсот метров, обложены соломой и открытыми настезь люками.

Просидели в засаде около пяти с лишним часов. Вдруг на горизонте, перепрыгивая холмы и выбоины, бегут наши дзорные.

–Товарищ младший лейтенант! Они идут! Танки около пятидесяти машин и пехоты до батальона! – доложил молоденький парнишка, с чуть заметными рыжими усиками.

–Давайте ребятки, тикайте к остальным и предупредите! Мы начинаем! – ответил я, и погрузившись внутрь танка, задраил люк наглухо.

Они тотчас же ринулись в тыл.

– Гм, я таки не сильно умею сказать, но хочу, товарищ лейтенант! – проглотив слюну, растерянно произнес Столярчук, – ты уверен, что мы справимся? Их вон целая шпана, а нас так ни особо!

– Ни дрейфь сержант, всё продуманно! – медленно, смакуя каждое слово ответил я.

– Ну ты посмотри на этого патриота за мой счёт!

– улыбнулся он, своей ехидной одесской физиономией.

– Спокойно Яша, спокойно! Тут главное не мазать! Ты перезаряди пулемет, а то стрелять придется очень много!

– Та вы за это не пережевывайте! Всё в ажуре! – дернув затвор ДТ, ответил Яков.

Сердце билось так сильно, что вот-вот вырвется из груди. Казалось, что его слышно всем находившимся в танке. Немцы продвигались все ближе и ближе. Уже была слышна их разговорная речь. Далее вражья болтовня смешалась с лязгом гусениц «немецкого зверинца».

– Карасев! Давай бронебойный, только тихо!

– Понял! – ответил заряжающий, аккуратно закладывая снаряд в казённый.

Нервы накалены до предела. На мозги давил не только страх, но и убийственная жара. Немцы подошли к нашим танкам. Впереди идущий обер-лейтенант крикнул:

«Hans! Sieh dir das an? Gibt es jemanden, der lebt?»¹

Фельдфебель подбежал к нашему танку и запрыгнул на башню. Осмотревшись, он подергал люки, которые были наглухо задраены.

«Nein, Herr Oberleutnant! Hier sind alle tot!»²

«Gut! Weiterfahren! Vorwärts!»³ – дал команду немецкий офицер.

¹ (перевод с нем.) – Ганс! Посмотри, что там? Есть ли, кто живой?

² (перевод с нем.) – Нет, господин лейтенант! Тут все мертвы!

³ (перевод с нем.) – Хорошо! Продолжить движение! Вперед!

– Фух, кажись пронесло. Тикают! – вытирая пот со лба, произнес шепотом Фима.

– Эх как тебя пронесло брат! Аж запахло! – засмеялся Яков, поддевая Горохова.

– Терпение, братцы, терпение! – сказал я.

Противник продолжил движение вперед. То ли по счастливой случайности, то ли по своей глупости, немцы не стали проверять остальные танки.

Около двадцати танков прошли мимо нас. И когда последний вражеский танк пересёк наш «мёртвый треугольник», с тыла открылась интенсивная, плотная стрельба. Пехотинцы приняли удар на себя. Мы тут же завели двигатели и двинулись расстреливать немецкие танки с тыла. Немцы не ожидали такого сюрприза, и были в полной растерянности. Они не могли толком поймать в цель наши танки, как их сразу же настигало попадание. Бой длился около двух часов.

Мы полностью ликвидировали наступающие немецкие танки с их арьергардами. Конечно же, не обошлось без потерь и с нашей стороны. Два экипажа и несколько взводов пехоты остались на месте устроенной нами засады.

После боя я передал по радиации командованию, о скованности основных сил противника, прорывающиеся в район Ахтырки, Пархомовки и Краснокутска полностью уничтожив их. Благодаря этому наши войска захватили, окружили и в дальнейшем ликвидировали группировку войск в райо-

не Харькова, который был полностью освобожден 23 августа 1943 года.

Мы оставались на уже занятых рубежах, дожидаясь подхода двадцать седьмой армии.

Через пять с половиной часов, подошли главные силы, а с ними и командир корпуса.

– Мать моя! Сам генерал Кравченко решил нас посетить! Наверное, по твою Алёшка душу! План – то твой сработал! – усмехнулся Карасев.

– Да будет тебе! Прямо из-за меня сам генерал будет по фронтам кататься! – докуривая папироску, ответил я.

– Э, нет, брат! Вот увидишь!

Вдруг подъезжает БА-10 в сопровождении мотоциклов и двух «тридцатьчетвёрок».

Из броневедомости выходит генерал Кравченко:

– На славу постарались! Молодцы! Кто командовал операцией? Командира ко мне! – пристально рассматривая сожжённую технику, поинтересовался генерал. Командир «тройки» слезая с танка, указал пальцем на меня, доложил:

– Товарищ генерал, вон тот чумазый парень, это его идея была!

Кравченко осмотрев меня с ног до головы сказал:

– Ну-ка сынок, поближе!

Застегнув верхние пуговицы на гимнастерке, я строевым шагом подошел к нему, и волнительным голосом представился:

– Товарищ генерал! Командир танка номер «7», младший лейтенант Петровский!

– Твой план?

– Так точно, товарищ генерал!

– М-да... голь на выдумку хитра. Грамотно провернули!

– Так точно, товарищ генерал! Надо было немцев сковать в клещи. По-другому никак. Вот и решились на такую тактику. Хотя огромный риск, что немцы нас раскроют!

– Никогда не рискуй зря! Себя погубишь и людей положишь. А так, вы все молодцы! Давно на фронте?

– С июля 41-го!

– Сколько ж тебе лет?

– Двадцать два года товарищ генерал!

– А выглядишь лет на все шестнадцать! – усмехнулся Кравченко, взяв меня за плечи.

– Какой есть! – улыбнулся я в ответ.

Кравченко спускает свои могучие руки с плеч и пожимая мне руку, ответил:

– Хорошо! За блестяще проведенную операцию вы все можете сверлить дырочки под ордена! А тебе и твоему экипажу отдельно! Ордена Отечественной войны II степени, и личная благодарность от меня!»

– Служим Советскому союзу! – раздался хоровой ответ.

– Вольно бойцы!

После недолгого диалога, генерал поехал дальше оценивать обстановку, а ребята, тем временем сняв танкошлемы,

подхватили меня и начали подбрасывать вверх.

– Боря! Не качай так сильно командира! Вспотеешь! – воскликнул Столярчук, отталкивая Карасева своим задом.

– Всё, всё довольно товарищи! – кричал я, с замиранием сердца в полёте.

– Таки все поставьте его уже на пол, и не трогайте до следующего случая! – посмеялся Яков, останавливая эти ликования.

Оставив меня наконец в покое, мы присели возле танка.

– С тобой теперь куда угодно! Под твоим командованием, мы-таки столько орденов соберем! – поддержал Карасев.

– Да лейтенант, действительно! Голова то у тебя светлая! – поддержал разговор Яков.

– Да ну вас ребят! Это все со страху! – скромно засмеялся я.

– Ага! Со страху он несколько десятков танков спалил! Давай рассказывай! – подключился Горохов.

Это был мой первый триумф. Мой первый танковый бой, который завершился разгромом немецкой группировки. Благодаря этому случаю, мне еще больше хотелось скорее добить врага и вернуться домой. Ведь каждая победа приближала меня к заветной цели – родной дом, тётю Надю и любимую жену. Так я приобрёл новую фронтовую семью. Я как командир очень переживал за каждого из своих подчиненных. Поэтому в дальнейшем, я максимально берег их жизни, становясь «отцом» – командиром, даже несмотря на

мой юношеский возраст.

Эпизод 17: «Бросок к Днепру»

Воронежскому фронту была отведена главная задача – наступление на Киев! Наша бригада начала этот путь от недавно освобожденного населенного пункта – Кладьковщина. После измотанных и ожесточенных боёв, мы приводили в порядок всю материальную часть нашей бригады, и ожидали пополнения.

Во второй половине сентября, было поручено в составе корпуса, совершить четырёмсот километровый марш из района Лебедин и выйти к реке Десна, северо-западнее города Бровары. Условия марша были исключительно тяжелыми. Густая пыль, непроницаемой пеленой, окутывала дороги до такой степени, что невозможно было дышать. Для своих ребят я наделал ватно-марлевые повязки, чтобы предотвратить попадание пыли в легкие. Несмотря на все эти трудности, мы все же шли вперед, вперед на Запад!

К началу октября, прибыв в указанный район, нам надлежало форсировать Десну из района населенного пункта Летки.

После очередного заседания в штабе, я вернулся к своим ребятам. Нам предстояла необычная переправа на противоположный берег по дну реки. Спустя некоторое время, мы принялись измерять глубину вброд, раздевшись до гола.

Пройдя через всю реку в этот холодный октябрьский день, мы нащупали маршрут для остальной бронетехники. Толком не успев просохнуть, было отдано распоряжение о форсировании реки на данном участке. Прозвучала команда: «Экипажи по машинам!»

Танки один за другим, словно стальные рыбыны, погружались в холодную реку, лязгая гусеницами. Погода была пасмурной. Ветер из стороны в сторону усиливал течение. Вскоре пролил небольшой дождь.

Переправлялись мы около суток. После чего, наша бригада сосредоточилась в лесу западнее н/п Низшая Дубечня, где и находились до десятого октября. Приводили в порядок машины и ожидали переброски остальных частей.

В ночь на одиннадцатое октября, мы с боями переправились на правый берег Днепра и сосредоточились в районе города Лютеж, имея дальнейшую задачу, перерезать магистраль Киев – Житомир, не допустив отхода противника в этих направлениях.

Отброшенный от Днепра противник, занял выгодный оборонительный рубеж в районе реки Ирпень. Вследствие этого, перед нами была поставлена новая задача: построить переправу через реку и своими силами создать плацдарм на левом берегу.

Совместно со стрелковыми полками, нам предстояло строить плоты, прокладывать гати, и уже в ночь на двенадцатое октября, форсировав Ирпень, заняли оборону в районе

Синяк.

К исходу того же дня, мы овладели населенными пунктами Блиставица, Дачи, Гостомель.

– Да ребятки! От полка пехоты совсем ничего не осталось. Одними танками мы оборону не удержим. Сейчас немец пойдёт. Яков, соедини меня с командиром бригады!

Столярчук, вращая рукоятку передатчика, перешёл на нужную волну:

– Готово командир!

Перейдя на передачу, я связался с командованием:

– «Первый, первый», я «семерка» как слышишь меня?

Голос по ту сторону радиации:

«Первый» на связи!»

– Товарищ «Первый», мы заняли оборону на окраине города Гостомель! Своими силами удержать город не представляется возможным. Тылы отстали, а наши полки разбиты. У меня осталось всего пять танков. Какие дальнейшие действия? Приём!»

– «По данным авиаразведке, в вашу сторону направляются крупные силы противника. Все наши резервы были переброшены на соседние участки! Чтобы не допустить окружения, отходите на исходные позиции, за Ирпень! Как поняли? Приём!»

– «Вас понял! Конец связи!»

– Что, командир? Все наши труды коту по хвост? – скинув с себя шлем, тихо спросил Столярчук.

– Ничего... отойдем на исходные рубежи, там соберемся силами и тогда... Давай Фима заводи. Отходим за реку!

Передав приказ «Первого» всем экипажам, мы начали продвигаться к реке.

Противник, заметив наш отход, пустил по нашему следу авиацию. Немцы разбили переправы через Ирпень, и мы оказались в западне.

– Командир, давай обратно до Синяков, а там посмотрим! У нас танков осталось не больше трёх! – предложил Карасев.

– Хорошо! Я согласен! Яша, передай всем экипажам, возвращаемся на Синяки!

Добравшись до места, там располагались остатки стрелковых частей. Переправы были разбиты, и было принято решение возвести их снова. Пока пехота сооружала плоты, мы в свою очередь стояли в обороне населенного пункта.

Немец пытался сбросить нас в реку, но мы столь малочисленной группой организовали круговую оборону.

Нашу машину мы установили на перекрестке, в неприметном, трехэтажном доме, что на пересечении улиц Ленина и какого-то там Октября, судя по сколотой плохо читаемой надписи. Остальные танки, заняли оборону в трехстах метрах от нас.

Смеркалось. Вдалеке гремели бои. А на месте, где наши бойцы возводили переправу, слышался ружейно-пулеметный огонь.

– Слышь, лейтенант, как думаешь, успеем переправиться

назад? – спросил Фима, смотря в открытый люк.

– Думаю, успеем! Что у нас по боеприпасам?

Карасев осмотрелся и почесав затылок, ответил: – Пятнадцать бронебойных, двадцать два осколочных!

– Яков, как с патронами дела?

Откинув брезент по правую руку от себя, он показал мне пять полных дисков:

– Вот лейтенант, чем богаты! Около четырёх сот будет!

– Да... маловато... ну, думаю, продержимся! – произнёс я, и полез в нагрудный карман за пачкой папирос.

Закуривая по одной, мы пристально вслушивались в нарастающий лязг гусениц со стороны Гавриловки.

– Гля командир, кажись, идут! – сплёвывая под ноги, произнес Столярчук.

Затушив сигарку, я вылез из люка, и глядя в бинокль наблюдал за движущейся техникой.

– Да ты прав! Не идут, а прут! Передай всем экипажам, мы начинаем!

– Борис Константинович, заряжай бронебойный сразу! Снаряды экономить! Столярчук, ты тоже особо не увлекайся! Отсекай только пехоту. Старайся бить прицельно точно. Фима, ты после первого выстрела заводись, и ставь на первую передачу, как скажу, тронешься с места! Храни нас Господь!

Я выставил оружие на прямую наводку. Ногу приспособил на педали спуска, в ожидании противника, пока он не появится в перекрестии моей панорамы. В полукилометре от

нас, на проспекте Разина появилась немецкая пехота. Глядя в триплекс, я насчитал более ста человек пехоты. Они двигались прямо на нас. Благо после тщательной маскировки нашу «семерку» не было видно. Вслед за пехотой на горизонте появились и колонны сначала средних танков Т-3, а после пошли Т-6 «тигры». В общей сложности, мы насчитали восемь средних и двенадцать тяжелых танков противника.

– Командир, когда начинаем? – спросил Яков, целясь в узкое с палец отверстие, своего ДТ.

– Как пересекут ближний перекресток, огонь!

– Принято! – последовал ответ.

Вдруг немцы всполошились, услышав стрельбу соседних наших танков. Наводя перекрестие панорамы орудия под башню головного танка, я резко нажал на педаль спуска. Из окна, прикрытого мешками трехэтажного здания, наша «семерка» выпустила первый снаряд. От попадания, немецкую «тройку» разнесло в «щепки». Башня, охваченная огнем подброшенная от взрыва, полыхала в воздухе, словно грандиозный салют.

– Огонь Яков! Огонь! – скомандовал я.

Столярчук тотчас же, прижал свой ДТ к плечу и начал косить пехоту. Трата-та-та! Трассеры от пулемета указывали на наше местоположение. Вдруг из-за подбитого танка выплывает еще одна тройка, а за ней и «тигр».

– Старшина! Бронебойный быстро! – прокричал я.

– Есть бронебойный товарищ лейтенант! – ответил он.

–Выстрел! – крикнул я.

От второго выстрела, разнесло еще один танк. «Тигр» уточнив наше местонахождение, прямой наводкой выстрелил в нашу сторону. Вражеский снаряд точно лёг в наше укрепление.

–Фима, быстро вперед! – закричал я в шлемофон.

Горохов включил передачу, толкнул рычаги управления и танк дернулся с места.

–Карасев, давай еще бронейбойный! – скомандовал я, наводя прицел на танк противника.

Выстрел! Попадание! У «тигра» заклинило башню. Вражеская пехота рассыпалась на мелкие группы. Яша отстреливал диск за диском.

Этот не равный бой продолжался до рассвета. Оставшиеся немецкие танки, выехали на соседние улицы, чтобы взять нас в кольцо. Вскоре к ним присоединился батальон пехоты. Мы вырвались из проспекта на площадь Свободы. К этой площади вела только одна дорога. Пролетев проспект на полном ходу, мы забрели в арку, где была постройка кольцевого типа. А дальше тупик.

– Командир, всё... приехали. Горючего больше нет! – снимая шлемофон, безнадежно пробормотал Фима.

– Твою мать! Что с боеприпасами? – спросил я.

– Осталось два осколочных и один бронейбойный! – утирая свой влажный лоб, ответил старшина Карасев.

– У меня последние полдиска, командир!

–Значит так! Занимаем круговую оборону. Столярчук, бери пулемет, автоматы, гранаты и со мной на улицу. Борис Константинович, ты давай на моё место, а ты Фима на место Бори. Будете прикрывать нас, а мы не дадим им приблизиться к танку. Заманим их в своё кольцо. А там как вывезет. Все понятно?

–Более чем, командир! – воскликнул радист, вытаскивая свой пулемет.

Заняв позиции, мы ожидали подхода противника. «Тигры» вместе с пехотой ползли по проспекту в нашу сторону. Спустя время немцы, заметив на площади наш танк, открыли шквальный огонь. Это были штурмовые батальоны войск СС.

Они были посланы уничтожить нас, отомстить за своих убитых товарищей. В ответ мы открыли плотный огонь из всех стволов. Фашисты неиссякаемым потоком, появлялись в арке и лупили по нам из автоматов. Отстреливаясь, мы перекосили около сорока человек пехоты противника, перебив весь их авангард. Немцы не желая мириться с этой утратой, столь элитных эсэсовских частей, бросили в ход танки. Около десяти танков дивизии СС «Мертвая голова» пытались прорваться к площади. Но из-за узкого перехода проспекта к нашим позициям, они вынуждены были выстраиваться в колонну по одному, для того чтобы заблокировать нам выход.

Бои гремели в районе Лютежа, и немцы прекрасно понимали, что помощи нам ждать не откуда. Карасев израсходо-

вав все боезапасы, бросился к рации и начал звать на помощь. Фима по пояс вылез из башни танка и, взяв ППШ, открыл огонь по наступающей пехоте противника. Столярчук, расстреляв все патроны, выбросил пулемет и начал отстреливаться из нагана.

Фашистский танк ворвался на площадь, и выстрелил подкалиберным снарядом по нашей «семерке». Танк загорелся. Фима, выскочив из танка, пытался достать находившегося в бессознательном состоянии Карасева. Взяв оставшиеся гранаты, я с криком бросился на немецкий танк. Немец открыл огонь из пулеметов, и Фима упал навзничь.

– Получи, в рот тебе его печеньё! – закричал я, швырнув связку гранат в двигательный отсек «тигра». Взрыв. Танк загорелся. Столярчук подбежал к нашему танку и полез вытаскивать наших ребят. После подрыва, я тут же метнулся ему на помощь.

– Вот и всё ребята... время пришло. Бросьте меня, мне все равно конец! – постанывая от боли, бормотал Фима.

– Шо с ним, лейтенант? – растерянно спросил Столярчук.

Опрокинув взор на его окровавленную ногу, я тут же разорвал штанину, откуда алой струйкой брызнула кровь.

– Етит твою мать, бедренная артерия перебита! Так Яша, зажимай там же где и я! – прижимая ему бедренную артерию кулаками, прокричал я.

Яков тут же наложил свои руки на его рану, пока я расте-

гивал с себя ремень, и пережимал Фиме ногу, пытаясь остановить кровотечение.

Фима, запинаясь от боли, говорил:

– Ребята, я... я что умираю да?

– Да шо ты такое бачишь родной? Мы тебя вытащим! Сейчас наши подоспеют и заберут тебя в госпиталь! Держись, слышишь, держись! – успокаивал Яков, не отпуская рук от его раны.

– Все! Остановил! Остановил кровотечение! – закричал я.

Ефим несколько угасая, тихо-тихо бормотал:

– Простите... простите...

– Ефрейтор Горохов, я приказываю тебе! Не закрывать глаза!

Наверное, впервые, я тогда увидел Столярчука плачущим. Отпустив рану, он тормошил его за плечи, пытаясь вернуть в сознание.

Фима, не закрывая глаз, лишь лениво так шевелил губами, после чего его дыхание остановилось.

– Горохов! Горохов! Отставить! – кричал Яков со слезами, стоя на коленях перед его уже бездыханным телом.

От увиденного, у меня тут же навернулись слезы.

– Оставь его Яша, он мёртв! – взяв его за плечи, сказал я.

Немцы, после перегруппировки, снова пошли на штурм. Столярчук стиснув зубы подобрал автомат Фимы, и вытирая окровавленными руками свои слёзы, выбежал из-за танка и открыл беспорядочную стрельбу по немцам.

Увидев эту картину, я бросился на него, свалив с ног на землю:

– Ты что сержант, убьют же!

– Пусти меня лейтенант, я их сейчас размажу!

– Да замолчи ты! Немцы окружили нас! Мы с тобой одни остались... – ответил я, вцепившись в грудки Столярчука.

Немцы тем временем, встав в полукольцо, выдвинули нам ультиматум о сдаче. В противном случае нас расстреляют.

– Ну и шо делать будем, командир?

– Я в плен сдаваться не собираюсь! У тебя патроны остались? – произнес я.

– Три патрона, а у тебя?

Достав обойму из своего пистолета, я ответил:

– Последний....

– Вот лейтенант, у меня в подзюме граната осталась еще! – сказал Яша, крутя в руке зеленую по форме напоминающую лимон, гранату.

Улыбнувшись ему в лицо, я принял решение подорвать себя вместе с фрицами, как только они нас схватят.

– Как подойдут ближе, дёргай чеку!

Столярчук посмотрел на меня так холодно, что в его глазах я прочёл всю безысходность этой последней минуты жизни. В этот момент у меня, да и, наверное, у Столярчука, перед глазами пролетела вся жизнь. Мы думали о том, что уже никогда не увидим своих родных. Я мысленно простился со своей женой, и попросил у нее прощения за всё. Немцы тем

временем, взведя затворы на автоматах, медленно подошли к нам.

Перед смертью я не смог сдержать слёз. Яков, обнимая меня за голову, вытащил чеку из гранаты, зажал предохранительный рычаг и произнёс:

–Прощай лейтенант! Не довелось нам вместе повоевать...

–Прощай Яша... – закрыв глаза, прошептал я.

И только Столярчук медленно стал отпускать рычаг, как вдруг рёв штурмовиков и громкий клич «Ура!» наступающих полков, стремительным броском, пошли в атаку. Штурмовики ИЛ-2 из всех орудий уничтожали фашистского гада. Эсэсовцы в панике разбегались кто куда, в поисках укрытий, но советские снаряды неумолимо настигали их. Они усыпали бомбами всю площадь и прилегающую к ней улицу, где располагались немецкие танковые колонны. В этот момент Яков молниеносно сообразив, взял меня за шкурки и затащил под наш подбитый танк.

После бомбардировки на площадь, по развалинам домов, въехали наши «тридцатьчетверки». Заметив наши танки, мы вылезли из-под нашей машины и буквально бежали на встречу прибывшим войскам. Подойдя к первой машине с надписью «Мстители» на броне, я замыленным взглядом увидел, как из танка, вылез молодой парень, который скидывая шлемофон, произнёс:

–Ну что братва, живы?

–Как видишь! – ответил я.

– Алёшка, ты что-ли? – воскликнул этот танкист.

Протерев глаза, я разглядел до боли знакомую физиономию, светящуюся от счастья:

– Максим! Это ты чертяга! – набросившись на него, воскликнул я.

– Максим, братишка ты не представляешь, что тут было...

– Я вижу, вижу дорогой! Как ты тут оказался? – спросил он.

Не переставая обнимать и целовать его, я отвечал:

– Мы тут после наступления. Никого не осталось. Наша бригада разбита. А вы откуда здесь?

– Мы наступаем по всему фронту сейчас. А вы переправляетесь на тот берег. Там твоя бригада доукомплектовывается как раз. Вместе пойдем на Киев!

Оторвавшись от него, я увидел на его груди, золотую медаль Героя Советского союза.

– Откуда? – удивленно спросил я.

– Всё оттуда же, из Сталинграда! Ладно, об этом потом! А сейчас тебе надо уходить! – сказал он, и оттолкнув меня, запрыгнул в свой танк.

– Я найду тебя! Слышишь? Найду! – помахав рукой, удалился в сторону наступающих войск.

С чувством радости от встречи, и только что минувшей смерти, я пребывал в некой прострации. От переизбытка эмоций у меня закружилась голова, и я тут же присел на корточки. Глядя на свои окровавленные руки, я задумался. Яков

подошел ко мне с той самой гранатой в руке.

– Слава богам не использовали! – тихо сказал он, вставляя чеку на место. После взрыва и полученной контузии пришел наконец в себя и мой старшина Карасёв. Борис подполз к телу Фимы, и схватившись за свою голову, стал тихо мычать. Яша подложил под голову убитого свою пилотку, и ладонью прикрыл уже затянутые посмертной мутью глаза Горохова. Я присел рядом с ребятами, и приобнял за плечи Карасева.

За нами громыхали танки, над головой пролетали истребители. На место боя, прибыли медики на полуторке. Санинструктора, оказав нам первую помощь посадили нас в свою машину, для отправки в тыл. Взяв тело Фимы, мы аккуратно положили его на носилки и погрузили тело в кузов. Расположившись рядом с ним, нас увезли в город Гута-Межигорская, где происходило переформирование нашей бригады.

Эпизод 18: «Даёшь Киев!»

Мы прибыли в место дислокации двадцатой гвардейской танковой бригады. Там нас ожидал командир полка. Он был сильно удивлен нашему возвращению фактически с того света.

После, меня с моим оставшимся экипажем отправили в медсанбат. Тело Фимы, погрузили вместе с другими убитыми в ЗИС-5 и переправили в тыл.

На следующий день, нам прислали нового мехвода, и дали новый танк. Я приказал Карасеву раздобыть несколько банок

белой краски. Спустя какое-то время, он приносит две банки белой эмали.

– Вот товарищ лейтенант, у саперов стрельнул! – доложил он.

– Борис Константинович! Бери одну банку, и дуй на ту сторону, нарисуй на башне цифру семь, а я тут с этой стороны буду писать.

Старшина взял банку, кисть и пошёл рисовать цифру. Я в свою очередь большими буквами написал на башне «За Фиму!»

За этой картиной, растеряно наблюдал новеньких мехвод. Закончив с надписью, Борис подошел ко мне.

– Все лейтенант, готово!

– Спасибо тебе. Борь займись пополнением, пожалуйста! Мне пока не до него...

– Конечно, Алексей! Отдыхай! – оставив пол банки краски на погоне танка, он пошел к новобранцу.

– Кто таков будешь?

Молодой, щуплый паренек, лет двадцати, протягивая руку, с улыбкой ответил:

– Младший сержант Матвеев, прибыл по распределению!

– Звать-то тебя как?

– Женя!

Карасев, не много помявшись, сказал:

– Улыбку с лица убери сынок! Причин для радости нет!

– Виноват, товарищ гвардии старшина!

– Вот знакомься. Это наш командир гвардии младший лейтенант Петровский! Слушаться его как отца родного!

– Так точно, товарищ гвардии старшина!

Закончив с покраской, я подошел к нему.

– Здравия желаю товарищ гвардии младший лейтенант, младший сержант Матвеев для дальнейшего прохождения службы прибыл!

– Вольно боец! Слышал я все уже. Беги знакомься с машиной лучше.

Подойдя к танку, он заглянул в люк мехвода. Столярчук резко высунув свое лицо ему в ответ, дико напугал его, та что Матвеев упал на задницу.

– Ты шо родной такой пужливый? – спросил Яков, высунувшись из этого люка.

– Да что вы пугаете, товарищ гвардии сержант! – отряхиваясь от земли, пробубнил он.

– Пугаю не так боец! В боях когда-нибудь участие принимал?

– Никак нет!

– Да командир! Именно такого хлопца нам и надо было! Обкатывать придется!

– А как это обкатывать, товарищ сержант? – растерянно спросил Матвеев.

– Ну, вот через час, мы выступаем в район Вышгорода. И потом с этого плацдарма мы будем развивать наступление на Киев. Наша легендарная. боевая «семерка», должна между

фрицев как змея вертеться! Всё ясно? – пояснил я.

– Так точно!

«Экипажи по машинам!» – прозвучала команда из КП.

– Ну, все погнались! В бою посмотрим, каков ты! – сказал я.

Вскоре все двадцать четыре экипажа, двинулись к Вышгороду.

Восемнадцатого октября, к вечеру мы прибыли в район Вышгорода, заняв плацдарм совместно с шестой Гвардейской мотострелковой бригадой. Противник в этом бою потерял до батальона вражеской пехоты, три самоходки, два танка и пять пушек. Этот плацдарм ставил немцев в неудобное положение, так как отсюда открывалась дорога на столицу Украины.

Простояв в обороне некоторое время, мы получили приказ прорываться к Киеву с севера, и третьего ноября, совместно с гвардейцами-мотострелками мы перешли в наступление. Навстречу нам шли армады тяжелых танков, и крупные силы противника. Тогда у меня разум был отключен полностью. Мне хотелось только одного – мстить! Всегда и всюду истреблять врага!

Разгромив передовые части вермахта, мы к исходу дня заняли окраины города Горянки и Пуща – Водица. Немец предпринял хитрый план. Он пропустил наши танки через себя, отрезав пехоту, парируя тем, чтобы захватить в кольцо основные силы нашей бригады. Я догадывался, что намечается окружение, но учитывая обстановку, и нащупав слабое

место участка окружения, мы стремительным броском вырвались из намечающегося котла. В тот день было отбито до двадцати контратак противника. Тогда командир бригады, подполковник Шутов, приказал нам организовать танковый десант и при поддержке соседних частей занять города Святошино и Пост-Волынский. Ни на минуту, не останавливаясь на этих рубежах, развивать наступление. Оттесняя противника по всем направлениям, к вечеру пятого ноября, мы ворвались в Киев.

–Смотри командир мы в Киеве! – прокричал Карасев.

–Вижу, дорогой вижу! Впереди батарея противника! Заряжающий, осколочно-фугасный! – скомандовал я.

–Есть осколочно-фугасный! – последовал ответ.

Выстрел за выстрелом, мы громили в тот день врага. Фраза «Это вам за Фиму!» не сходила с уст Столярчука всю киевскую операцию. После кровопролитных боёв, днём шестого ноября Киев был взят! Это была величайшая победа! Мы отвоёвывали день за днем наши территории, оставленные когда-то врагу.

Далее последовала Киевская оборонительная операция, которая длилась с тринадцатого ноября по двадцать третье декабря 1943 года. О ней я рассказывать не буду. Скажу только то, что поставленную задачу мы выполнили успешно. Моя «танковая семья» понесла первые потери. Парень, который прибыл ко мне в подразделение, притирался к нам с каждым днём. Моей обязанностью, было приручить к службе моло-

дого мехвода, указывая ему на ошибки и дальнейшие действия. Несмотря на его старательность и рвения к делу, заменить Горохова он не смог. Фима начинал, как и весь мой экипаж с первого дня войны, но к сожалению, не дожившего до этого момента. Где его похоронили я так и не знаю. Даже не кому из его родных написать. Он все время называл себя сиротой. За проведенную операцию нас наградили орденами Красной звезды. Я подавал кучу рапортов командованию, на счет того, чтобы ефрейтору Горохову присвоили звание Героя Советского союза. Но всё тщетно... моё представление приняли, но награду изменили на орден Ленина. Фима все равно оставался для нас, как и для всех миллионов граждан героем своей страны.

Глава третья

Эпизод 19: «Неожиданная встреча»

Стояла зима. Мороз двадцать пять градусов ниже нуля. Наша бригада дислоцировалась в районе Ксаверовка. Во второй половине декабря, мы получили распоряжение занять опорный пункт противника Винницкие Ставы. На следующий день при поддержке 27-й Армии, мы фланговым ударом обошли данный населенный пункт. Но в ходе контратаки немецких танковых частей, наше наступление остановилось на окраине деревни. После четырёхчасового боя, немцы подарили нам небольшую передышку. Было время попол-

нить боезапасы и перекусить.

–Ну, шо командир? Война войной, а обед по расписанию! Пока передышка может вскрыю пару мясных консервов? – спросил Яков, уже извлекая из коробки несколько банок тушенки.

–Давай пока откупоривай, а я разведу обстановку!

Столярчук принялся вскрывать н/з. Карасев тем временем, сняв рукавицы, и закуривая «Беломор», вылез по пояс из башни.

–Тишина-то какая, а командир? – осмотревшись, сказал он.

–Да и не говори! У немчуры вестимо тоже обед!

Яша высунул голову из люка мехвода, и с ложкой в руке начал созывать нас:

–Ну, и на шо вы там засмотрелись? Красивых баровень там нема! Все уже открыто, а вы там лясы точите!

– Да идем-идем, не бурчи! Не видишь, мы тут мозгуем обстановку! – выбросив папиросу, ответил старшина.

–Ай, ну и хрен с вами! Сейчас до мозгуетесь, фрицы попрут и всё, привет! Поели!

– Яша ни делайте мне последний нерв, его еще есть где испортить! – улыбаясь ответил я в его одесской манере.

Тот с набитым ртом вылез снова и с круглыми, как советский червонец, глазами произнес:

– Научили на свою голову! Айда уже есть! – улыбнулся Яков и тут же исчез в танке.

Мы закрыли все люки, и принялись к трапезе сухого пайка.

После того как мы «вылизали» свои банки, я достал планшетку с картой и ставил боевую задачу:

–Значиться так, товарищи! Сейчас вечер, мы попытаемся еще раз охватить с фланга эти Винницкие Ставы. Через полчаса начнётся наступление. Будем поддерживать пехоту огнём. После закрепляемся на этом участке (указывая пальцем в карту) и держим оборону до прихода основных сил. Всё понятно?

Карасев застегивая на подбородке шлем, ответил:

–Да проще пареной репы, командир!

– Ну, хорошо! Тогда вперед! Женья, заводи!

Матвеев запустил двигатель, как вдруг послышались кличи «Ура!»

–Вот и началось, лейтенант! – застёгивая шлемофон, пробормотал Столярчук, – понеслись легавые по Дерibasовской!

По моей команде мы ринулись с пехотой в бой. Всего шесть боевых машин, поддерживало наступление более тысячи человек. В триплексе я наблюдал заснеженные просторы, на горизонте которых, располагались вражеские пушки.

–Борис! Подкинь-ка бронебойный! – наводя на цель перекрестие, скомандовал я.

Есть бронебойный, товарищ лейтенант! – засовывая в казенник снаряд, отрапортовал заряжающий.

– Женя, полный газ!

Нажав на педаль спуска, я на полном ходу выстрелил по намеченной цели.

Взрыв. Вражеская пушка вместе с прислугой замолчала.

– Старшина давай ещ... Не успел я договорить, как в правый борт ударил снаряд.

– Эх елки зеленые гусеницу разбили, товарищ лейтенант!»

Танк закружился словно балерина, на белом «покрывале» декабрьской Украины.

– Так Матвеев и Столярчук! Дуйте чинить гусеницу, а мы вас прикроем! Только осторожно там!

– Ну шо хлопец сидишь, пошли! – толкнув в плечо Матвеева, сказал Яков.

– Ну там же стреляют, товарищ сержант? – испуганно ответил мехвод.

– А я знаю! Давай-давай, хватит задницу отращивать! – открыв люк и чуть ли, не выкидывая из танка Матвеева, приказал он.

– Борис, давай осколочный! Надо их достать! Они нас вон из-за той хаты стрельнули!

– Один секунд, лейтенант! – подавая снаряд, ответил заряжающий.

Выстрел за выстрелом оборонялись мы стоя в чистом поле. Пехота уже заняла деревню. Заменяв траки, мы снова продолжили движение в сторону Ставы.

Пока мы добирались наши бойцы пленили до батальона гитлеровцев. Прибыв в освобожденную деревню, мы наблюдали картину как было под Сталинградом. Огромные кучи сложенного оружия, и длинные, длинные вереницы немецких солдат, двигались к нам в тыл. Они были укутаны в шали, на теле по две шинели, а на ногах эрзац-валенки с дополнительными обмотками.

– Жалкие существа! – с презрением сказал Карасев, повиснув на открытом люке.

– И не говори! Чего спрашивается, они тут забыли? – подержал Яков.

– Каждому своё! – снимая шлем, сказал я.

Вдруг кто-то из пехотинцев закричал:

– Ха, гляньте-ка братва, тут и власовцы имеются!

– О! Борис Константинович, айда посмотрим! Ни разу не видел их! – дергая за бушлат заряжающего, спросил я.

– Ты чего предателей ни видел? Что на них смотреть-то?! – усмехнулся Карасев.

– Ну интересно им в глаза посмотреть, жалко тебе что-ли?

– Ну хрен с тобой, пойдём! – надевая рукавицы, ответил старшина Карасев.

Спрыгнув с брони, мы пошли к ребятам, которые вели монолог с предателями. Мол, что вы шкуры трусливые! Проститутки! За пайку и жалование переметнулись к врагу? Всех бы вас гнид перевешать!

Присоединившись к бойцам, мы стали поддерживать ре-

бят в ответ. После недолгих унижений врага, был отдан приказ сопровождать пленных в тыл, до Ксаверовки в особый отдел. По прибытию, комполка лично отсеивая в отдельные ряды власовцев, приказал конвоирам сопроводить их до погребца, для особой беседы с ними. Остальных же посадили в большой сарай.

Пока мой экипаж занимался мелким ремонтом нашего танка, я отлучился в штаб полка, для получения дальнейшего распоряжения. Проходя мимо идущей колонны предателей, вдруг я услышал оклик:

«Алёшка!»

Обернувшись, я недоумевал кто мог меня окликнуть. Как вдруг из этой пестрой толпы высунулся человек, крупного телосложения, с обмотанным грязным бинтом головой, снова произнес:

—Алёшка, это же я! Ты меня не узнаешь?

Вглядевшись в его лицо, я еле узнал в нем своего давнего друга и однокурсника Денисенко, который погиб при авианалёте под Оршей еще в 41-ом году.

Конвоир, угрожая автоматом, остановил его.

Сделав вид, что не узнал его, я проследовал дальше в штаб. Пребывая в штабе на совещании, я прокручивал в голове, словно кинолентку, тот момент, когда мы впервые прибыли на фронт. Как мы вдвоем с командиром выжили после жестокого авианалёта. У меня не укладывалось в голове, как мог выжить Демьян? Тогда же из нашего батальона никого

фактически не осталась. Я лично видел, правда из далека, трупы моих ребят, с кем учились вместе в институте. В мою голову пришло роковое для меня решение, навестить его ночью, да разузнать что и как. Спустя время, после получения приказа об отправке нашей бригады в резерв, нас распустили по экипажам. Выйдя из штаба, я остановился на крыльце и закурил «Беломор». Стоял холодный зимний вечер. Собравшись с мыслями, решил нанести визит своему давнему другу, взяв с собой две банки тушенки и ополовиненную уже Яковом фляжку со спиртом.

У отдельно стоящего погреба, нес службу часовой с винтовкой.

Подойдя к нему и протягивая банку тушенки, спросил:

– Друг, пропусти меня туда, нужно с одним человечком потолковать! Комполка дал задание! А это вот тебе баночку консервов, а то на морозе с голоду окоченеешь!

Красноармеец, поправляя ушанку, ответил:

– А это что, тоже комполка передал?

– Нет, это тебе лично от меня!

– Подкупить решил, что-ли?

– Вот мне прямо дело есть, подкупать тебя! Давай бери и пропускай меня, минут на двадцать!

– А какое дело у тебя к этим предателям?

– А вот это не твоё собачье дело, это распоряжение командира полка!

– Ладно, проходи! – взяв тушенку, разрешил он.

– Вот прицепился скарлатина! – пробормотал я и зашел в сарайчик.

Внутри я увидел жуткую картину. В ледяном погребе, где из освещения была только тусклая лампочка, находилось с десяток полуживых «людей» в немецкой форме, с нашивкой на левом локте «РОА» – (Русская Освободительная армия).

Прищуриваясь, я крикнул:

– Денисенко есть?

– Вон он лежит в углу! – указал сидящий рядом ко мне пленник.

Перешагивая через них, я подошел к нему. Подсев рядом и толкая его в спину, я сказал:

– Ну, здравствуй Демьян!

Тот, повернувшись ко мне лицом, отогнул ворот шинели, ответил:

– Здравствуй Алексей!

– Я к тебе. Поговорим?

– Ну давай поговорим... – опустив глаза в пол, ответил он.

Я молча вглядываюсь в его испорченное лицо в попытках рассмотреть в нем человека, когда-то друга и сокурсника.

– Не смотри на меня Алексей! Я ни баба, ни зардеюсь.

– А мне кажется, что ты и есть баба! – злобно ответил я, – ты же ведь погиб тогда!

– Так получилось Алёшка. Я стал предателем, но не по своей воле, понимаешь? Тогда после бомбёжки под Оршей, все разбежались кто куда, меня накрыло снарядом, и я поте-

рял сознание. Очнулся от того, что меня пхнул кто-то в бок. Я поднялся на колени и увидел немецкого солдата. Тот поставил мне к виску пистолет, и спросил, хочу ли я жить? А что я мог тогда ответить? Кивнул головой. Потом меня посадили в какой-то грузовик и привезли к немцам в штаб. Там немецкий офицер, угрожая мне расстрелом, переманивал на свою сторону. Жить мне хотелось, понимаешь? Жить! И поэтому я согласился.

– Эх, ты шкура! Что же ты после не убежал от них?

– Да какой там бежать... некуда. Предложили хороший паек, жалование. Я сначала в полициях был под Рокотовкой, потом к Власову примкнул.

– Ну и сука же ты, Демьян!

– А ты я смотрю вырос! Командиром стал! Весь такой правильный из себя! Посмотрел бы я на тебя, будь ты на моем месте.

– Я был несколько раз на твоём месте и поверь мне, человеческое лицо и честь свою я сохранил!

– Повезло тебе просто, лейтенант...

Помолчав не больше минуты, я достал фляжку и консервы.

– На-ка вот глотни напоследок! Ты вообще представляешь, что с тобой будет в ближайшее время?

– Представляю... расстрел...

– Это в лучшем случае! Тебя сначала будут допрашивать с «пристрастием»! Я уже ощутил на себе все эти «прелести»

допросов.

– А тебя-то за что? – махнув из фляжки спирту, сморщившись, спросил Демьян.

– Да было дело. Из окружения выбирался все лето 41-го. К осени вышел к своим, и тут понеслось.

– Понятно! – закусывая тушенкой Демьян продолжил, – смотрю, танкистом стал? А как же медицина?

– Медицина после войны! Сейчас вас бить надо! Вот до-бьём и все будет!

– Дай Бог, дай Бог! А мне уже не придется... – сказал он, и вдруг по его щекам покатились слёзы.

– Ладно, Демьян... прощай! – доставая из кобуры свой ТТ, я взвел затвор, вытащил обойму, и протягивая ему пистолет, продолжил, – вот всё, что могу для тебя сделать! Наказание тебе все равно не избежать, пусть хотя бы смерть будет не такой мучительной!

Демьян, смотря на пистолет, безнадежно ответил:

– Спасибо, товарищ младший лейтенант! Если выживешь, моим скажи... хотя, ничего не говори. Тут слов не подберешь все равно.

– Прощай, Демьян! Было бы лучше, если бы ты погиб тогда, чем сейчас немцам служишь. Враг есть враг! Прости, но я привык называть вещи своими именами! – бросив пистолет ему под ноги, сказал я, и удалился из сарайчика.

Демьян, держа в руке вскрытую банку консервов, глядел на меня и плакал. В ту секунду, меня захлестнула такая нена-

висть что я с психом вышел из погребца хлопнув дверью.

– Ну, что? Поговорили? – спросил довольный, насытившийся моей тушенкой часовой.

– Ни твое дело! – грубо ответил я, и проследовал к своему экипажу.

Было довольно темно. Я зашел в хату, где располагались мои ребята. На столе стояла керосинка, самовар и пару пустых банок из-под консервов, в одной из них тлела недокуренная сигарка. Рядом сидел Борис в белых кальсонах, и штопал дырки на своей гимнастерке. Яша с Евгением, синхронно храпели, лежа на печи. Облюбовав эту картину, я снял шинель, и подсел к Карасеву:

– Борь, скажи, почему так все происходит?

– Что именно? – спросил он, глядя на меня, продолжая подшивать свою форму.

– Да вот все это! Почему люди продаются за малейший кусок хлеба? Почему они вопреки присяге, переходят служить врагу? И почему я такой «добрый», дал шанс избежать наказания врагу? Хоть он и был мне другом когда-то!

– А кому ты дал шанс такой?

– Да встретил тут своего бывшего однокурсника. Учились вместе в институте медицинском, на фронт вместе уходили. Когда нас разбомбили, там в Белоруссии, от нашего пополнения остались только мы с командиром. Но как оказалось ни все! Этот «дружок» выжил, и сдался в плен. И с тех пор воюет против нас.

– Да Алексей, ситуация! И где он сейчас?

– Сидит в погребке, завтра начнутся допросы. Я ему свой пистолет оставил...

– Ты с ума сошел? Тебя же под суд могут отдать за содействие врагу! Ты головой подумал? – бросив гимнастерку, возразил Карасев.

– Тихо ты! Не кричи! Я знаю, что делаю. Он все-таки не чужой человек. Даже несмотря на то что, что он теперь враг, я не хочу, чтобы он подвергался суровым пыткам. Чисто по-человечески пойми.

– Какой же ты дурак! Надеюсь чекисты не узнают, кто подсунул ствол ему.

– Ладно, Борис! Пойду я покемарю малость. Мы завтра уходим в резерв. Поэтому будет время отдохнуть немного.

– Давай, ложись, благодетель херов! – подняв с пола свою форму, сказал Карасев.

Я вышел из-за стола и похлопав по плечу старшину, прилег на лавку у окна.

Эпизод 20: «Арест»

Утром следующего дня, к нам в хату постучался боец. Грохнувшись с лавки, я подлетел к двери.

– Младший лейтенант Петровский тут проживает? – спросил он.

– Петровский это я! В чем дело? – протирая глаза, ответил

я.

– Вас срочно вызывают в штаб полка, к полковнику Зубову. Мне велено вас сопроводить.

– К полковнику Зубову? Это еще кто такой? – недоуменно спросил я.

– Это наш новый начальник особого отдела полка! – ответил рядовой.

– Понял. Сейчас только оденусь! – сказал я и закрыл дверь. Подойдя к умывальнику, я догадывался, в чем дело. Умывшись, я привел себя в порядок, надел ватник, вышел из хаты и проследовал за красноармейцем.

Погода стояла чудесная. Пасмурная, безветренная, погода уходящего года, была изумительной. Прибыв в расположение, я увидел знакомое лицо. Офицер, с золотыми погонами в форме НКВД, с орденами на груди, поправляя свои круглые очки, осмотрел меня с ног до головы.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Гвардии младший лейтенант Петровский по вашему распоряжению прибыл! – отдав воинское приветствие, рапортовал я.

– Петровский? Мы с вами, по-моему, где-то встречались?

– Так точно, товарищ полковник! Встречались! – ответил я.

– Ну, вот и свела нас дорожка снова. Берите стул, присаживаетесь. Сейчас очень долгий разговор будет! – сказал протяжно Зубов, доставая пачку «Герцеговины» и бросил на стол.

Сняв свой потрепанный ватник, я бросил его на лавку и присел за стол. В кабинете кроме нас двоих никого не было. Зубов листая моё личное дело, начинал допрос:

– Я смотрю, вы прям чуть ли не герой! Доросли до командира! Звания, награды не по годам. А за что, спрашивается? Вы ведь еще не ответили за тот свой проступок!

– Я за тот свой проступок, гражданин полковник, под Москвой немца бил. И все эти звания и награды я заслужил в бою! И по какому праву вообще, вы меня вызвали, гражданин полковник?

– Да по такому! Мне доложили, что вы вчера в погреб наведывались к власовцам? К кому спрашивается? Ни к Денисенко ли?

– Ну, а если и к нему, то в чем дело?

– А дело в том, что он сегодня утром был найден мертвым! А рядом с его телом, мы обнаружили пистолет ТТ, без обоймы. Вот он (показывая его мне, завернутое в тряпку оружие). И меня распирает спросить, зачем ты, сукин сын дал ему возможность избежать наказания, а? Ты знаешь, что за пособничество врагу, я имею право... ну, впрочем, ты в курсе! – перешел он вдруг на «ты», и интонации его резко погрубели.

– Знакомые фразы летят, прямо как в старые добрые времена, гражданин Зубов! – усмехнулся я, закуривая его папиросы.

– Ничего, на твой век хватит! Так с какой целью, ты помог своему дружку? Пожалел? Ты отдавал себе вообще от-

чет, что за такое тебя под трибунал отдадут?

Громко выдыхая дым изо рта, я ответил:

– Я вам, гражданин Зубов одно скажу! Ты каким был, таким и остался! А тот власовец, и не друг мне вовсе, просто учились вместе. И дорожки наши разошлись!

Полковник, глядя на меня с призрением, улыбался:

– Все, лейтенант! Оборвалась твоя дорожка! Сейчас придет машина, и поедem мы в управление! Там будем беседовать по-другому с тобой!

– Я тебя не боюсь, полковник! Мы проходили эту «школу». Несмотря на свой возраст, я много раз ходил под смертью.

–Ну, вот и ладушки! – сказал Зубов, снимая трубку с телефонного аппарата:

–Машину к штабу, и конвоира!

Я докурил папиросу, расстегнул портупею, бросил ему на стол, сказал:

– Мне казалось, что мы больше не увидимся с тобой гражданин полковник? Когда тебя сменил Яковлев я подумал, что с тобой что-нибудь случилось! А то сидишь в тепле при штабе в тылу, пока мы там кровь проливали, ты ордена да медали себе вешал за шпионов. Я даже не удивлюсь, если ты из-за меня будешь сверлить очередную дырочку в кителе.

– Ты говори, говори! На срок ты уже наговорил! Давай снимай свои награды и клади рядом. Чувствую, они тебе больше не пригодятся! – продолжал ухмыляться Зубов.

– А вот награды не ты мне давал, не тебе и снимать их! Я за них кровь проливал, в отличие от некоторых! – сменив ухмылку на дерзость, сказал я.

– Ну, хорошо! Там снимут! О, а вот и машина подъехала! Очень кстати! Давай руки за спину и вперед навстречу с прекрасным! – доставая свой именной наган, пригрозил он мне.

– Есть гражданин полковник госбезопасности!

На улице мороз. Я вышел в одной гимнастерке, руки за спиной. До машины меня сопровождал конвоир с автоматом. Оглянувшись по сторонам, я мысленно попрощался со своим экипажем. Сев на заднее сиденье фронтальной «М-ки» меня увезли в Киев в управление НКВД. По заснеженной дороге мы мчались в город. Зубов сидел впереди и насвистывал себе под нос песню: «Эх, путь-дорожка, фронтальная!»

Перебивая его, я спросил:

– Сладко поете, гражданин полковник! Что меня ждет, если это конечно ни тайны следствия?

– А, это как вести себя будешь! Либо в лагерях сгниёшь, либо шлёпнем за милую душу! Выбора особо-то и нет!

– Ну, ясно! В принципе мне нравится такой расклад! Знали бы вы гражданин Зубов как сильно я вас ненавижу! – смотря пристально на него, сказал я.

– Что ж, бывает! Мне так многие говорят, потом очень жалеют! – посмеялся он.

– Сейчас это все цветочки, скоро ягодки пойдут! Там, я с тобой, улыбаться не буду! – добавил он.

– Да, я понял уже, гражданин полковник, чем дело пахнет! – ответил я.

К вечеру того же дня, меня привезли в Киевское управление НКВД.

– Давай, шевелись! – с дерзостью, сказал Зубов, открывая дверь служебной машины.

– Да иду, иду... – опустив глаза вниз, пробормотал я.

До управления меня сопровождал сержант НКВД, во главе с Зубовым.

Зайдя к нему в кабинет, я увидел, как в углу сидел старшина богатырского телосложения. Под ногами у него стояло ведро с водой, на столике, в белое полотенце было завернутое нечто странное. Меня посадили на стул напротив Зубова. Осматривая помещение, я увидел на стене портрет Феликса Дзержинского и его миниатюрный бюст на сейфе. Окна были заделаны плотной черной тканью. Из освещения была только настольная лампа, ярко бьющая лучами на обшарпанный, обитый зеленой материей стол. Зубов взял протокол допроса и начал вести следствие:

– Фамилия, Имя, Отчество!

–Петровский Алексей Александрович.

– Год рождения?

– 1921!

–Место рождения?

– Саратовская губерния, город Вольск!

– Место жительства?

– Саратов, Петропавловская 18.

– Национальность?

– Русский.

– Сколько классов образования?

– Десять классов.

– Партийность?

– Беспартийный.

– Семейное положение?

– Женат.

– Звание до момента ареста?

– Младший лейтенант...

– Место службы?

– Пятый танковый корпус, сорок пятый отдельный танковый батальон, вторая рота.

– На фронтах Отечественной войны, с какого времени?

– С июля 1941 –го.

– Ранения, контузии были?

– Были!

– Был ли награжден раньше? Если да, то какими регалиями?

– Ордена Красной звезды, Отечественной войны второй степени, боевого «Красного Знамени», и медалями «За Отвагу» и «Боевые заслуги».

– Так, ну с вашим анамнезом закончили! Вот теперь скажи

мне, с какой целью, ты командир Красной армии, пусть и бывший, дал возможность предателю и врагу народа, уйти от правосудия? – стуча карандашом по столу, спросил Зубов.

– Он хоть и враг, но по-своему, его было жалко. Не по своей же воле он сдался в плен!

– И что теперь? Будем каждого жалеть? Товарищ Сталин что сказал? У нас нет военнопленных, у нас есть враги народа! А так как, ты помог избежать ему наказания, ты являешься пособником власовцев и предателем Родины!

– Хорошо вам рассуждать сидя в кресле! А тогда, когда мы только после института отправились на фронт, нас под Оршей авиация проутюжила! И все мои ребята, с кем я учился остались там лежать! Ты тогда небось в тепле сидел, шпионов ловил? А мы из одного окружения в другое! По лесам бродили, в болотах тонули, жижу эту хлебали. Да я тогда впервые на своей шкуре ощутил, что такое война! Демьян, он в плен попал уже в бессознательном состоянии! Конечно, это его не оправдывает! Но пойми полковник, чтобы ты сделал на его месте?

– Я бы в такой ситуации не оказался! – пристально глядя на меня, ответил Зубов.

– Да ну брось... – усмехнулся я.

– Терять своих друзей и близких это более чем тяжело... – продолжил я.

Полковник, швырнув карандаш о стол, дернулся с места: – Да знаю, каково это! Ты думаешь пока все на фронте, я

тут в бумажных делах закопался? Нееет дружок, ошибаешься! И ордена мне вешали, не за шпионов, как ты говоришь! Я вместе со всеми в атаки ходил, и так же в окружении был! И ножи в меня тыкали и стреляли, я в тылу не отсиживался! Это сейчас уже после тяжелого ранения, меня партия направила эту работу в штаб вашей бригады. Мне нет особой радости с такими отребьями как ты, тут разговоры вести! На фронте мне гораздо приятнее!

– Простите, гражданин полковник... Я просто подумал, что вы все под одну гребенку в своем НКВД. А оказывается, тоже кровь проливал...

– Молчать! – ударив кулаком по столу, воскликнул он, – Как ты смеешь судить о работе нашего управления? Ты щенок, даже представить себе не можешь, что тебя ждет!

После не продолжительной паузы, он добавил:

– Вот тебе карандаш, вот бумага, давай пиши признание! Грамотно напишешь, может отделаешься сроком в четвертак! А будешь кобениться, к стенке пойдешь!

Взяв в руку карандаш, я начал писать все так, как было на самом деле. Зубов бродил из угла в угол, выкуривая папиросу и похрустывая костяшками пальцев. Спустя час, я закончил свое чистосердечное признание.

– Вот гражданин полковник, готово! – протягивая ему два листа исписанной мною бумаги.

Внимательно прочитав признание, он посмотрел на меня, и аккуратно складывая бумагу, начал рвать на мелкие части.

– Ты, кажется, меня не понял, сволочь! Правду я сказал писать! Быстро взял бумагу и переписал! Иначе, в наказание тебе и твоя семья пострадает!

– Семью не тронь мразь! – резко встав из-за стола, закричал я.

– У тебя там вроде как супруга имеется? Мы и до нее доберемся! Будет гнить в лагерях, за мужа предателя! А там с ней зеки знаешь, что сделают? – воскликнул он в ответ.

В тот момент мною начала управлять какая-то ни ведомая сила. Подняв со стола карандаш, я что есть мочи пригвоздил его кисть к столу, а затем ударил кулаком по лицу наотмашь. Полковник завизжал от боли как свинья. Вдруг подскочил и старшина с кулаками. Выхватив из-под себя табурет, я со всей одури ударил старшину. Табурет разлетелся в разные стороны. Тот, лишаясь рассудка, упал на пол. Зубов вытащил карандаш из руки, начал хвататься на наган:

– Да я тебя паскуда, за оказание сопротивления органам, пристрелю!

Я набросился на него и выбил наган из рук. После чего начал жестоко избивать. Откуда только у меня, двадцати летнего мальчишки столько силы, чтобы сладить с сорокалетним мужиком. Жена – это моя больная тема, я за нее кого угодно порву, а тут, когда над ней нависает угроза, я был готов пойти на любое преступление.

Когда за дверью охрана услышала стоны и крики, они ворвались внутрь, и наблюдая картину избиения мною сотруд-

ников, немедленно ринулись ко мне. Не успев поднять с пола Зубовский наган, чтобы пригрозить им остановиться, я получил удар прикладом автомата по голове и потеряв сознание, упал на пол рядом с полковником.

Очнулся я уже в камере, спустя двое суток (как сказал мне арестант, сидевший рядом со мной). На мне были одни кальсоны, забрызганные кровью. Всё лицо было опухшим и синим, тело невероятно болело было трудно дышать, сломали ребра. Пальцы были почерневшие, видимо от ударов прикладом. Да и доброй половины зубов своих не досчитался.

– Да браток, за что это они тебя так? – спросил склонившийся надо мной пожилой мужчина, с синяками на лице, и запекшийся кровью на губах.

– За дело отец, за дело...

– А вы кто такой будете? – прищурившись, спросил я.

– Бывший полковник Красной армии Иванцов Павел Семенович. Точней то, что от него осталось... – ответил он, прикладывая мне ко лбу влажную тряпку.

– Виноват, товарищ полковник! Как вы тут оказались? И за что?

– Да, за дело. Спяну, самовольно оставил свою часть, когда обозначилась угроза окружения под Каневым. Застрелил своего подчиненного в горячности. И вот с тех пор я здесь. Жду решения трибунала.

– Ясно... – безразлично ответил я

– А ты за что?

– А долгая история, товарищ полковник... – ответил я, корчась от боли.

– Ладно, отдыхай! У нас еще будет время поговорить по душам. – сказал Иванцов и прилёг на нары.

Летели месяцы. Следствие продвигалось вперед. Допросы продолжались практически каждый день, а иногда и по два раза на дню. Сосед по камере, генерал Иванцов всё время ухаживал за мной, после каждого допроса. Сил уже не хватало этого терпеть, и я решил покончить с собой. Рано утром, пока все спали я снял с себя гимнастерку, разорвал её и сделал удавку. Накинув себе на шею, второй конец привязал на верхний ярус нар.

Со слезами я прошептал про себя:

–Простите меня семья ради Бога, я так больше не могу! И закрыв глаза, я медленно спустился на пол. Петля стягивала моё горло. Дышать становилось все сложнее. Легкая судорога распространялась по всему телу. От нехватки воздуха я начал терять рассудок. Вдруг мои шорохи услышал Павел Семенович и как ошпаренный подорвался с койки уложив меня на нары. Он бил меня по щекам, чтобы привести в чувства, но увы. Тогда он начал звать на помощь. На крики подбежали конвоиры и взяв моё тело в полубессознательном состоянии, оттащили в медпункт изолятора. Очнувшись уже в лазарете, надо мной склонилась физиономия Зубова.

– Ну и чего ты? Легкой смерти искал? – сказал он.

– Да лучше сдохнуть, чем тебя видеть каждый день, как

ты кулаки об меня чешешь! – прошепелявил я в ответ.

– Ну-ну, поправляйся! – сказал он, и тут же удалился из лазарета.

Пролежал я не долго. Уже на следующие сутки меня отправили обратно в камеру. Допросы вскоре прекратились. Питание было скудным и за это время я очень сильно потерял в весе. В один из вечеров, мы с Иванцовым завели разговор:

– Павел Семенович, как продвигается ваше дело? – спросил я, сидя на верхнем ярусе нар, и смотря в окно.

– Да ни как Алексей. Меня уже давно никуда не водят. Ни допрашивают, даже ни бьют. Скорее всего, со мной уже давно определились... – скорбно вздохнул он.

– Вы знаете, я только сейчас, наверное, начинаю понимать всю ценность жизни. Столько всего я пережил за это время, а вроде еще и не пожил. Скоро приведут приговор в исполнение и все закончится.

Полковник подошел ко мне, уперся руками о нары и тихо произнес:

– Я хочу дать тебе один совет! Как бы тебе трудно не было, всегда оставайся человеком! Даже под дулом пистолета, даже под угрозой смерти, ни теряй человеческого лица! Смерть она конечно штука такая. И если уж так случилось, то смотри «костлявой» в глаза с гордостью. Тело ты можешь не уберечь, а вот честь и душу сохранишь. Пусть ты прожил и малейшую часть времени, ведь для вселенной двадцать лет ма-

ло, ты гордись тем, что ты защищал свою Родину и своих родных. Пусть они все видят, что тебе ни сколько ни страшно.

– Спасибо вам, Павел Семенович! Вы спасли мне жизнь, вытащив из петли, но видимо за зря. Я думаю, что мы с вами еще увидимся! Ни на этом свете, так на том! – замолчал я на мгновение, после чего улыбнулся и продолжил: – Товарищ полковник, а давайте хотя бы в последние минуты нашей жизни, мы помечтаем о светлом будущем.

Иванцов по-отечески приобнял меня за плечи и улыбнувшись, ответил:

– Эх дорогой ты мой, Алексей! Ты еще слишком молод, чтобы умирать. Давай помечтаем, конечно! Вот чего бы ты сейчас хотел?

– Я бы хотел познакомить вас со своей женой! Чтобы мы все вместе, после войны встретились и поужинали в каком-нибудь дорогом ресторане. Отметим нашу победу! Заказали бы борща с пампушками, картошечки деревенской с селедочкой, и затравили бы все это по двести, а можно даже по триста грамм столичной водочки. Как вы считаете? – улыбнулся я, глядя ему прямо в глаза, в которых я увидел каплю некоего счастья, от услышанных слов.

– Как скажешь! Можно и по триста грамм! – ответил он, улыбаясь уголком рта.

– По дому сильно тоскуешь?

– Вы даже представить себе не можете как! Жизнь готов

дьяволу продать, лишь бы на жену взглянуть. А вы?

– А у меня только сын один остался. С женой в разводе еще с начала войны.

– А сын у вас где сейчас?

– Воюет, где-то воюет! Весточки от него с осени 42-го не было.

– Живой товарищ полковник! Он еще напишет, вот увидите!

– Ну дай бог, если так! – опустив голову он глубоко задумался.

– Павел Семенович, а вы верующий? – вдруг спросил я.

– Верующий, а что такое? – его будто бы взбодрил этот вопрос.

– Научите меня веровать пожалуйста? Я за всех нас молиться буду!

Иванцов улыбнулся и сказал:

– Действительно Алексей, в этих стенах да в нашем положении только молиться и надо! А вообще это дело правильное. Душа должна разговаривать с богом, не только когда тебе плохо, но и когда тебе хорошо. Ты должен благодарить его за каждый прожитый день, ибо он помогает тебе выжить!

Я спрыгнул с верхнего яруса и взяв его за руку спросил:

– Так научите?

– Научу! Я научу тебя одной молитве, она помогала мне во всех случаях жизни! Становись к окошку! – сказал он, и показал мне для начала, как правильно креститься.

– Вот хорошо! А теперь закрой глаза, отвлекись от всех мыслей, и крестись после каждого сказанного тобой слова. Повторяй за мной: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; Хлеб наш насущный дай нам на сей день; И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь!

– Красивые слова Павел Семенович! Я обязательно их выучу! – сказал я, после проведенного молебна, – даже на душе как-то легче стало!

– Вот и хорошо! Я с этой молитвой в первую мировую, в атаки поднимался, – присев на свою койку, ответил он, – ладно сынок, давай-ка спать! Поздно уже!

Таким образом мы делили наше общее горе. Прошло еще пару недель. Про нас окончательно забыли. Уже и прекратились допросы, и еду начали давать более-менее нормальную.

Утро следующего дня началось как обычно. За окном уже сошел снег. Наступала весна. Ничто не предвещало беды, как вдруг к нам в камеру зашли двое.

– Подследственный Иванцов, на выход! – сказал один из них.

Полковник, поправив свой изодранный и испачканный запекшейся кровью китель, пригладил остатки седых волос на голове и заведя руки за спину, проследовал к двери. Вдруг он остановился в дверном проёме и повернувшись ко мне

лицом, произнёс:

– Прощай, сынок! Береги себя!

Мы проводили друг друга взглядом. Они ушли и закрыли дверь, оставив меня одного в камере. Я понимал, что скоро они придут и за мной. Через десять минут после того как генерал покинул камеру, в проходной прозвучал глухой выстрел. Через какое-то время послышались шаги в мою сторону.

Выполняя наказ Павла Семеновича, я застегнул пуговицы на гимнастерке, оправился и принял стойку смирно. Ко мне в камеру зашли те же двое:

– Подследственный Петровский, на выход!

Улыбаясь им в лицо, я завел руки за спину, и не показывая страха, начал насвистывать всеми знакомую мелодию:

«От чего ты спросишь я всегда в печали,

Слезы подступая, льются через край...»

Меня вели по мрачному коридору. Далее завели за угол, где не было ни входа, ни выхода, только одна белая стена, обagrённая кровью казнённых предателей. Меня поставили лицом к стене, на которой были свежие брызги крови, видимо от только что казнённого полковника Иванцова. Сзади послышался щелчок открывающейся кобуры и затем последовал голос Зубова:

– Ну, вот и всё! Есть что сказать? Может, какие пожелания будут, ты говори не стесняйся?

– До встречи на том свете, гражданин Зубов! – ответил я,

после чего зажмурившись, начал шепотом читать молитву.

– Хм, не густо! Ну да ладно! Заряжай! – приказал он конвоирам.

От страха я стал выкрикивать молитву во весь голос, теряя свой рассудок от происходящего.

– Огонь! – воскликнул Zubov.

Три одновременных выстрела произвели конвоиры над моей головой. Я упал на колени и держась за голову, прокричал:

– Суки вы паршивые! Как же мне все это надоело!

– Закрой рот! Расстрел для тебя – это слишком легкая смерть! – произнёс вдруг Zubov, убирая оружие в кобуру, после чего подошел ко мне и продолжил:

– Ты разжалован в рядовые, с лишением всех наград, без права переписки! Сейчас за тобой приедет машина, и поедешь на передовую. Глядишь там и пользу родине проне-сешь!

Эпизод 21: «Штрафбат»

Наступила фронтовая весна. В начале апреля, мы в составе пяти человек прибыли в населенный пункт Шепетовка в недавно сформированный пятнадцатый отдельный штрафной батальон, где нас встретил комбат Ададимов. Знаков различий у него не было, так как штрафникам не было положено их носить. После знакомства с командиром, мы с

пятью бойцами получили винтовки, каски, патронташ, котелки и фляжку. Наш «батальон смерти» (как окрестят его позже) находился на линии соприкосновения с противником, поэтому бои местного значения были тут делом обыденным. В райцентре находился штаб, где все время находился наш комбат. Зайдя в это полуразваленное здание, я впервые увидел штрафников. Батальон пестрил и уголовниками, и просто осужденными людьми за различные отягчающие проступки. Последних, блатные называли «фраерами»— *(человек, не имеющий никакого отношения к блатному миру, чужой в уголовной среде)*. Уголовники сидели на полу и играли в «двадцать одно» против так называемых фраеров на ящике из-под снарядов.

– Мужики, а где найти комбата? – спросил я, подойдя к плотно сидящей массе уголовников.

Сидящий без гимнастерки с голым торсом мужик, с наколками будто иконостас, повернувшись ко мне лицом, ответил:

– Новенький что-ли?

– Ну да! Только что прибыл!

Рядом сидящий, худощавый парниша, с исколотыми в татуировках пальцами, играя немецким штыком вдруг влез в диалог:

– М-да братва, розы гибнут на морозе юность гибнет в лагерях! Такой моложавый и в наших краях! Тебя как звать-то?

– Алексеем!

– Лёха, назначаю тебя чушком! Я только что свои штиблеты запачкал, наведи комильфо на них! – сказал он, и швырнул мне в грудь свои ботинки.

Взяв в руки его ботинки, я тут же бросил их обратно в него и в грубой форме ответил:

– Я не нанимался тебе твои педали чистить! Найди себе другого чушка! Я спросил где комбат обитает!

– Ты че сука, совсем страх потерял? Ты знаешь кто я такой в натуре? – подорвавшись с места, вдруг забыковал он.

– Ша, Козырь, уймись! – остановил вдруг его тот самый мужик в наколках. Он приподнялся с корточек, и подойдя ко мне пристально разглядывал мое лицо, пожевывая папиросу.

– Фраерок, а мы с тобой раньше ни где ни пересекались?

Присмотревшись в его лицо, я узнал в нем своего старого, давнего друга, бывшего парня моей Ксении.

– А, точно! Если я не ошибаюсь, Иван кажется! Князь!

– Узнал! Смотрю, живой до сих пор!

– А ты что думал, что после нашей последней встречи я сдохну? – ответил я, презрительно поглядывая на него.

– Хотелось верить! Бабу моя пригрел наверняка, да?

– Я попрошу тебя о моей жене так не выражаться! Зачем ей нужен был такой как ты? Понтов куча, а толку ноль! – улыбнувшись уголком рта, ответил я.

– Ладно ты не быкуй тут! А то быстро на пику посадим! – ответил Иван, достав из рукава финку.

Вдруг наш диалог прервал комбат, который откуда не возьмись появился и тут же вызвал меня к себе.

– Еще увидимся, паря! – толкнув меня в плечо, сказал Иван.

– Увидимся, увидимся! – ответил я, и плюнув ему под ноги, удалился в штаб к комбату.

– Здравия желаю, товарищ комбат, рядовой Петровский прибыл! – несколько шепелявя, представился я.

За столом сидел здоровый, с уродливым шрамом на лице мужчина и одновременно протирая замасленной тряпкой свой наган, он спросил:

– За что к нам сослали?

Так как у меня отсутствовали передние зубы, моя речь со стороны выглядела отчасти забавной. После заданного мне вопроса, я ответил:

– Помог власовцу избежать наказания!

– Это как?

– Дал ему возможность застрелиться, а чекисту это не понравилось.

– Ха, ну и речь у тебя сынок, где зубы то потерял?

– На допросах, товарищ комбат!

– Лет тебе сколько?

– Двадцать два!

– Где служил?

– Пятый танковый корпус, сорок пятый отдельный танковый батальон, командир танка, бывший гвардии младший

лейтенант Петровский.

– Ну, понятно. Значит так, командир я строгий, нрав у меня крутой! Чуть что, рука не дрогнет! Я ни первый год работаю со штрафными. Тут у нас всякого дерьма с лихвой. Ты парниша интеллигентный, тебе сложно будет с коллективом. Держись тех, кто за мелкие проступки попал. К блатным не прибивайся. У нас знаешь, как правила действуют здесь! Что бы тебе отсюда освободиться, ты должен кровью искупить свою вину. За любое ранение, светит освобождение. Самострелов не учиняй! Таких тут тоже хватает. В момент атаки в первую воронку прыгнут, и давай себе пальцы отстреливать. Потом в госпитале из них свои же пули достают. Это карается на месте! Учти! Так для начала, вроде все. По всем вопросам ко мне лично. Свободен!

– Понял, товарищ комбат! – ответил я, развернувшись, проследовал к выходу.

Я вернулся к бойцам, которые играли в карты, и сел в одну кучку с «фраерами». За мною пристально наблюдал Князь, и на его лице я прочёл, явно ни хорошие намерения. Он сидел на корточках, крутя в руке финку, ни на миллиметр, не сводя с меня глаз. Я несколько раз посмотрел на него, после чего не выдержал и спросил:

– Друг, ты на мне дыру прожжешь?

Тот встал, подошел ко мне и присел рядом:

– Ты ни борзей тут фраерина, а то на этот раз удар будет смертельным!

– Ты тоже оглядывайся по сторонам! Скоро в бой! Так что подумай, где я буду в тот момент!

– Сука! – сказал он и плюнув сквозь зубы, ушел обратно.

Таким образом, мы были как кошка с собакой, не простив друг другу былые обиды, пока один случай не свел эти трения на нет.

В середине апреля текущего года, Ададимов поставил нам задачу, овладеть не большой деревушкой, где засели передовые части вермахта. Комбат отобрал для этой операции десяток человек, ровно половину уголовников и «фраеров». Тогда же я узнал, что Князь являлся паханом этого сброда, и тогда же меня осенила мысль, почему он ко мне с таким трепетом относиться, не подпуская своих головорезов, что бы те меня пришили.

Видно выжидает удобного момента, чтобы самому покончить со мной. И так нас выстроили на переднем крае окопа и послали, без всякого «Ура!» и прочего шума на зачистку. Иван бежал рядом со мной, а я боялся завести его к себе за спину. Этот страх прервался мгновенно после того как у нас под ногами стали рваться мины, которыми были усеяно все поле.

Бойцы нашего батальона в панике разлетелись кто куда. Мы продолжали бежать вперед, как вдруг громких хлопок прогремел сзади нас. Князь тут же взвизгнул и свалился навзничь перед немецкими позициями. Ему перебило правое предплечье, и чиркнуло осколком по стопе, пробив са-

пог.

Немцы вдруг открыли шквальный огонь из своих автоматов и пулеметов. Я резко свалился вперед, и перекатился в свежую от разрыва воронку. На поле боя стояли адские окрики. Каждый умолял о помощи. Пулемет бил точно рядом со мной, не давая возможности вылезти и вытащить раненых. Не много погодя, с фланга поднялась еще одна группа штрафников, уже во главе с Ададимовым. Немцы тут же переключились на них.

Воспользовавшись этим моментом, я перебежками, перекатами достиг места где лежал и истекал кровью Иван. Схватив его за поясной ремень, я оттащил его в воронку. Скинул с себя свой ремень и пережал ему артерию. От боли он потерял сознание. До наших окопов было метров двести. Весь этот сложный маршрут, под пулями и бомбежками я тащил его на себе, в конечном итоге передав его в местный санбат, где ему оказали помощь. За его деяния такой кровью он конечно же не искупил, и после выздоровления был повторно направлен в родной «батальон смерти». Это и поменяло его отношение ко мне.

В дальнейшем я заслужил уважение у «уголовного мира» так как в прошлом был медиком. В нашем батальоне я лечил практически всех, даже комбата. Доставал ему осколок, застрявший во лбу. Железный мужик. В предстоящих боях, «блатные» не пускали меня вперед в атаку, а держали до нужного момента. Таким образом, я и выживал в этих усло-

виях, находясь рядом с Князем. Спустя время, в мае месяце нам предстояло крупное наступление на ряд населенных пунктов, взятие которых обеспечивало дальнейшее продвижение к границам СССР. И вот в первых числах мая комбат выстроил нас на позициях перед атакой:

–Граждане уголовники, хулиганы, политические и прочий сброд! Сегодня нам предстоит особая задача, занять высоту и удержать ее до подхода регулярных частей! К позициям подойдем тихо, даже возможно застанем врасплох. Там есть один бетонный ДОТ, он нам не даст житья. Поэтому идем максимально тихо. Саперы доложили, что мин на этом участке нет! Как только немцы засекут нас и откроют огонь, с наших позиций будет произведен артналет. Это нам небольшая поддержка будет. Всё! Всем занять позиции и ждать приказа!

Выслушав приказ, мы разошлись по окопам. За время перед наступлением, каждый занимался своим делом. Я курил махорку, Иван оттачивал свою малую лопатку, остальные перекидывались в карты, остальные, обняв свои винтовки думали о чем-то мирском.

– Лёха, ты на рожон ни лезь! Иди позади меня и все путем будет! – ни с того ни сего сказал мне Иван.

– Князь, все хотел спросить, почему ты пытаешься все время меня оберегать? – так же неожиданно спросил я.

– Да потому что ты нормальным пацаном оказался! Жизнь мне спас! А я это высоко ценю! – ответил Иван, улыбнувшись во весь свой рот.

– Никогда тебя таким не видел Князь, за всё это время!

– В общем ты меня понял! Вперед ни лезешь! – ответил он, и вдруг улыбка его резко сменилась суровый лицом.

Вдруг по цепочке пробежала команду «к бою!»

Мы надели каски и взвели стальные затворы на винтовках. Первым вылез из окопа Ададимов. Далее за ним последовали и мы. Меня охватывало какое-то странное предчувствие. Пройдя значительное расстояние, впереди показался тот самый ДОТ, который располагался на небольшой возвышенности, именуемой «Высотой 112,0».

Полдень. Немцы со своей педантичностью, принялись обедать. Это было нам на руку. Все было более чем хорошо. И когда до вражеских окопов оставалось всего сто метров, вдруг по нам открыли минометный огонь. Взрывной волной, отбрасывало тела наших бойцов в сторону вражеских позиций. Иван толкнул меня в воронку, от недавно разорвавшейся мины.

– Сиди, не высовывайся! – накрывая меня своим телом, сказал он.

Я слушался его во всем, потому что он умел выживать в различных условиях, учитывая его широкую жизненную биографию. Оказалось, что после того как он пырнул меня ножом, ему дали срок, который он еще не отбыл. На этапе его эшелон разбомбили немцы. Они с группой других заклю-

ченных бежали в леса. Воевали вместе с партизанами. Снова арест, за кражу продовольствия. Тюрьма и призыв на фронт в качестве штрафника. За это время получил невероятный авторитет среди уголовников. Жизнь конечно его круто вернула, но он никогда ни сдаётся. Этому принципу он учил меня постоянно, после нашего воссоединения.

Так вот вернемся к бою. Половина нашего батальона полегла под минами. Комбат, укрывшись в соседнем рве, из ракетницы подал сигнал нашей артиллерии.

Иван приказал сидеть мне на месте, а сам вылез навстречу к Ададимову. Вдруг оживает еще одна пулеметная точка немцев. Трата-та-та, трата-тата. Его скашивает пулемет. Сделав еще несколько шагов в сторону Ададимова, он замертво падает лицом в грязь. Руки его разведены в стороны, ноги сомкнуты вместе. Из слегка дымящихся раневых отверстий спины и затылка, медленно вытекает темная кровь, мгновенно пропитывая гимнастерку. Только я собрался ринуться к нему на помощь, как наша артиллерия начала обстреливать позиции противника.

Немцы, услышав канонаду с противоположной стороны, спешно покинули свои окопы, на вторую линию обороны, которая находилась за ДОТом. Наши снаряды ложились точно в цель. Я решил не ждать момента и рискуя жизнью, вопреки просьбе Ивана, под огнем артиллерии пробраться в первую линию обороны.

Перепрыгнув через бруствер, я тут же залёг в нём. Так как

я был не особо большого роста, заметить меня было трудно. Там в окопе, я наткнулся на ящик с динамитом, гранатами и оружием. Выбросив свою винтовку, я взял трофейный автомат, гранаты, и укрылся в окопе пока огонь не прекратиться.

Минут через десять, с нашей стороны установилось затишье. Тут же я услышал немецкую речь и занял оборону, за бетонным сооружением, высотой до метра. Когда наш батальон снова поднялся в атаку, из этого сооружения открылся огонь из трёх пулеметов MG-42, и безжалостно косил наших бойцов. Люди таяли на глазах словно снег, зрелище конечно кошмарное.

Германский пулемет MG-42, он же пила Гитлера, при падании в тело человека, буквально вырывал конечности. Именно поэтому на поле боя были четвертованные куски мяса, мало походивших на людей.

Скрутив в связку по три гранаты, я что есть силы швырнул в амбразуру ДОТа. И только я успел спрыгнуть с него, как через несколько секунд раздался мощнейший взрыв. По всей видимости там находился склад боеприпасов. Немцы не ожидали такого «представления» у себя в тылу. После подрыва, в ушах стоял страшный звон. Опираясь о бруствер окопа, я встал в полный рост и расстреливая весь свой награбленный боезапас, уничтожал одного немца за другим. Немцы перенесли огонь в мою сторону. Тут же меня настигла автоматная очередь. Я выронил автомат из рук и схватившись за грудь, истекая кровью, навзничь упал в окоп.

Штрафники ворвались во вражеские позиции. Стрельба перешла в рукопашную схватку. Из четырех сотен бойцов, которые были изначально, до «высоты» дошли только сто двадцать. Вскоре позиции были взяты. Своей хитростью и случайным везением, я способствовал прорыву нашего батальона на одном из участков наступления. Мы заняли этот рубеж, и только после этого к нам на встречу ринулись войска сороковой армии.

Что было дальше я уже смутно помню, две пули навывлет прошили мне грудь и руку. Очнулся уже в госпитале. И судя по всему, был уже прооперирован.

Спустя неделю, ко мне в палату пришли с обходом бригадный врач, профессор Гурьянов, несколько ассистентов и офицер в форме НКВД.

Гурьянов осматривая мои ранения, доложил офицеру:

– Ну, что ж товарищ майор, у этого пациента было тяжелое ранение. Ему удалили часть легкого, и перелили кровь. На данный момент, его здоровью ничего не угрожает. Единственное, восстановление будет долгим, я бы порекомендовал какой-нибудь санаторий.

Майор усмехнулся:

– Я думаю, товарищ профессор, что санаторий мы пока опустим. Возвращение в родной полк, это для него сейчас превыше всего. Они все равно до сих пор в резерве сидят. Вот там и наберется сил.

Я не мог поверить своим ушам. От переизбытка счастья я

ничего не мог сказать им в ответ.

После майор достал из своего планшетника документ, в котором значилось:

– Рядовой штрафного батальона Петровский! За образцовое выполнение поставленной задачи, и разгромом частей вермахта в данном районе, приказом командования армии за №0-319 от 12 мая 1944 года, вы восстановлены в звании с возвратом всех наград. По предписанию, вы возвращаетесь в полк, где проходили службу ранее, в той же должности.

Растерявшись, я смог прошепелявить только одно:

– Спасибо товарищ майор, но где же мой следователь, полковник Зубов?

– Не беспокойся за него, он ушел на повышение. Я майор госбезопасности Кулагин, новый начальник управления! – после представления он добавил, – Да, а где твои зубы?

Улыбаясь в полрта, я ответил:

– Потерял, товарищ майор!

Находившиеся рядом со мной люди, засмеялись вместе со мной в голос.

Кулагин, утирая слезы от смеха, обратился к Гурьянову:

– Товарищ профессор, его таким в полк отпускать негоже! Какой же он командир без зубов? Давайте делать, что ни будь. Иначе там все со смеху попадают!

– С зубами что-нибудь решим, товарищ майор! – смеясь, ответил Гурьянов.

Вот такая история приключилась со мной за это время.

Можно сказать, что тут подействовал принцип «сам погибай, а товарища выручай!» Товарища, конечно, я спас от тех жестких пыток, которые испытал на себе. Честно говоря, я долго корил себя за такой поступок, задавая себе вопрос: «А надо ли оно мне было? Прыгать в огонь за каштанами, ради кого?!» В итоге, даже вопреки смерти, я все-таки остался жив.

Тут во многом я благодарен полковнику Иванцову, и моему теперь другу Ивану по кличке Князь, которые научили меня выживать и побеждать. К большому сожалению, в живых их никого не осталось. Так же выяснилось, что Зубова приняли на работу в аппарат самого Берии, который лично произвел его в генерал-майоры. По дороге из Киева до Москвы, он попал в засаду украинских националистов, будучи раненым, не прекращал ведение огня уничтожив всю группу бойцов ОУН. Конечно, человек он мерзкий, но высот таких достиг.

Я был несказанно рад только тому, что меня вернули в родную бригаду, в родной экипаж, который находился в резерве. Я мечтал о том, как буду снова и снова громить врага с близкими мне людьми. Находясь в госпитале в Киеве, мне вставили все утраченные зубы. Из-за тяжелого ранения, я пробыл на больничной койке до августа 1944 года. Впереди меня ждали новые испытания.

Эпизод 22: «Мой экипаж – мой дом родной!»

На дворе август. Я в больничной пижаме, слегка подкашливая после ранения, не спеша ковылял по коридору к начальнику госпиталя, где меня ожидала врачебная комиссия. Постучавшись в дверь, я зашел в кабинет генерал майора медицинской службы, профессора Гурьянова.

Его апартаменты более походили на какой-то музей, нежели на кабинет начальника госпиталя. У него на каждом углу стояли бюсты средних размеров каких-то философов и целителей тех давних времен. На его квадратном ломберном столе, стояла ваза с цветами, на фоне которых, красовалась статуэтка великого Гиппократы, заваленная бесконечной кучей медицинских карт. В центре располагался сам профессор, занимавший чуть ли не половину этого стола.

Гурьянов, на вид лет пятидесяти, не особо походил на генерала. Лицо его было обьято небольшой щетиной. На переносице строго держались пенсне, и с далека он чем-то похож на Льва Троцкого. На голове, накрахмаленная шапочка, стоящая словно труба. Сам он был полон в теле, и эта полнота была спрятана под белый халат из-под которого просвечивался зеленый мундир с поблескивающими от солнца орденами.

Рядом, по правую руку от генерала, сидел майор госбезопасности Кулагин, мой освободитель и в дальнейшем самый близкий человек. Он постоянно крутил в руке папиросу, хотя сам не курящий. Слева сидела помощница Гурьянова –

подполковник Фисенко. Эта женщина довольно с тяжелым характером и крутым нравом, больше походила на мужика. Волосы её были коротко сострижены. Белый халат, немного пожелтевший после многочисленных стирок, не застёгивался на её огромном бюсте. Она достала моё личное дело и медицинскую карту, передав их Гурьянову и Кулагину. Те, листая мои бумаги, параллельно рассматривали и меня.

– Как вы себя чувствуете, голубчик? – сняв пенсне, поинтересовался генерал.

– Благодаря вам, товарищ генерал майор, намного лучше! – улыбаясь, ответил я.

– Раны не беспокоят? Дышать не тяжело? – продолжил он.

– Никак нет! Правда, небольшой кашель, остался... – приложив руку к груди, ответил я.

– Ну, это пройдёт! Нам пришлось удалить вам небольшую часть лёгкого, вследствие ранения. Я пропишу вам порошки, будьте любезны принимать их в течение недели! – пояснил профессор, – А сейчас, мой дорогой друг, я вас осмотрю! Раздевайтесь! – добавил он, и надев на шею стетоскоп подошел ко мне.

Я разделся до пояса и продемонстрировал ему своё обезображенное тело.

– Не больно? – интересовался он, удаляя пожелтевшие повязки, и надавливая на края раны.

– Никак нет товарищ профессор, все путём! – не много корчась от боли, отвечал я.

– А ну-ка, дышите! Не дышите! Так, а теперь еще разок, дышите! Не дышите!

Несколько раз сделав глубокий вдох и выдох, я начал закашливаться. Гурьянов убрал стетоскоп и цыкнув зубами сказал:

– Ну, ну успокойтесь больной! Всё у вас в порядке. Жить точно будете, до свадьбы заживет!

– Я женат, товарищ генерал! – прикрываясь ладонью, сквозь кашель, уточнил я.

– Значит, еще быстрее, выздоровеете! Жена ждет? Она где у вас сейчас? – поинтересовался он.

– В Саратове, в медицинском учится. А на счет того, что ждет... – после нескольких секунд паузы... – я думаю, ждет.

– А почему так неуверенно говорите? – спросила вдруг Фисенко.

– Да дело в том, что не виделись с ней с июля 41-го. Я сразу после того как расписались, ушел на фронт. Пытался писать ей письма, но всё тщетно. Скоро думаю, поеду в отпуск, и встречу с ней!

– Отпуск отменяется, Петровский! Мы выходим к границам СССР, поэтому работы по самые гланды. Сейчас идешь на склад, к старшине Емельянову, он выдаст тебе форму, потом идешь к капитану Маркину, тот выдаст тебе документы, предписание в часть и твои награды. Давай собирайся, увидимся в штабе! – приказал Кулагин, после чего вышел из-за стола, надевая фуражку, добавил, – думаю, товарищ генерал

к строевой он годен!

Профессор присел на свое место, взял перо, чернила и сделав на моей карте какую-то запись, произнес:

– Несомненно, товарищ майор, годен! Руки, ноги, голова целы! Раны уже практически затянулись. Думаю, это не помешает ему снова командовать.

После этих слов, произнесенных Кулагиным, на меня снова напала тоска. Казалось, что судьба специально отводит меня от моей жены, причем все дальше и дальше. Вот уже более трех лет, я не давал о себе знать. И с каждым разом, меня терзают смутные сомнения о том, что я попросту забыт. Замкнувшись в себе с этими мыслями, я в упор заострил внимание на одной точке. Как вдруг, мои рассуждения, прервал удар по столу подполковника Фисенко:

– Так больной! Вы что, в облаках летаете? Вообще-то с вами разговаривают! Или запах свободы уже почувствовали? Сейчас мигом отправим обратно! – с гонором, сказала она.

Мгновенно переключившись, я ответил:

– Мне всё предельно понятно! Разрешите выполнять?

Кулагин, протягивая мне справку об освобождении, тихо сказал:

– Вот держи! Покажешь её, когда будешь получать вещи и документы. Давай, беги!

Выхватив справку из рук особиста, я проследовал к выходу, после чего он вслед добавил:

– Глупостей больше не совершай! А то и так еле жив

остался!

Открыв дверь, я повернулся к нему и ответил:

– Больше не повторится, товарищ майор! Хватит с меня благодетели.

Выходя из кабинета, по распоряжению вышестоящего начальства, я убыл в хозчасть для получения личных вещей и документов. Самое дорогое, что у меня оставалось, это память о моей драгоценной Ксении. Ее изрядно потрепанную и затемневшую от капель собственной крови фотокарточку я бездарно потерял.

Выйдя из госпиталя, я пешком следовал в расположение моего полка. Жара стояла невыносимая. Дышать было нечем. Мне приходилось останавливаться на отдых, каждые полкилометра. Хорошо на пути моего следования, меня подобрал «Виллис» майора Кулагина, за рулем которого, находился его верный адъютант и помощник капитан Гайсаров.

После недолгой, но томительной от жары поездки по украинским дорогам, я таки прибыл в полк. По дороге в штаб я увидел новые танки Т-34, стоявшие под брезентами. Зайдя в расположение штаба, я передал свое предписание командиру полка. После непродолжительной беседы, он указал мне, где находится мой экипаж и отдал приказ на отдых.

Закинув свой вещмешок на плечо, я шел на встречу с родными мне людьми. Чувство было конечно трепетное. До моих оставалось каких-то триста метров. Вон я уже вижу силуэт нашего нового танка, рядом с которым выстроен весь

экипаж. И только один человек, а по фигуре это был Карасев, проходя мимо каждого, материл на чем свет стоит. Он раздавался на все село.

– Я вам сколько раз говорил, что танк, это ни место для свиданий! Столярчук, какого хрена ты вчера бабу опять приводил? Уже третья за неделю. Тебе хаты мало? Вали на сеновал, в погреб, хоть на дно Днестра, но только ни здесь! Еще раз повториться, под трибунал! Теперь с тобой Матвеев! Еще раз будешь складывать окурки в сумку с гранатами, я тебе их засуну в одно место. Только-только, получили новую машину, а вы её уже засрала. Пока командира нет, я ваша мамка! – стуча кулаком по погону танка, разорялся старшина.

Столярчук, улыбаясь, крутил во рту соломинку:

– Да ладно тебе Боря упокойся, шо ж я могу с этим поделать! Глядишь убьют, а я так и не насладился жизнью!

– Я все понимаю! Но ты еще тот кабель! Выбери одну и женись! А то устроил тут. Ни танк, а бордель, тит твою мать! Яша, если ты не возьмёшься за ум сам, то я тебе помогу, будь уверен! – грозя кулаком, продолжал Карасев.

Яков продолжая улыбаться, вдруг опрокинул взор на дорогу и заметив меня, воскликнул:

– Ха, Боря, на тебе дулю, купи себе трактор, а на сдачу застрелись! Айда к командиру, лейтенант вернулся!

Бросив свой вещмешок на землю, я побежал на встречу к моим ребятам.

– Алёшка, ты живой! Вернулся дьявол! – прижав меня к себе воскликнул Карасев.

– Да, ребята мои дорогие! Я вернулся! Как вы тут без меня? – обняв всех троих, воскликнул я, и голос мой дрожал от счастья.

– Да вот как видишь! У нас пополнение в личном составе, да и техникой не обидели! – доложил Столярчук.

– И баб водим, да? – перебив его, я с улыбкой ляпнул.

– Ну и это тоже! Обещаю, последний раз, лейтенант!

– Да у тебя каждый раз, как последний, блудный сын! – опустив пилотку на глаза Якову, возмутился Карасев.

– Вот видишь лейтенант, пока тебя не было, он тут развел дедовщину! – слегка ударив старшину по плечу, пожаловался Столярчук.

– Ладно, разберемся, а что за пополнение у нас?

– А это наш новый наводчик, старший сержант Гелашвили, отличный парень!

– Наводчик? А я что же буду делать? – удивился я.

– А ты как был командиром, так им и останешься! Просто у нас в бригаде, новые образцы танков с восьмидесяти пятимиллиметровой пушкой. Места в башне стало больше. Теперь нас там трое. Наводчик, заряжающий и ты командир. Твоя задача просто командовать! – пояснил старшина.

– Хм, это хорошо! И как аппарат?

– Дьявол, а ни аппарат! Теперь можно на равных драться с немецким зверинцем! – добавил он.

– Ясненько! Гелашвили, откуда родом?

Наводчик ответил с явным грузинским акцентом:

– Из Тбилиси, товарищ младший лейтенант!

– Давно воюешь?

– С осени 1942 года!

– Ну, славно! Давайте мужики пойдём в хату, у меня гостинцы из госпиталя с собой! Отметим возвращение с того света! – подняв с земли вещмешок, сказал я.

И в обнимку с ребятами, мы пошли пировать. Весь день и всю ночь, мы сидели в нашей хате. Пили, ели, знакомились поближе с новеньким бойцом. Ребята рассказывали, как они заваливали штаб рапортами, чтобы вытащить меня из штрафной. Писали командиру, и даже товарищу Калинину, но все оставалось без ответа. Я в свою очередь, рассказывал им, как было следствие. Как чуть не расстреляли, как воевал в штрафной роте. Сейчас уже всё позади.

Через несколько дней, после бурной пьянки, мы приводили в порядок себя и нашу боевую «семерку». Заняв своё место в башне танка, я был приятно удивлён, насколько там просторно. Обязанности наводчика, с меня были сняты, и я просто оставался руководителем нашего славного, гвардейского экипажа. Я вылез по пояс из люка и набрав воздух полной грудью, наслаждался свободой.

На улице было прекрасно. Утреннее солнце уже во всю пекло. Легкий ветерок, колыхал желтеющие листья молодых березок. Старшина Карасев сидя на ящиках, протирал тряп-

кой снаряды. Сержант Столярчук загружал пулеметные диски в танк. Гелашвили, насвистывая свою национальную песню, вместе с Матвеевым, чистили ствол танка. Наша семья пополнилась, и теперь нас стало пятеро.

Вскоре впереди были ожесточенные бои. Мы, стремительным броском, вышли к границам нашей родины. К октябрю 1944 года, Красная Армия глубоко продвинулась на территорию Румынии. Наш полк и части 46-й армии, после долгих и кровопролитных боёв, расположились в пригороде Брашова, в поместье замка Бран, что на границе Мунтении и Трансильвании. Это был огромный замок, со своей неповторимой архитектурой. Здесь же и начались наши мистические приключения.

Эпизод 23: «Трансильванский синдром»

Прибыв в поместье замка, нам не хватило места для квартирования, так как все комнаты, спальные помещения и даже холл были забиты солдатами и их командирами 46-ой армии. Спасибо хозяевам замка, добродушным и гостеприимным Густаву и Магде Майер, которые устроили нас в беседках, которые были ни чуть, ни хуже тех шикарных апартаментов внутри поместья. Своё мы отхватили, а остальные танкисты, которые прибыли позже, ночевали в своих машинах под открытым небом.

Десятое октября ознаменовалось днем полноценного от-

дыха. В боях мы не участвовали ввиду острой нужды в пополнении личным составом. Столярчук, Гелашвили и Карасев коротали время играя в карты на каменной брусчатке возле нашей машины. Матвеев продув несколько раз подряд в карты, насупившись отдалился от коллектива и улегся спать на своем месте. Я в свою очередь верхом на башне, подшивал свежий подворотничок гимнастерки.

Вокруг суетились бойцы, устраивая парко-хозяйственный день. Кто-то стирал вещи в расположенном по центру фонтане, кто-то обучал молодое пополнение армейским уставам, а кто просто жил своей жизнью. И так изо дня в день. Мы даже стали привыкать к этой беззаботной жизни. Будто и войны никакой нет. И эта крошечная тишина, без стрельб, бомбёжек и смертей, ставила нас в не комфортное положение. После трех пролетевших военных лет, нам снова и снова хотелось поскорее в бой. И так после долгого пребывания в резерве, нам удалось отдохнуть вдоволь.

Последнее время, я начал посещать библиотеку, находящуюся в замке. Там были литературные произведения великих немецких поэтов и писателей. После прочтения книги «Фауст» Гёте, мне захотелось еще более углубиться в немецкий язык.

Способность к языкам у меня была с детства, и в пределах средней школы, я знал его довольно сносно. В нашем полку никто по-немецки не говорил, кроме некоторых штабных офицеров, поэтому среди нашего общества я был на голову

выше остальных. Выйдя из библиотеки, я присел на брусчатку и облокотившись о гусеницу танка, начал переводить стихотворение о любви великого Гейне, переписывая его своей любимой:

«Твои глаза – сапфира два,
Два дорогих сапфира.
И счастлив тот, кто обретет
Два этих синих мира.
Твое сердечко – бриллиант.
Огонь его так ярок.
И счастлив тот, кому пошлет
Его судьба в подарок.
Твои уста – рубина два.
Нежны их очертанья.
И счастлив тот, кто с них сорвет
Стыдливое признание...»

Проигравшийся в карты наш одесский друг Яков, швырнув колоду карт в смеющегося над ним Карасева, и с матерившись тут же подсел ко мне.

– Ты чего отделился от компании? – спросил я, не отрывая внимания от стихотворения.

– Шо ты у меня спрашиваешь, чего! Спроси у моего соседа, он таки лучше знает...

– Продулся? – с улыбкой глядя в его надутое лицо, спросил я.

– Та ну его! Этот шлимазал, обдурить меня решил! Меня!

Яшку одессита!

– Умей проигрывать с честью! – вдруг влез в разговор Карасев, смеясь в голос.

– Я тебе покажу, где у курицы сиськи! – грозя кулаком, но всё же с улыбкой, продолжал гоношиться Столярчук.

– А ты чем занимаешься, лейтенант? – спросил он у меня, протягивая свои руки в мои писания.

– Да так решил жене письмо написать!

– Ох ты, это ж по-каховски тут написано?

– По-немецки! А я красиво перевожу на наш советский язык!

– Хех, ну ты даешь командир! Брось ты этих фашистов, у нас и наши поэты не хуже есть! – засмеялся Яков, прикуривая папироску.

– Ну ни все же они фашисты! И Гейне он отношения к фашизму не имеет абсолютно никакого! – пояснил я, – вот давай я тебе прочту несколько строк: твои глаза – сапфира два, два дорогих сапфира...

– Так-так-так, всё хватит! Ну его, этого твоего Гейне! Для меня один хрен, если немец – значит фашист и баста! – скрючив недовольную физиономию, прервал переведенный мною стих.

– Не образованный ты человек, Яков! Займись твоим ликбезом как-нибудь! – засмеялся я, вытащив у него изо рта папироску.

– Да ну тебя! Мне уже поздно учиться! Срок мой перева-

лил давно за тридцать. И трех классов и двух коридоров мне вполне за гланды!

– Может лучше споем? – воскликнул Карасев, выйдя побежденным из карточной игры, – я у хозяев гармонику раздобыл! Бросай ты эту фашистскую макулатуру лейтенант! – продолжил он, и устроившись по удобнее, Борис берет аккорд.

У него хороший грудной голос. И песни хорошие. Чистые такие, светлые как он сам. На лирических композициях, он закрывает глаза и даже кажется местами они у него наполняются краснотой. На пение сбегаются ребята из соседних экипажей. Облокотившись друг о дружку, они задумчиво внимают его слова. В глаза этих ребят можно было прочесть то, что каждый думал о своей оставленной любви, находясь на чужбине. Возможно даже о скорой победе думают, или о тарелке домашнего, горячего супа. В общем обо всем. Карасев, завершая последнюю лирическую мелодию, снимает гармонь с плеч. Столярчук, подперев руками голову так и просидел задумавшись, а после окончания фисгармонии, вскоре пробормотал:

– М-да, а петь ты и не научился!

– Ты гармошку-то, когда последний раз держал? Или ты только на моих нервах играть мастер? – повысив тон, заявил Карасев.

– Ой, ну ладно! Я конечно, консерваторий не кончал, но спеть и сыграть смогу! Давай её сюда! – отбирая гармонь у

старшины, сказал Яков.

– Заказывайте, что петь будем? – продолжил он, накидывая ремни на плечи.

– Может «Синий платочек»? – предложил кто-то из толпы.

Продемонстрировав элегантный жест, он интеллигентно прикурил у соседа очередную папиросу, и пробежавшись пальцами по клавишам, вдруг остановился:

– Не боец, лучше эту, нашу любимую! – и пальцы его забегали по пожелтевшим клавишам, отыгрывая мелодию Лемешева «Моя любимая»:

– Я уходил тогда в поход, в суровые края,
Рукой взмахнула у ворот, моя любимая....

И тут же бойцы, еще не насытившись любовной лирикой, моментально подхватили песню.

Я был вдоволь переполнен мыслями о доме, после чего, закурил папиросу и тут же удалился от коллектива.

– Лейтенант, ты чего? – бросив играть, спросил Столярчук.

– Что это с ним? – подскочив с места, воскликнул своим грузинским акцентом Гелашвили.

– Оставьте его в покое! Тоска напала на человека! Пусть один побудет. – ответил Карасев, останавливая Гелашвили за штанину.

Я покидаю пределы поместья. Удобно располагаюсь под деревом в палисаднике. Просидел довольно долго. Задумы-

ваюсь о будущем и параллельно с этим достаю смятую пачку «Беломора». Закуриваю. Смотрю на горизонт, на еле поднимающийся оранжевый диск солнца, лучи которого окутали луга, поля, окрестности, и наше расположение. Под эти лучи я возвращаюсь в родное подразделение. Ребята, вдоволь навеселившись, только что отправились спать. Я залезаю в танк и беру умывальные принадлежности с котелком. Набрав воду из фонтана, я принялся умываться.

Мимо меня несколько раз пробежали два бойца с хозяином дворца Густавом Майером. Ошалелые, в глазах страх и паника. Вдруг ко мне подбегает боец и спрашивает:

– Товарищ гвардии младший лейтенант, а вы Ваську Федотова не видели? Это наш боец с взвода охраны!

– Я такого даже не знаю. Нет, не видел. А в чем дело? – недоумеваю, поинтересовался я.

– Да пропал. Вчера был с нами, и пели, и танцевали. А утром, когда мы с ним в караул заступили, он тотчас же и исчез! – с дрожью в голосе, рассказал он.

– Дезертировал? В замке смотрели? За КПП не выходил?

– Да ну что вы, товарищ лейтенант! Да везде смотрели!

Пределов замка он не покидал!

– А где вы в караул заступали? Покажешь место?

– Да конечно, пойдете!

Прервав свой утренний туалет, я проследовал за бойцом в караульную комнату. Это был подвал площадью примерно в тридцать квадратов, не имеющий запасных и иных выходов.

В караулке на стенах висели плащ-палатки, каски и автомат. На полу стояла деревянная кровать, с разбросанной постелью. Рядом был письменный стол, на котором стояла металлическая кружка и беспорядочно рассыпаны крошки хлеба.

– Что-нибудь, постороннее заметили? Вы вместе покидали комнату? – присев за стол, и обнюхивая кружку, спросил я.

Размахивая руками, запинаясь от волнения, крайне невнятно и беспорядочно говорил он:

– Да! Мы с Васькой собрались, он сказал ты иди мол, а я догоню тебя. Ну я и пошел до двери. Потом услышал, как он закрыл дверь ключами, и пошел ко мне. Потом, он что-то забыл и сказал, что вернётся. Я остался ждать его у выхода. Васька открыл дверь, зашел обратно в комнату и исчез. Я через пять минут пошел к нему на встречу, чтобы поторопить его, а там уже никого нет. Мимо меня никто не проходил, и других выходов нет. В караулку только один вход, но там был я!

Я прошелся по комнате, и увидел в углу странную надпись:

– Боец подай лампу, посвети мне сюда!

Тот схватил со стола керосинку и подал ее мне.

На стене было написано кровью, большими буквами, на немецком языке: «Geh weg, sonst Tod!»

Боец, сняв автомат с плеча, спросил меня:

– Что всё это значит, товарищ младший лейтенант?

– Уходите, иначе смерть! – перевел я, написанное послание, после чего добавил:

– Ты кому-нибудь об этом докладывал?

– Никак нет! Если я приду к начальнику караула и доложу, то он подумает, что Васька дезертировал. А он не мог! Да и что ему сбегать то!

– Панику прекратить! Я сам пойду к комполка, и поговорю! Свободен!

– Есть, товарищ младший лейтенант! – ответил рядовой, и выбежал на улицу.

В подвале было темно, так как замок был каменный и с электричеством были перебои. Я стоял один в тридцатиметровой комнате с керосиновой лампой, осмотрев еще раз караулку. После этого сразу направился к командиру полка Аристову. Он находился в своем кабинете на третьем этаже. Зайдя к нему, я обрисовал всю картину.

– Что значит, пропал боец? – возмущенно, спросил он.

– Не могу знать, товарищ полковник! Мы обследовали с бойцом весь подвал и ничего не нашли. Единственное, там была надпись в конце помещения. Написано кровью по-немецки. Правда, чьей кровью, не понятно. Следов борьбы и насилия там не обнаружено! – ответил я.

– А ты что, следователь?

– Никак нет, товарищ полковник! Просто поживешь, и не такое увидишь! Давайте вызовем начальника особого отдела сюда, пусть разберутся в чем дело!

– Майор Кулагин сейчас в штабе армии, в Брашове. В принципе можно туда позвонить. Дежурный! Соедини меня с особым отделом! – приказал он, телефонисту.

Телефонист, покрутив ручку телефонного аппарата, начал выходить на связь:

– «Заря, заря», я «Барс» как слышно меня? Приём! (небольшая пауза) «Заря», я «Барс» почему молчите?

Продолжая вызывать так несколько раз, телефонист, переключаясь на разные передачи, вскоре положив трубку сказал:

– Товарищ полковник, в эфире тишина! На какую бы я волну не переходил, везде молчат!

– Что за чертовщина еще такая... Попытки выйти на связь не прекращать! – приказал Аристов.

– Заколдованный замок, какой-то! Бойцы пропадают, и связь еще вместе с ними. Ладно, лейтенант... ты ступай пока! – сказал он с недоумением, присев за свой стол.

Я вышел к своему экипажу на улицу. Там что-то возмущался Матвеев:

– Елки-бревна, да как так-то? Какая же сволочь это сделала?

– Что случилось, Жень?

– Да представляете, товарищ лейтенант, кто-то сорвал тягу фрикционов! Теперь ремонтировать придется, а где ее брать я не представляю. Тех часть сейчас хрен найдешь.

– Как сорвали, боец? Вы что отлучались от машины? –

ПОВЫСИЛ ГОЛОС Я.

– Да я это еще утром как проснулся заметил.

Вдруг ко мне подбегает командир соседней машины:

– Слышь Петровский, у вас часом ничего не случилось?

– Да ну как видишь! Кто-то тяги оборвал нам. Теперь мы без руля остались. У вас то, что случилось?

– У нас вообще весело! Какая-то тварь растяжку с гранатой выставила над моим люком, представляешь суки какие? Хорошо мехвод мой первым вылез и заметил это, а то сейчас бы заупокойные речи толкали.

– Что-то тут не чисто, братцы! – осматривая замок глазами, сказал я.

– А что, если это вурдалаки? – вмешался вдруг в разговор радист из соседней машины, листая странную книгу, написанную немецким готическим шрифтом, черными буквами.

– Что? Что ты мелишь, какие еще вурдалаки? И что это у тебя за хрень в руках? – спросил подошедший офицер, и выхватив книжку у бойца, задумчиво продолжал слушать.

– Какие, обыкновенные! Я эту книжку у гражданки Майер нашел в библиотеке. Ну полистал чутка. А там написано, что этот замок раньше принадлежал некому графу Владу Цепешу. И якобы он был вампиром. Может это его призрак тут бродит и творит дела?

– Да ну тебя! Суеверия все это. Ну, какие призраки, какие вурдалаки? Это все красивые легенды, для дураков вроде тебя! – продолжил офицер.

– Так, диверсантов тут вроде бы нет. Мы далеко в тылу. Но все же, что-то тут не так! – пробормотал я, и тотчас же ринулся к своему экипажу, – Ребят! Машину не покидать, ни на секунду! Оружие при себе, держать на предохранителе. Организуем круглосуточное дежурство! Все дежурят по очереди! Смена каждые четыре часа. Матвеев, первый! О любом нарушении, докладывать лично! Чуть что, бей по ногам! Главное не насмерть, а то потом оправдывайся перед начальством!

До прихода темноты, каждый занимался своими делами.

Этой ночью мне не спалось. Я вылез из башни, закурил папиросу. Матвеев, с автоматом на плече, нес вахту возле нашего танка.

– Ну, как у тебя? – спросил в полголоса я.

– Пока замечаний нет, Алексей Саныч!

– Ну, и славно. Скоро тебя Гелашвили сменил.

– Я знаю!

– Ну, давай, бди тут! – сказал я, выбросив окурочек, вернулся на свое место.

Наутро возле штаба полка, у центрально входа в поместье, ждала служебная машина Аристова. Он со своим начальником штаба должен был отправиться в Брашов, к вышестоящему руководству, для дальнейшего разрешения образовавшихся обстоятельств. Водитель, прождав около двух часов, начал нервно кружить возле машины. И конечно же, все это происходило рядом с нашим экипажем, который располагал-

ся рядом с парадным входом. Став невольным свидетелем, я услышал разговоры подошедшего на помощь начальника караула капитана Мишина и водителя сержанта, имя которого я уже ни вспомню.

– Что случилось сержант? – спросил ошалелого водителя, начальник караула.

– Да вот товарищ капитан, жду Аристову, а его уже второй час нет. Я за ним заходил, а дверь у него закрыта. У ребят спрашивал мол, где он, никто не знает!

– Ну значит плохо смотрел! Может он у хозяйки ошивается, бабенка то она ничего, видная! – ни придав никакого значения, безразлично отвечал Мишин.

– Да не может этого быть, товарищ капитан! Я давно знаю Аристову, ни такой он человек! – дергая себя за ремень портупеи, нервно отвечал он.

Так же за этой картиной наблюдал и Карасев, прибывая гвоздиками подмётку к сапогам.

– Лейтенант! Там опять что-то стряслось! – воскликнул старшина.

Высунув голову из люка мехвода, я сонным голосом, спросил:

– Чего там еще случилось?

– Да пес его знает, говорят комполка исчез!

– Чего? Куда он мог исчезнуть-то? – насупив брови, протирая глаза, спросил я снова.

– Ой я не знаю командир! Мне до чужих дел сам знаешь,

дел нет!

– Эх ты Борис Константинович, с тобой каши не сварить! – сказал я, и застегнув портупею, пошел в сторону водителя.

– Что у вас тут стряслось?

– О, здравия желаю товарищ гвардии младший лейтенант! Да вот, Аристов пропал, а куда не знаем!

– Везде смотрели? В кабинете тоже?

– Так точно!

– Сколько его уже нет? – спросил я, поглядывая на свои часы.

– Третий час пошел!

– Понятно! Товарищ капитан вы как начальник караула, может посодействуете в поисках? – переведя взгляд на Мишина, попросив его об услуге.

– Так сержант, давай бери автомат и за мной! – достав свой пистолет, согласился Мишин.

Боец тут же схватил ППС с заднего сиденья и побежал за нами.

Зайдя в замок, мы прошли несколько этажей, тихими шагами подошли к кабинету Аристова.

– Давай стучи! – приказал капитан водителю, наводя пистолет на дверь.

Сержант тихонько постучал несколько раз в дверь. Потом еще несколько раз, но более усердно.

– Ну-ка в сторону! – сказал я, и тотчас же с разбегу выбил

дверь ногой.

В его кабинете был небольшой беспорядок. Сейф открыт, опустошен. На столе одиноко стояла пепельница, которая была заполнена пятью окурками, и только одна недокуренная папироса все еще слегка тлела. Койка перевернута. На портрете Сталина, который висел на стене над кроватью, было написано кровью: «Wenn du leben willst, verlasse das Schloss!» Буквы размазаны, читаются с трудом.

– Что это значит? – спросил Мишин, растирая пальцами кровь, стертую со стены.

– Если хотите жить, уходите из замка! Это уже второе предупреждение товарищ капитан! – ответил я, зайдя к нему за спину.

– Чертовщина какая-то! – прошептал он, и стал дальше осматривать помещение.

Пройдя за ширму, я увидел труп телефониста. Он был задушен телефонным кабелем. Кобура у него была расстегнута, а пистолет наполовину торчал из нее.

Тут мне помогло медицинское образование, где я предположительно установил характер травмы. На теле убитого, не было ни одной ссадины и кровоподтеков. Только странгуляционная борозда на шее от телефонного кабеля, лежащего у него на груди.

– Это ни самоубийство! – высказался я, – Видите, труп не был повешен, его кто-то душил, и он видимо, сопротивляясь, не успел достать пистолет.

Убрав свой пистолет в кобуру, я спросил капитана:

– Товарищ капитан, разрешите мы с сержантом смогаемся в штаб дивизии! Доложим, как есть!

Из старших офицеров больше в замке никого не было, и капитан принял обязанности Аристова на себя. Немного обдумав, он дал согласие на мое предложение.

Сержант, закинув автомат за плечо, помчался вниз заводить «Виллис». Спустившись за ним, я сел в машину, и мы уехали в расположение штаба дивизии.

– Товарищ младший лейтенант, а что такое происходит? Вчера боец пропал, кто-то гранаты оставляет, а сегодня командир исчез, и труп вдобавок. Может кто-то из своих? – спросил сержант, нервно крутя баранку автомобиля.

– Да тут все что угодно может быть! Сейчас до штаба доберемся только, а там начнем искать!

Прибыв в штаб я немедленно, разыскал майора Кулагина. Тот сидел у себя в кабинете, и в кругу сослуживцев, отмечал своё повышение.

– Товарищ майор, разрешите обратиться? – зайдя к нему в кабинет без стука, спросил я.

– Не майор, а подполковник уже! – ответил Гайсаров, закусывая кислой капустой, выпитую рюмку.

– Да погоди ты! В чем дело, Петровский? – продрогнув от выпитого самогона, спросил Кулагин.

– Виноват, товарищ подполковник! Поздравляю с повышением! Пошептаться бы!

– Ну, говори!

– Разрешите с глазу на глаз?

Кулагин поставил пустой граненый стакан на стол, сказал:

– Подожди меня за дверью, я к тебе выйду.

– Слушаюсь!

Через две минуты, он вышел из кабинета:

– Ну что у тебя?

– Товарищ подполковник, у нас чп! Пропал комполка

Аристов и убит его связист.

– Как пропали? – насупив брови, и несколько пошатываясь от алкоголя, спросил он.

– Я сам не знаю! Они хотели еще утром к вам выехать, чтобы доложить про другую чертовщину, но не успели.

– Что значит, не успели? Про что доложить? Ты можешь по порядку объяснить? И каким боком ты тут?

– Я случайно, товарищ подполковник! Все началось два дня назад, когда из караула ночью пропал боец. Потом появились кровавые надписи на немецком с предупреждениями. Обрато же кто-то испортил нам ходовую часть у танка, а танк соседнего экипажа вообще заминировали растяжкой. А сегодня утром водитель ждал Аристова. Того все нет и нет. Мы поднялись в кабинет и выломали дверь. Кроме трупа его телефониста никого и не было. Сейф вскрыт, пустой. Охрана никого не видела за это время. Все свои были на территории. Товарищ подполковник, нам нужна ваша профессиональная помощь! Поможете?

– Так, мне надо лично туда приехать и все осмотреть! У меня есть следственная группа, ею командует капитан Максимов из СМЕРШа. Люди проверенные, толковые. Они разберутся.

– Товарищ подполковник, боюсь такого дела, они еще не вели никогда! Там, какое-то проклятое место.

– Подожди, а почему вы не доложили сразу нам? Раз это было два дня назад?

– А вот в этом то и проблема! Связи нет совсем! Мы много раз выходили в эфир, но рация, будто не слушается! Гробовая тишина! Мой радист, как и радисты других экипажей, после этого пытались связаться с вами, но увы...

– А вот это уже интересно... Ладно лейтенант, дуй обратно в расположение. А чуть позже и мы приедем!

– Слушаюсь, товарищ подполковник!

Спустившись к водителю, я закурил «Беломор» и отдал команду на возвращение обратно в замок. Вернувшись под вечер в расположение, я пошел проверять своих ребят. Они сидели за столиком у танка, и ели сухой паек.

– Ну, что ребятки, как дела?

– Путем все, командир! А ты куда ездил-то? – спросил старшина.

– Да в штаб дивизии, в особый отдел. Теперь СМЕРШ этим делом заниматься будет.

– Это верно. Ребята все, кто в замке ночевал, полные штаны навалили со страху. В замке мало кто, спит теперь, раз-

ве что безумные хозяева, которым по боку все эти приведения! – посмеялся Столярчук.

– О как! Пойду-ка я переговорю с ними, до приезда чекистов. Может что выясню. – воскликнул я, и мигом удалился в замок.

В замке было не привычно тихо и пусто. Из кухни веяло овощным рагу, которое готовила на ужин госпожа Майер. Из вежливости я постучался в дверь, и поприветствовав по-немецки, зашел к ней на разговор. Госпожа Майер, растерявшись, с перепугу выронила черпак и тут же улыбнувшись, спросила:

– Was ist passiert? (Что случилось?)

– Frau Mayer, möchte ich Ihnen einige Fragen stellen? Wirst du erlauben? (Госпожа Майер, я хотел бы задать вам несколько вопросов? Вы позволите?)

– Ja natürlich! Was interessiert Sie? (Да, конечно! Что вас интересует?) – ответила она, и её волнение тут же сменилось немецкой добропорядочностью. Она, сняла с плиты сковороду, и протерев руки присела рядом со мной.

Улыбнувшись ей в ответ, я продолжил задавать вопросы:

– Magda, hast du in letzter Zeit etwas Verdächtiges bemerkt? (Магда, вы ничего подозрительного не замечали в последнее время?)

Магда, хлопая глазами, и улыбаясь одновременно, поиграв губами, стала разговаривать со мной на ломанном русском языке:

– Господин лейтенант, в этом доме давно что-то происходит! И этому нет объяснения! Мы с Густавом, переехали в этот замок около десяти лет назад. Выкупив его у предыдущих хозяев.

– Простите, а почему они его продали? Они вам сказали причину?

– О, Ja! Да они непременно сообщили нам об этом, но мы с мужем, э-э-э как это по-русски... ни верили эту чушь! А как нацисты пришли в Румынию, так нас выселили в соседний дом. И мы больше тут не появлялись. А с приходом вас, всё вернулось на свои места. Danke, спасибо вам!

– А что вы скажете о пропаже нашего солдата и командира полка? Может что-нибудь слышали, видели. Нет?

– Nein, простите господин лейтенант, но мы ничего не слышать! – продолжая робко улыбаться, говорила она.

– А господин Майер, он где был вчера примерно с восемнадцати часов вечера и до утра следующего дня?

– Густав несколько дней как уехал в Брашов к сестре, его тут не было! – ответила Магда, и привстав с места, ушла готовить пищу.

– Хорошо, я вас понял! Auf Wiedersehen, Frau Mayer! Entschuldigen Sie, dass Sie sich die Zeit genommen haben! (До Свидания, госпожа Майер! Простите за то, что отнял у вас время!) – и удалился к себе в распоряжение.

Смеркалось. Расположившись на корме танка, разглядывал свои часы, время на которых тикало 22:43 по-местному. В эту лунную ночь, полёживая на танке и разглядывая небо, ты оцениваешь поверья и представления.

Неподвижная мерцающая местность с одинокими молчаливыми деревьями, уснувшая деревня, темная, – все кажется таинственным и вечным... Долго-долго смотришь ты на ночь, и мысли не могут уйти от какой-то основы.

И все же я решил отвлечься от этих мистических мыслей, и наконец- таки написать жене письмо. Достав из подсумка фонарик, бумагу и карандаш, я принялся писать. На этот раз мысли меня одолели, и я излагал на бумаге все что было в моей голове. В письме я призывал её надеяться и ждать. Так как скоро война окончится, и мы будем снова вместе.

Случайно опрокинув взор на крыльцо центрального входа, я увидел, как один боец, пристально смотря в одну точку, взведя затвор автомата, медленно крался в сторону арки, которая большим коридором, соединяла центральный вход и левое крыло. Выключив фонарь, я стал наблюдать за ним. И как только он скрылся за аркой, тут же последовал неистово душераздирающий крик, а вслед за ним и автоматная очередь:

–А-а-а-а, бесы!

Бросив письмо, я схватил автомат, соскочил с танка и мигом ринулся к нему. Боец, не замечая никого вокруг, расстрелял весь диск ППШ в темный проём, который был, слег-

ка подсвечен в конце керосиновой лампы.

На мою просьбу прекратить огонь, он не среагировал, и мне пришлось его ударить прикладом по спине. После чего тот сразу потерял сознание. На стрельбу и крики сбежался весь караул.

– Что случилось? Какого хрена стрельба? – спросил меня начкар.

– Да вот бойцу толи показалось толи правда там кто-то был! – пристально всматриваясь в темный коридор ответил я. И вдруг за угол забежала черная тень, растворившись в ночной мгле.

– Там впрямь кто-то есть! Ребята за мной! – воскликнул я, и с несколькими хорошо вооруженными бойцами, побежали к выходу. Но там, кроме голых стен, на одной из которых висела одна лишь картина, и плотно закупоренного окна, ничего не было. Начальник караула, посмотрев на все это, сказал:

– Тьфу ты черт! Тут же никого нет! Ты чего лейтенант, с бодуна что-ли?

– Да вы что товарищ старший лейтенант, я вообще ни пью! Привиделось что-ли? Хотя ни мне одному! Караульный тоже что-то видел же! – опустив автомат, я в недоумении пытался оправдаться.

– Ну вам я сейчас покажу! Где этот солдат? – прокричал начкар, и поставив автомат на предохранитель, подошел к нему.

– Постой лейтенант! Не трогай сейчас его. Тут и впрямь

мистика какая-то происходит. Надо разобраться! – остановив караульного на руку, сказал я.

– Какая мистика, младший лейтенант? Выпил, небось, чего-то вот и почудилось!

– Разберемся, пошли его в чувства хоть приведем.

– Устроили тут цирк, мать вашу!

Бойцы уже оттащили караульного в зал, где когда-то издавна пировали короли. Усадив его на лавку, бойцы хлопали по щекам, приводя в чувства.

Подбежав к нему, мы наблюдали страшную картину. Сидя за столом держась за голову, он не мог ничего сказать, так как в буквальном смысле пропал дар речи. Все что боец мог сделать это прерывно мычать. Сняв с него каску, мы ужаснулись. Как его густые черные волосы, стали седыми. В свои двадцать семь лет, он превратился в старика. И все за одну ночь.

Мы делали всё, что могло вывести его из шока. Давали хлебнуть спирту, били слегка по щекам, но все бесполезно. Уткнувшись взглядом в одну точку, он полностью утратил связь с внешним миром.

Этой страшной октябрьской ночью, спать уже никто не мог. Мы просидели с этим бойцом до рассвета. Дождавшись утра, к нам прибыла следственная группа Максимова из четырех человек, во главе с Александром Владимировичем и служебной овчаркой по кличке Паулюс.

Кулагин со своими подчиненными, выйдя из машины,

осмотрелись и подошли к нам:

– Что у вас тут происходит? – спросил Кулагин, положив руку на свою кобуру.

– Вот товарищ подполковник, (указывая пальцем на сидящего солдата) он видел якобы какую-то тень и открыл огонь по ней. Мы проверили, но там никого не обнаружили. Даже если кто-то там и был, то мы бы заметили. Но там наглухо забитое окно, с видом на склон! – доложил я.

Кулагин наклонился к этому седому бойцу, и начал спрашивать у него в чем дело, и что он видел. Тот, помолчав некоторое время, качаясь из стороны в стороны как маятник, вскоре произнёс лишь одну фразу:

– Бесы...

– Что? Какие нахрен бесы? Ты чего пьяный что-ли? А ну отвечай? – хлопая его по лицу, повысил голос Александр Владимирович.

– Остановитесь, товарищ подполковник! – схватив его за руку сказал я, – алкоголем от него не пахнет. Да и спирт у нас второй день как закончился.

Пристально глядя на поседевшего бойца, он утихомирил свой пыл:

– Ладно, разберемся! – сменив гнев на милость, указав рукой на рядом стоящих офицеров, в полевых гимнастерках, он сказал:

– Вот, обещанная следственная группа, знакомьтесь!

Щуплый, со шрамом на подбородке, слегка грубым голо-

сом, представился:

– Капитан главного управления контрразведки СМЕРШ Максимов, командир группы!

– Старший лейтенант УГРО Швец, заместитель командира!

– Старший лейтенант Буров, криминалист!

– Младший лейтенант Абросимов, кинолог!

– А это наш Паулюс, отличный сыскной пёс! – добавил Абросимов.

– Кто занимался этим делом из вас? – спросил Максимов рассматривая каждого из нас.

– Гвардии младший лейтенант Петровский! – вытянувшись по стойке смирно, ответил я.

Пристально посмотрев на меня, он спросил:

– Ты? Ты что следователь?

– Ни как нет, товарищ капитан! Но я для вас хотел собрать кое-какую информацию! Думал вы придёте и будет легче раскрыть это дело! – опуская свой голос на тон ниже, отвечал я.

– В общем вы сами в этом убедитесь скоро! – продолжил я и голос мой от страха стал еще более посаженным и дрожащим, – Разрешите, я покажу вам места преступлений?

Кулагин, кивая головой, положив мне руку на плечо, сказал:

– Давай пойдем! Мне даже интересно, что у вас тут происходит!

Я сводил их, на все те места, где настигал ужас наших ребят. Следователи сразу же принялись за работу. Они снимали отпечатки пальцев со стен и предметов, к которым предположительно могли дотрагиваться неизвестные. Проанализировав происходящие, чекисты сделали предварительный вывод, что враг, может находиться среди нас. С утра до ночи, каждый день, они вызывали к себе всех которые могли, что-то слышать или видеть в тот момент. С особым энтузиастом они допрашивали хозяев.

Того седого солдата, было приказано изолировать ото всех. И его закрыли в подсобке на первом этаже, под охрану младшего лейтенанта Абросимова с собакой. Допрашивать его не получалось, так как умом он тронулся окончательно. Было принято решение, ближе к вечеру, отвезти его в госпиталь под Брашов, для оказания специализированной психиатрической помощи. С меня сразу взяли расписку о неразглашении, запретив вмешиваться в это дело. Так как, это дело стало носить гриф «Совершенно секретно».

Ближе к вечеру, утомленным от безделья, я прогуливался возле фонтана и слушал как поют мои бойцы верхом на броне.

В машины, стоявшие в преддверье главного входа, грузились Кулагин со своей группой. Все было спокойно, пока в замке не заскулила собака Абросимова.

– Абросимов, заткни ты своего Паулюса! – крикнул Максимов, складывая документы в портфель.

Но собака продолжала жалобно скулить.

– Абросимов, твою мать! Ты чего там оглох что-ли?

Не услышав ответа, Максимов отстегивая заклепку кобуры, вытащил пистолет и проследовал в замок.

– А ну все сюда, быстро!

Ребята вылезли с машины схватив оружие, и побежали на голос капитана. Пребыв на месте, я наступил на лужу крови, которая вытекала из-под двери подсобки. Зайдя туда, мы обнаружили, труп этого седовласого бойца, с перерезанным горлом, и повешенную на лебедке собаку Абросимова. Самого хозяина собаки мы не нашли. Он будто испарился. На стене, напротив трупа пса, было опять оставлено послание: «Sie sind tot!» (Вам конец!)

Кулагин, смотря на все это, был обескуражен:

– Как так могло случиться? В подсобке нет других выходов! Где Абросимов?

– Видите ли, товарищ подполковник! Когда я вошел, дверь была закрыта, причем изнутри. Взломав ее, я обнаружил это. За Абросимова ручаюсь лично! Он все это время был со мной, а происходить все началось намного раньше, еще до нас.

Подполковник, поправляя фуражку на голове, добавил:

– Ну как могло такое случиться? За закрытой изнутри дверью, причем без окон?

Максимов растерянно пожал плечами. Александр Владимирович посмотрел на меня и спросил:

– Петровский, а ты что молчишь?

Так же пожав плечами, я ответил:

– Не могу знать, товарищ подполковник! У меня нет мыслей на этот счет.

– Надо разработать план. Устроить засаду, не знаю, заминировать ходы и выходы. Надо же что-то делать, в конце концов! Уже до офицеров СМЕРШ добрались! – разводя руками, высказывался Кулагин.

– Пойдемте в мой кабинет, там обдумаем! – закрыв дверь подсобки, сказал обескураженный Максимов.

– Пойдем, а ты Петровский приберитесь тут с бойцами! – уходя, отдал приказ подполковник.

– Разрешите, я с вами буду, товарищ подполковник? Я думаю, что я вам пригожусь в этом деле! – воскликнул я вслед.

– Ни суй свой нос, ни в свое дело! Мало тебе того раза? Это дело поручено только сотрудникам нашего управления! А ты таковым не являешься! Поэтому иди и командуй своим экипажем! Иди, и чтоб духу твоего не было здесь!

– Слушаюсь, товарищ подполковник! – опустив глаза, ответил я.

После этого, я с подавленным настроением, вернулся к своим ребятам.

– Лейтенант, да ладно тебе не бери в голову! Тебе какой резон с этого? Пусть у чекистов штаны преют, это их головная боль! – сказал Столярчук, начищая свое табельное оружие.

Ударив кулаком по борту танка, я возмутился:

– Да они то занимаются! Так нас всех тут, за это время перебьют или украдут. Слов нет! Пусть сами как хотят!

– Давно пора было так сделать! А если кто к нам сунется из этих «призраков», мы их тут же и хлопнем! – щелкая затвором, своего намащенного ТТ, улыбаясь сказал он.

Не желая мириться с мнением СМЕРШ, я решил влезть в это дело дождавшись темноты.

Наступила ночь. Все разошлись по своим спальным местам. Я выбрался из танка и медленно пошел в замок, к месту преступления. Было жутко темно. В помещении ни души. Достав свой пистолет, я открыл дверь подсобки, и начал рассматривать труп, который после произошедшего никто не упаковал. Он лежал в неестественной позе. Глаза у него были открыты, на углах рта была запекшаяся кровь. Все тело его залито кровью. Руки, скрещенные на груди, видимо пытался зажать рану. Рядом висела бездыханная тушка Паулюса. Облазив все стены, я ни нашел, ни малейшей зацепки. После осмотра, я вышел из подсобки, осмотрелся вокруг, и вернулся обратно к танку.

Спать по-прежнему не хотелось. Не зная, чем себя занять я снова сел писать письмо Ксении. То письмо, которое я писал ранее, было утеряно в этой передрыге, не понятно каким

образом правда.

В эту ночь в Трансильвании было особенно хорошо. Огромное звездное небо, расстилалось над моей головой. Чуть дальше на обрыве виднелся сам город. Сверчки кружили над деревьями, создавая иллюзию танцующих звезд.

Взяв карандаш и бумагу, подсвечивая себе фонариком, я царапал на бумаге банальные фразы. Я задумывался над каждым словом, отвлекаясь на парадный вход. Черная большая тень в фуражке, показалась в проеме, подсвечиваемой бледной лампой. Со страху я бросил все на землю, достал автомат, и медленно проследовал за этим «призраком».

Не спеша он переходил из угла в угол, даже несколько не оглянувшись назад. Топая по его следам в сторону той самой караульной комнаты, меня охватил жуткий страх, который я пытался в себе сдерживать. Мои волосы вставали дыбом от увиденного. Вдруг, тень остановилась, оглянулась по сторонам, и тотчас же исчезла в одной из стен караулки. Я включил фонарик и судорожно освещая коридор, никого в нем не обнаружил. Подойдя к этому месту, где исчез «призрак» я прощупал стенку, которая издавала некую пустоту внутри. И тут меня осенило, что это скорее всего потайные двери.

Я побежал к Кулагину в кабинет и доложил о находке. Тот сидел со своими сотрудниками и выкуривая папиросы одну за одной, разрабатывали план.

– Товарищи офицеры! Я нашел! – запыхавшись, сказал я.

– Чего ты нашел? – выдыхая дым, спросил подполковник.

– Тайные двери! Через них они передвигаются по замку! – возбужденно, продолжал я.

Максимов подскочил с места схватил автомат сказал:

– С нами пойдешь! Покажешь! Заодно и поглядим, что там за «призраки».

– Есть товарищ капитан! Пойдемте! – взведя затвор автомата, я ринулся за ними.

Мы спустились в подвал. Я шел впереди, за мной капитан Максимов, подполковник Кулагин, Швец и Буров.

Подойдя к месту, я прошептал:

– Вот эта стена, товарищ капитан! Что будем делать?

– Предлагаю взорвать ее! Швец неси заряды! – так же шепотом приказал он.

Швец убыл наверх за тротиловыми шашками. Оставаясь в засаде, мы продолжили осмотр таинственной стены, за которой слышались чьи-то шаги.

– Капитан, там кто-то идет, валим! – сказал я.

– Прячься в том углу, а мы отойдем! – быстро среагировав, сказал Кулагин, удалившись к выходу.

Забившись в углу, я увидел сквозь темноту три черных силуэта, которые направились в сторону Максимова и остальных ребят. Страх обледенил мой мозг до такого состояния что я с криком открыл огонь на поражение. Весь диск был выпущен по движущимся теням, которые вскоре упали за-мертво. Подбежав ко мне, Максимов фонарем осветил их тела. Это были люди в форме СС, окутанные в черные плащи.

– Ну, теперь мне все понятно! Поднимай тревогу, гарнизон в ружье! Будем брать! – приказал Кулагин.

Буров немедленно выбежал на улицу и взяв ручную авиационную сирену, поднял всех по тревоге. Бойцы подскочили в нашу сторону. Швец, принес тротилловые шашки, после чего заложил их под стену, и зажег бикфордов шнур. Покинув помещение, раздался мощный взрыв. Ворвавшись с бойцами и подполковником внутрь, мы наткнулись на подземный бункер, где засели около шестидесяти эсэсовцев. Перестрелка велась всю ночь, до того момента пока не был ликвидирован последний вражеский солдат.

После боя мы тщательно осмотрели помещение. В одной из комнат мы обнаружили странное устройство, схожее с трансформатором, и огромную лабораторию по производству препарата нового поколения, как станет известно мне после. Это были детали для оружия возмездия. С ним же находился мощный аппарат, который мог отключать все приборы, находящиеся на расстоянии до десяти километров. Именно он и глушил нам радиосвязь. Далее в глубине самого мрачного строения, мы обнаружили трупы исчезнувших ребят. Там же был и Абросимов, Аристов и караульный Васька. Они были умерщвлены каким-то веществом, судя по местам от инъекций на их телах. Кошмар для нас закончился.

Выбравшись наружу, мы извлекли тела погибших. Кулагин вышел на связь, и доложил лично товарищу Абакумову, о успешно проведенной операции по устранению тех самых

«призраков». Тот потребовал списки всех участников операции, и приказал дать всем им подписку о неразглашении. После связи с центром, Кулагин подошел ко мне:

– Говорил тебе, не суй свой нос! Какого черта тебе загорелось туда самому лезть?

– Да это случайно получилось, товарищ подполковник, правда! Я сидел, никого не трогал и тут бац! Тень проплыла, ну и за ней рванул. И вот нашел нам приключения!

– Ладно, я обязан подать поименные списки руководству, кто участвовал в захвате лаборатории. Это все-таки оружие нового поколения, поэтому будет в строжайшей секретности.

– Что теперь будет, Александр Владимирович? – вопросительно посмотрев на Кулагина, сказал я.

– Жди звонка. Вызовем, приедешь в штаб. А сейчас отдыхай! – улыбнувшись ответил он и сел в «виллис» к Максиму.

Спустя несколько дней меня вызвали в Брашов к подполковнику Кулагину. Примчавшись на служебном мотоцикле, я сломя голову летел к нему в кабинет. Постучавшись в дверь, мне дали разрешение войти. В кабинете за его столом сидел статный и приятный на лицо офицер в ранге комиссара государственной безопасности второго ранга. Рядом с ним сидели: Кулагин, Максимов и Гайсаров. Представившись, я прошел к столу. сам начальник главного управления контрразведки СМЕРШ, генерал-полковник Абакумов

Виктор Семенович.

– Присаживайтесь, товарищ Петровский! – начал разговор приятный офицер.

– Благодарю, товарищ комиссара государственной безопасности второго ранга!

– Итак, я начальник главного управления контрразведки СМЕРШ, комиссар государственной безопасности второго ранга Абакумов Виктор Семенович.

Услышав его фамилию, я тут же рьяно подскочил с места.

– Присаживайтесь младший лейтенант, что вы вскакиваете? – удивился вдруг он.

– Виноват, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга! Просто так неожиданно! – взволнованно, даже с неким чувством переполняющей гордости ответил я.

– Мне доложили, что вы первым обнаружили секретный бункер. Так ли это?

– Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга!

– Вы подписали бумагу о неразглашении гостайны. Теперь вы находитесь под строгим и чутким контролем нашего ведомства. Любое выход данной информации за пределы этого помещения, может иметь для вас фатальные последствия! Вы меня поняли?

– Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга!

– Я изучил ваше личное дело, младший лейтенант. И нашел там много интересного. Вы были арестованы, находились под следствием, дело даже доходило до расстрела. Как вы можете пояснить, этот факт?

– Виноват, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга! Это было по собственной глупости. Да я признаю тот факт, что дал покончить жизнь самоубийством власовцу и предателю Демьяну Денисенко. Да меня подвели под расстрел, но вскоре помиловали и направили в штрафбат. После всего что было, я многое переосмыслил и понял!

– Это самое главное, что вы поняли. Впредь, надеюсь, такого больше с вашей стороны, мы наблюдать не будем! (после секундной паузы) Ну это в прошлом, а сейчас от лица нашего ведомства, я хотел бы вас поблагодарить за проведенную операцию, товарищ старший лейтенант!

Немного опешив, я поправил его:

– Товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга! Я прошу прощения, но вы ошиблись, я всего лишь младший лейтенант!

Абакумов пристально посмотрел на меня. Его брови будто легли на глаза и кивнув головой сказал:

– Да! Пожалуй, вы правы капитан Петровский! А ваша скромность мне (секундная пауза) даже импонирует!

Абакумов приказал Максиму достать из его портфеля погоны и маленькую красную коробочку. Виктор Семенович

подошел ко мне, осмотрел еще раз с ног до головы и сказал:

– Гвардии младший лейтенант Петровский! За умелые действия, проявленные в бою против немецко-фашистских захватчиков, и захватом секретного бункера, вы награждаетесь орденом Отечественной войны I степени с присвоением внеочередного воинского звания капитан. Поздравляю!

– Служу Советскому Союзу! – улыбнувшись, во весь свой голос, произнёс я. И в этот момент мне хотелось почему-то его обнять, как и всех присутствующих здесь офицеров. Детство из меня видимо ни хотело выветриваться, и я словно мальчишка, которого похвалили за отличную успеваемость в школе, переполненный счастьем, чуть было не сорвался.

– Вы свободны, товарищ гвардии капитан! – сказал Абакумов, и улыбаясь прошел за стол Кулагина. Вытянувшись по струнке, отдав воинское приветствие по всем правилам Устава, я тотчас же выбежал на улицу к мотоциклу. Меня охватывало чувство бесконечной радости. Больше всего мне хотелось похвастаться перед ребятами своего полка. Оседлав трофейный BMW, я на всех газах ринулся в расположение. Прибыв на место, мои ребятки уже накрыли стол ожидая моего возвращения.

– Здравия желаю, товарищ гвардии младший лейтенант! – поприветствовал Карасев, протягивая свою мощную руку.

Подойдя к столу, я бросил на стол новые погоны и футляр с орденом.

Столярчук обомлел от увиденного, как и все рядом нахо-

дящиеся. Мой экипаж вскочил с места и по стойке смирно, застегивая свои верхние пуговицы гимнастеров, в один голос произнесли:

– Поздравляю, товарищ гвардии капитан! С заслуженной наградой!

– Да расслабьтесь мужики! Я сам еще ни верю! – улыбнулся я.

Старшина вытащил звезды из погон, орден из футляра, и положил в граненый стакан, залив все это водкой до краёв:

– Сейчас не считается младшой! Обмыть надо, а то плохо носится будут! Пей до дна, доставай зубами!

Гелашвили, поправляя пилотку, поддержал Карасева:

– Да командир, только после этого считается! Обычай такой в армии!

Взяв стакан, я зажмурился, и несколькими большими глотками опустошил его за считанные секунды. Достав зубами звезды, я произнес:

– Товарищи бойцы, гвардии младший лейтенант Петровский, представляюсь по случаю получения внеочередного воинского звания – капитана!

«Ура, командиру!» – воскликнули хором ребята, позвав при этом жестами сослуживцев из других экипажей. После этого мы все сели праздновать. Слава Богу, этот кошмар закончился. А закончился он тем, что мы накрыли лабораторию по производству Первитина, наркотического препарата на основе амфетамина. После употребления, которого, про-

тивник мог не спать и быть активным около трёх суток. Но самое главное и секретное – это те самые блоки для системы корректировки полетов ракеты ФАУ-2, или оружие возмездия Гитлера. Поэтому этим делом и занялись компетентные органы. Вот такие дела. А пока мы праздновали победу и на моей груди была еще одна «дырочка», в которой поблёскивал орден Отечественной войны I степени.

Пролетело время. С начала ноября, нас снова отправили в резерв на доукомплектование. Мы накапливали силы для нового броска на Венгрию. Жене письмо я так и не написал, и решил в ближайшее время не писать. После войны, будет подарком, приеду как снег на голову. А пока, война входила в свою завершающую фазу. Немца из Румынии мы погнали и в нашей победе уже никто не сомневался. Так заканчивался этот тяжелый 1944 год.

Эпизод 24: «Должность»

В конце декабря 1944 года, после долгого переформирования наша бригада вступила на территорию Венгрии, приняв участие в Будапештской наступательной операции. В подробности вдаваться не буду. Скажу только то, что мы гнали врага безостановочно, и фронт покатился далеко на Запад. Третий Рейх доживал считанные дни. В январе 1945 года я решил вступить в партию, подав заявление уже полковнику Кулагину (его вместе с Максимовым, повысили в звании

после прошлых событий). Александр Владимирович сказал, что после взятия Берлина, мне и другим офицерам, которые так же соизволили стать коммунистами, будет вручать партбилет в освобожденной столице. Так якобы более символично.

Немцы, несмотря на своё очевидное поражение, безнадежно оказывали сопротивление. С Востока наступаем мы, с Запада союзники. Гитлер воевал на оба фронта. Благодаря Тегеранской конференции, проведенной в 1943 году, наше правительство смогло добиться от Запада, открытия Второго фронта. Но это всё политика. Обойдем ее стороной. А сейчас, мне хочется рассказать о том, что было с нами в январе этого года, в пригороде Будапешта, после форсирования реки Дунай.

В начале января, мы вошли в город Эстергом. Это был наш опорный пункт и плацдарм, с которого начиналось наступление на столицу Венгрии с севера. После очередного заседания в штадиве, я возвращался в экипаж. Мы расположились в палатках с буржуйками, на открытой местности в пригороде Эстергома. Старшина Карасев сидел за столом с напеченным лицом, и оттачивая опасную бритву, готовился к бритью. Сержант Столярчук с ножницами в руках наводил марафет на голове у Матвеева, а Гелашвили, сидя на корточках, прислонившись к теплой трубе, точил свой золотистый, фамильный кинжал.

– Командир, что сказали в штабе? Когда наступаем? –

спросил Карасев, корча перед зеркалом гримасу, подбривая подбородок.

– Скоро. Принято решение наступать с севера, прямо на Будапешт. Будем поддерживать совместно с самоходчиками седьмую гвардейскую! – задумавшись, сказал я.

Столярчук, вертя на пальцах ножницы, влез в разговор:

– Ну наконец-то! Сколько можно уже то по резервам, то по тылам!

– Тут Яша своя стратегия у командования. Как там наверху решат, так и будет. Мы люди маленькие все равно.

– Командир, хотел спросить! Когда война кончится, чем заниматься будешь? – поинтересовался Матвеев, глядя на меня, своими большими голубыми глазами.

– Как что? Вернусь в институт, доучусь оставшиеся три года. Детишек сделаю. И заживу как человек! – улыбчиво ответил я на его вопрос.

– Ну, ничего Саныч, осталось совсем не много! И вернемся! – подбривая свои виски, произнес Борис Константинович.

– А ты Борь, что после войны? – спросил я.

– Да вернусь в родное село. Открою школу свою, буду детишек обучать! Тут только вернуться надо.

Столярчук задумавшись, снова влез диалог:

– А я ребят не давно, письмо получил из Ксаверовки. У меня сын будет!

Повернувшись к нему Карасев, в голос загоготал:

– Хах догулялся кобель. А я тебе говорил, что нечего хвостом своим вилять налево направо. У тебя ж у самого семья, дети, а ты поскудник на стороне крутишь!

– Да пошёл ты! Я с семьей сколько не виделся! Последний раз писали мне еще в госпиталь в мае 43-го, по-моему. С тех пор молчат. Забыли про отца. Похоронили и забыли! – с тоской в голосе, говорил Яков.

– Поздравляю тебя Столярчук! Вот после войны вернешься и вырастишь! – сказал я.

– Может оно и так! Ладно, давайте пообедаем, пока тревогу не объявили! – хлопая себя по животу, улыбнулся он.

– Доставай все что есть, сейчас доедим его, а то мало ли!

Яков притащил из танка картонный ящичек с тушенкой, и раздал всем по две банки. Во фляжке оставалось немного спирта, и мы его тут же приговорили. После трапезы, все разошлись по своим койкам. Пока ребята отдыхали, я вышел из расположения, забрался в танк и начал гонять рацию, в поисках какого-нибудь концерта.

К вечеру все экипажи обошел наш новый замполит капитан Ильницкий. Он прибыл к нам с новым комполка, полковником Котовым после гибели Аристова. Ильницкий был боевым командиром, находясь на фронте с первого дня войны. После тяжелого ранения под Харьковом, он сильно поправился, и во избежание увольнения из армии, полковник Котов оставил его при штабе, назначив своим заместителем. Капитан увидел, что люки танка настежь открыты, он выта-

щил свой пистолет и начал тарабанить по погону танка.

– Эй, живые есть тут?

– Ну кому там делать нечего? – отключив рацию, и высу-
нувшись в люк мехвода, возмутился я.

– Мне делать нечего, капитан! Вылезай на свет божий! –
усмехнулся Ильницкий.

– Ой, пардон товарищ гвардии капитан! Что-то случи-
лось?

– Давай выходи, поговорить надо! Я все экипажи преду-
предил, вот до твоего добрался. А то вы разбросаны по всей
территории.

Выбравшись из танка, мы отошли с ним на несколько мет-
ров.

– Давай закурим по одной? – предложил он, открывая
свой портсигар.

– Что за дело? Наступление скоро?

– Да. Приказ Ставки! Шестого января нанести удар север-
нее Эстергома, по северному берегу Дуная, с выходом на Ко-
марно. Наша задача обойти Будапешт, и не дать прорваться
к нему силам 6-й танковой армии СС. Займем все переправы
и возьмём их в клещи.

– Я все понял, товарищ капитан! Значит, скоро в бой! –
встрепенулся вдруг я.

– Ишь ты как я тебя обрадовал! Готовьтесь как следует!

– За то ни беспокойтесь, товарищ капитан! Ни в первой
в таких делах!

– Ну, вот и славно! Ах да чуть не забыл, я тут еще в штабе подслушал, говорят командир взвода слёг в госпиталь, и вроде бы хотят тебя на его место назначить!

– Меня?

– А почему нет? Полковник Кулагин лично тебя рекомендовал перед Котовым. Звание тебе позволяет! Ты парень грамотный, орденосец. Пора уже расти!

– Спасибо за доверие, товарищ капитан!

– Я лично буду ходатайствовать на этот счет! – достав блокнот, и сделав пометку, сказал Ильницкий.

– Надо дожить еще сначала до этого момента, а то послезавтра уже в бой. Всякое может случиться! – произнес я, придавливая папиросу каблуком в снег.

– Ничего страшного! Я постараюсь за день это исправить! Ты более подходящая кандидатура! Ладно, капитан, я пошел дальше, а ты жди распоряжения!

Мы пожали друг другу руки и отдав воинское приветствие, разошлись по своим местам.

– Шо товарищ гвардии капитан, завтра в бой? – подслушав наш с замполитом разговор, спросил Столярчук.

– Послезавтра. Давайте приводите в порядок машину! Чтоб все в ажуре было! – приказал я.

– Слушаюсь! – нырнув обратно в палатку, ответил Столярчук.

Весь вечер четвертого числа, и весь день пятого, мы основательно готовились к предстоящему наступлению. Сосед-

ние экипажи, так же пребывали в полной боевой готовности. К 17:00 часам, к нам в распоряжение прибыл командир полка полковник Котов, начальник особого отдела полковник Кулагин, и заместитель по политчасти капитан Ильницкий. Замполит приказал построиться всем экипажам в одну шеренгу, и мы стрелки выстроились на передке.

Полковник Котов пробежался глазами по всем присутствующим, и после некоторой паузы произнес:

– Товарищи, танкисты! Завтра мы идём в бой! Перед нами фашистское логово, поработившее Венгрию! Наша задача выбить мерзавцев, не давая им возможности уйти в тыл! Сегодня, в этот день, я хотел бы выделить несколько командиров из ваших экипажей! В руках у меня, приказ о новых назначениях и наградах, которые наконец-то нашли своих героев! (открывая красную папку, он продолжил)

- Командир танка № 3, лейтенант Авдеев, выйти из строя!
- Наводчик танка № 3, ефрейтор Батюк!
- Командир танка №9, старший лейтенант Суслов!
- Механик-водитель танка №9, сержант Соколов!
- Командир танка № 112, младший лейтенант Бестужев!
- Заряжающий танка № 112, сержант Чумак!
- Командир танка № 7, капитан Петровский!
- Заряжающий танка №7 старшина Карасев, и стрелок-радист сержант Столярчук, выйти из строя!

Одним длинным шагом мы тотчас же вышли вперед.

Полковник, посмотрев на нас, вскоре добавил:

– Все те фамилии, которые я назвал! На вас пришли наградные листы. Все вы, несколько лет назад принимали участие, в самой трагической и героической обороне Сталинграда! Поэтому, спустя столько времени, награда все-таки дошла до вас! – сказал Котов, после чего подойдя к каждому бойцу с замполитом, лично закреплял на груди пришедшие медали «За оборону Сталинграда». Остановившись на мне, он добавил:

– А вы, если я не ошибаюсь, Петровский?

– Так точно, товарищ гвардии полковник, командир экипажа номер «7» гвардии капитан Петровский!

– Для вас у меня особое распоряжение! Капитан Ильницкий мне предложил вашу кандидатуру, на должность командира танкового взвода.

– Спасибо, товарищ гвардии полковник! Постараюсь оправдать доверие!

Котов, откинув ворот моей телогрейки, прикалывая медаль, сказал:

– Какой иконостас у тебя на груди! Мальчишка еще совсем, а наград сколько имеешь!

– Так получилось, товарищ гвардии полковник! – скромно опустив глаза вниз, ответил я.

– Сразу видно активный участник боёв. С какого времени на фронте?

– С июля 41-го!

– М-да... Война эта мать её, таких ребятешек молодых

перемалывает! Ну да ладно! Видимо мы с руководством не ошиблись на твой счет!

Пожав друг другу руки, он добавил:

– Принимай первый взвод, гвардии капитан! Завтра поведёшь своих товарищей в бой! Головой зря ни рискуй! Наград на твой век хватит!

– Спасибо товарищ гвардии полковник! Только я воюю не за награды, а за Родину!

– Похвально! – похлопав по плечу, отошел вскоре на некоторое расстояние, и отдавая честь, произнес:

– Благодарю за службу товарищи офицеры!

– Служим Советскому союзу! – прозвучал хоровой ответ.

– Вольно, разойтись по экипажам!

Познакомившись с моим новым взводом, я выяснил, что в моем подчинении входило всего три танка, и соответственно три экипажа: машины лейтенантов Карякина и Красникова и старшего лейтенанта Сулова. После награждения, мы собрались в общей землянке, и обговаривали предстоящее наступление. Поздно вечером, когда мои подчиненные легли отдыхать, я сел у печурки, снял все свои награды, и завернув их в платочек убрал в вещмешок. Складывая личные вещи, я задумался, что в свои двадцать три года, за все время этой страшной войны, я дослужился до капитана, мою грудь

украшают несколько нашивок за ранение, три ордена и три медали.

«Эх, видела бы сейчас меня моя супруга!» – засмотревшись на платочный сверток, подумал я. Вдруг мои мечтания, прервал невероятный храп Карасева. Он храпел так сильно, что даже мотор нашей «семерки», в сравнении с ним, просто легкий стрёкот. Посмотрев на них на всех, меня немного охватывало чувство страха. До этого я нес ответственность только за свой экипаж, а теперь руководство доверило мне целый взвод. Целых пятнадцать человек за которых я в ответе, поведу завтра на смерть.

Из-за этих переживаний сна конечно же не было, и накинув на плечи телогрейку, вышел из палатки покурить и насладиться природой.

Знаете ли вы венгерскую ночь? О, вы не знаете венгерской ночи! В нее нужно всматриваться. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздвинулся еще необъятнее. Зимняя ночь, наполненная хладными тайнами, накрывает собою город, словно невесомым, но леденящим покрывалом. На земле искрится пушистый снежок, приятно хрустящий под ногами, в воздухе витает морозный аромат зимы и разогретых консервов, раздающийся из соседней палатки. Оголённые и невзрачные деревья от холодного шёпота ветра сковываются белым инеем, постепенно превращаясь в сказочные растения из неведомых миров. Обыденный город перевоплощается в волшебные владения самой царицы Зи-

мы. И вокруг так тихо и спокойно, что ни вольно начинаешь забывать про этот завтрашний бой, да и про войну вообще! Наши сапоги дошли до самой Европы, открыв врата в логово неприятеля, дабы навсегда покончить с этой коричневой чумой.

– Эхе-хе! – произнес я тихим голосом, выдыхая табачный дым папиросы. Простояв еще пару минут, я вскоре вернулся в расположение. В нашей палатке темно. Только маленькая буржуйка, слабо горящая в титановой бочке, своим тусклым светом разгоняет этот мягкий мрак. Тишина. Лишь изредка загадочное безмолвие нарушается неведомыми звуками Карасевского храпа и матершиной, исходящей от Столярчука в адрес старшины. Улыбнувшись этого всему, я прилёг возле печки и закрыв глаза, убыл в мир сновидений.

Утро. На улице было еще темно, только белый венгерский снег, простирался по всей передовой. К шести утра, приведя себя в порядок, мы заняли боевые позиции. Позади нас прибыли самоходчики седьмой гвардейской армии, для поддержки огнём стрелковых частей. Включив радиостанции, мы ждали приказа о начале наступления.

– Всем «коробочкам» внимание! – раздался голос в наших шлемофонах, – Держаться строго за пехотой! Следить за окнами и подвалами! Самоходки будут в двухстах метрах от вас. За родину ребята!

Три зеленые сигнальные ракеты, взмыли над нашими позициями. Пехота с криками «Ура!», рванула вперед, и следом двинулись мы.

– Женя заводи! – приказал я мехводу оценивая обстановка в свой триплекс, – Взвод! Делай как я! Вперед!

Наш взвод сорвался с места, догоняя другие экипажи. Картина мне напоминала бои под Киевом. Тот же снег, такая же погода, только другая страна и уже другие люди. Немцы, увидев наши наступающие части, пустили в бой свои танковые подразделения, открывая параллельно огонь из артиллерии.

– Капитан, «пантера» на три часа от нас! – прокричал в шлемофон Яков.

– Карасев! Подкалиберным!

– Есть подкалиберный!

– Яша, угломер 15-25, ближе сорок, правее шестьдесят, беглым под крест!

– Выстрел!

– Есть попадание, товарищ капитан! Откат нормальный!

– Ещё один вылез на дорогу у переезда!

– Боря, броневой!

– Яшка, на прямой наводке, под ствол!

Бах! Прозвучал выстрел, казенник откатился, скидывая стреляную гильзу.

– Мажешь, Яша, мажешь давай еще раз!

Карасев загнал еще один снаряд.

– Выстрел!

Вылетевший снаряд попал в башню «пантеры», сместив её с оси танка.

– Ха! Молодцы хлопцы! Впереди пехота противника! Яша есть работенка!

Столярчук, взведя затвор Дегтярёва, открыл меткую стрельбу по бегущему за переправу врагу.

– Карасев, осколочно-фугасный!

– Яков, по бегущему противнику, огонь мать твою!

– Есть, командир! – прозвучал мне в ответ, грузинский акцент.

После удачно проведенного боя, мы захватили все переправы, идущие к Будапешту. Это вынудило немцев, остановить продвижение на столицу, и повернуть свои войска на север. Ночью шестого числа, мы ворвались на окраину Комарно, где заняли оборону.

К нам на соединение, прорывались войска 3-го Украинского фронта. Вскоре, соединившись с 4-й гвардейской армией, 5-й гвардейским кавалерийским, 18-й танковым и 1-й гвардейским механизированным корпусом, мы разгромили основную группировку противника, предпринимавшие контрудар, в западной части Будапешта. После этой железной «мясорубки», вплоть до семнадцатого числа на занятых нами рубежах, были бои местного значения.

К восемнадцатому числу немцы, собрав свои силы в кулак, перебросили пять танковых дивизий и при поддержке

авиации, предприняли контрудар из района севернее озера Балатон. Своим превосходством, противник теснил соседей, на 50-60 километров. Нам был отдан приказ, об оказании помощи 3-му Украинскому фронту, и выдвигаться в район Секешфехервар, к озеру Веленце.

К исходу двадцатого января, мы прибыли в полном составе, и заняв оборону на озере, в ожидании противника.

Вдруг, из-за холмистой местности, выплывала вся элита танковых войск СС, в состав которых входили королевские тигры, ягдпантеры, штюги.

Оценив обстановку, я приказал своему взводу, занять оборону по флангам, а сам играл роль приманки.

Перейдя на передачу, я озвучил приказ:

– Экипажи лейтенантов Карякина и Красникова, вы располагаетесь по флангам. Стрелять только с того момента, когда немцы пересекут ваш прицел.

Экипаж Сулова занимает оборону правее от меня на пять часов. Я буду заманивать их в центре! В лоб мы их не возьмем! Броня у них слишком велика, калибр у нас слишком мал!

Экипажи разъехались по местам. Я судорожно наблюдал за тем, как вся эта орда двигалась прямо на нас.

– Спокойно хлопцы, спокойно! Тут главное не мазать! Карасев, броневойный!

Достав с полки снаряд, Боря дослал его в казенник:

– Есть командир!

– Отлично! Яша, выводи на прямую наводку!

– Капитан, а если не получится? Это сейчас они нас не видят, а после нашего выстрела, мы раскроем свои позиции, и тогда поминай как звали! – нервно, сказал Матвеев.

– Не бзди, Евгений! Я так уже делал, однажды! – похлопав его по шлемофону, подбадривал я.

– Ну, тогда ладно! – дрожащий голосом, заулыбался Матвеев.

И вот немецкий «зверинец» окончательно выехал из-за холма и двигался прямо на нас.

– Метров триста, капитан уже, когда огонь? – утирая пот, спросил судорожно Гелашвили.

– Тихо Яша, тихо! – держа руку на спусковом крючке, сказал я.

– Вай командир, стреляй же, ну чего же ты ждешь? – вскипела кровь, грузинского наводчика, и он закрыл ладонью своё лицо.

– Еще чуточку... давай, давай сука иди ко мне! (пятисекундная пауза)

– Всем экипажам! Огонь!!! – прокричал я в шлемофон.

Все мои танки открыли шквальный огонь по бортам «железных монстров». Немцы, заметив откуда ведется обстрел, развернули свои машины, и открыли огонь в ответ.

– Маневрировать!!! Маневрировать, иначе погубите себя! – кричал я в эфир экипажам.

Немецкие танки, один за другим, вспыхивали словно спички. От прямого попадания, заживо сторел экипаж, лейтенанта Красникова. Противник, понимая, что преимущество уже явно не на их стороне, стали отступать. В порыве ярости, я отдал команду на преследование:

– Догнать, сволочей! Не уйдут!

Мы ринулись догонять уходящего противника, как вдруг по радию, матом пытался остановить нас, комполка Котов:

– А ну назад мать твою! Куда ты прешься? Себя и ребят погубишь! Быстро отдай приказ об отступлении, иначе под суд пойдешь!

Выслушав в свой адрес всякие яркие и выразительные слова, я отдал приказ об отходе к исходным рубежам. Возвращаясь на позиции, мы подвели итоги наших боёв. На нашей машине, было насчитано восемнадцать попаданий, на машине Суслова тридцать пять, легко ранен командир «тройки» лейтенант Карякин. Пал смертью храбрых, лейтенант Красников, от прямого попадания в башню. Подойдя к его горящему танку, мы заметили то, что хоронить там было уже некого и нечего. Обугленные тела, рассыпались бы в наших руках при их эвакуации.

Таким образом, мы не дали возможность, противнику соединиться с окруженными частями в Будапеште. После продолжительных и ожесточенных боёв, 13 февраля столица Венгрии была полностью очищена от немецких войск.

Получив дальнейшее распоряжение, мы передислоциро-

вались в город Секешфехервар, где снова войска получали пополнение боеприпасами и людьми. Впереди нас ждал бросок на Австрию!

Эпизод 25: «Судьба непредсказуема!»

К марту 1945 года, наша армия была передана в распоряжение 3-го Украинского фронта. Перед нами стояла задача, измотать группировку противника находящиеся в районе озера Балатон и развивая наступление выйти к городу Шопрон. Ведя упорные бои, советские солдаты безостановочно продвигались к австро-венгерской границе.

Апрель. Город Винер – Нойштадт. От командира полка мы узнали, что в наше расположение должен прибыть с инспекцией, член военного совета, генерал-лейтенант Тевченков А.Н., якобы для координирования и слежения за дальнейшим ходом операции.

Чуть позже нам выдали новую форму, приказали надеть ордена и ждать приезда генерала. Разъезжать по фронтам, таким высокопоставленным людям было крайне опасно. Германская разведка скорее всего знала об этом событии, и будет готовиться к ней основательно, чтобы захватить или устранить такого видного деятеля.

Город и его окраины оцепили войска НКВД. Мы же выставили наши машины на дорогах, где должен был следовать кортеж. К полудню, по проселочной дороге, прибыли два мотоцикла из батальона разведки, один бронетранспортер, две фронтальные ГАЗ–М1 и замыкала эту колонну бронемашин БА-10.

Генерал, проехав мимо нашего строя, прибыл в центр города, в штаб армии.

– И шо, это все? – удивленно спросил Столярчук.

– А что ты хотел, это ж сам член военного совета! Ему сейчас не до тебя! – усмехнулся я.

– Нет, ну просто так готовились, даже форму новую выдали!

– Эээ, дорогой, разве тебе плохо? Форма прямо с иголки, вай! – выглядывая из-за Карасева, сказал Гелашвили.

– Меня интересует только одно, долго ли мы так будем стоять? – спросил я.

Ильницкий стоя рядом, произнес:

– Сейчас они скроются за углом Шлиссштрассе, и разойдемся!

Как только генеральский кортеж завернул на улицу Шлиссштрассе, замполит дал отмашку на отбой.

– Фух, наконец-то! Жарко как то, не правда ли капитан? – снимая пилотку, сказал старшина.

– Да уж! Весна в Европе ни как у нас на родине! И воздух, какой-то другой! – расстегивая пуговицы гимнастерки,

произнес я.

– Ты чего, командир? По родине затосковал? – улыбнулся Яша.

– Да есть немного ребятки! Ничего! Осталось немного! Сейчас Вену возьмем, а там и до Берлина рукой подать.

Яков подошел к указателю на дороге, и воскликнул:

– Вот смотрите граждане танкисты, Берлин почти шестьсот километров на север!

– Жалко фотоаппарата нет, сейчас бы сделали групповой снимок, на память! – облокотившись о броню, сказал я, – мы же будем встречаться после войны с вами? – добавил я.

– Конечно командир! Мы с тобой считай, от самого Днепра идем, и слава бабе Норе, пока все хорошо! – ответил Столярчук.

– Ладно! Столярчук и Гелашвили, посылайте за обедом! А то с утра ничего не ели!

– Есть товарищ гвардии капитан! – в голос ответили они, и тотчас же отправились к полевой кухне.

Матвеев повис на люке и о чем-то глубоко задумался. Закуривая трофейные немецкие сигареты, я подошел к нему:

– Жень, ты чего задумался?

– Да так командир, ни о чем! – с тоской в голосе, ответил он.

– Случилось что может? С домашними проблемы?

– Да ну нет!

– Нет, ну я как командир обязан спросить, что случилось?

Давай выкладывай! Болит, может что?

Немного промолчав, Матвеев шмыгая носом, ответил:

– Болит, командир... болит!

– Что именно?

– Душа...наваждение какое-то страшное, последнюю неделю настигает... Дай закурить командир?

– Ты же не курил? Ну, на конечно, отравы-то не жалко! – протягивая ему зеленую пачку германских сигарет.

– Хех, боюсь убьют, а я так и не попробую покурить! – усмехнулся он.

– Да перестань ты! Ты просто устал. У всех, наверное, сейчас такое чувство! Война эта все соки из нас выжила! – успокаивал я его.

– Ладно, командир, брось. А вон и ребята идут с обедом! Сейчас поедим, может и настроение поднимется! – выбросив половину выкуренной сигареты на землю, сказал он.

– А вот это по-нашему! – выкинув свой окурочок, и приобняв его за плечо, пошли к столу.

Обед у нас был как обычно. То шутки, то анекдоты, то еще что-нибудь. Насытившись до-упаду, ребята развалились на побитых кучах соломы, а я залез в танк, и заняв место Столярчука, начал снова гонять радиостанцию. В эфире проскальзывали немецкие переговоры, с которых я быстро переходил на другие волны, в поисках выступлений знаменитых артистов. Настроение было приподнятое. Наслушав-

шись вдоволь Лидию Русланову, я отключил радиостанцию и по пояс вылез из танка. Ребята мои до сих пор спали, развалившись на траве у нашей машины, и я наблюдал за ними сверху. Вдруг из-за угла Шлиссштрассе, медленно стал выезжать кортеж генерала, следуя по улице к центральному КПП. Генерал Тевченков высунувшись из окна своего автомобиля, пристально осматривал солдатский быт.

Генерал проехал мимо нашего экипажа и тотчас же остановился в двадцати метрах. Он вышел из машины со всей своей свитой и охраной, оправился и пошел в нашу сторону. Я только и успел спрыгнуть с брони, предупредив ребят, которые тут же проснулись.

– Так, это что такое? Это что за безобразие? Кто командир? – грозно, спросил он.

– Гвардии капитан Петровский, товарищ генерал-лейтенант! – вытянувшись по струнке, ответил я.

– Гвардии говоришь? У нас что, так разве выглядит гвардия? Ты посмотри на своих разгильдяев, на кого они похожи? Война еще не кончилась капитан! Твое счастье, что завтра наступление! А то мигом бы вас на гауптвахту определил!

– Виноват товарищ генерал-полковник! Исправимся!

– Исправятся они! Завтра посмотрим! А сейчас, строгий выговор с занесением в личное дело тебе и твоим оболтусам! Запиши Шиндяпин! (приказал он рядом стоящему адъютанту) И фамилии их запиши, после боя жду у себя! Буду

к порядку приучать! Позоришь тут стоишь высокое звание капитана советской армии! Если погоны жмут сейчас мигом уровню тебя вместе с твоим экипажем! Хочешь войну сержантом закончить? – разорвался он так сильно, что брызгал слюнями на мою гимнастерку.

– Спасибо, товарищ член военного совета, но сержантом, я уже был! – злобно ответил я.

– Да ты щенок еще смеешь пререкаться со мной?

– Никак нет, товарищ генерал! – с призрением глядел на него я.

– В общем так, после боя посмотрим! – разъярённым отправился к машине, после чего напоследок добавил:

– Мальчишка! Поехали Шиндяпин! – хлопнув дверью, они сразу удалились по дороге за горизонт.

Опешившие Кулагин и Ильницкий подбежали ко мне:

– М-да капитан, нарвался! Это ни Зубов! Этот круче! – сказал Кулагин, вертя головой.

– И действительно, генерал очень злопамятный, и крайне мстительный! – добавил замполит.

– Да и хрен с ним! Расстилаться ни перед кем я не собираюсь! Будет он еще моих ребят оскорблять! – ответил я сквозь зубы, и отправился к экипажу.

– Алексей, стой! – воскликнул замполит, ринувшись за мной.

– Ладно, оставь его! – пробормотал Кулагин, – после наступления попробуем успокоить генерала, по своим кана-

лам.

– Ну, ты капитан с нравом конечно! Ты представляешь, что он с тобой сделает! – обалдевшие от происходящего, говорили мои бойцы.

– Поживем, увидим! Дайте пройти! – оттолкнув их, я снова залез в танк, и чтобы как-то успокоится, закурил сигарету, и включил радиостанцию.

Нервно выдыхая дым, я крутил ручку передатчика в поисках частот. Так как я очень остро реагировал на критику в свой адрес, в мыслях мне хотелось пристрелить этого генерала, настолько сильно он меня завел. Я был совершенно спокойным и даже несколько трусливым человеком. Боялся влезать в различные передряги. Был типичным очкастым ботаником, но война сделала своё дело. Война выворачивает всё нутро наружу, показывая все самые мерзкие качества.

Спустя полчаса, я услышал топот по броне. Приятная физиономия Кулагина, появилась в проёме моего командирского люка.

– Ну, чего ты раскис? – спросил он, сверкая фляжкой со спиртом.

– Да нормально все, товарищ полковник, отпустило! – сказал я, сняв шлем.

– Давай дернем по одной? Но не более того! Завтра наступление.

– А давайте!

– Я пока налью, а ты включи, что-нибудь на передатчике,

там Орлова или Утесов петь где-то должны!

Подставив стакан, я вытащил гарнитуру и поставил на громкую связь. Мы выпили по одной. Закусили. Подкручивая ручку передатчика, я вдруг вышел на волну, откуда шел призыв о помощи: «...повторяю! Все, кто нас слышит! Мы попали в засаду! Нам нужна помощь! Да есть тут кто-нибудь?»

Кулагин, задержав стакан у рта, нахмутив брови, спросил:

– А кто это может так передавать? Фронт-то не близко от нас!

– Ну так-то да! Рация на большие расстояния не потянет! – недоумевающе, ответил я.

– А ну-ка, переходи на передачу!

Переключив рычаг, я принял сигнал:

– Кто это передает? Как слышите меня?

Голос на приеме: «Говорит Шиндяпин, адъютант Тевченкова! Нам нужна помощь, немцы зажимают нас со всех сторон! Генерал ранен! Ведем бой! Прошу помощи!»

Посмотрев друг на друга, я спросил:

– Сообщите ваши координаты? Где вы находитесь?

После некоторого молчания, по рации была слышна интенсивная стрельба, после чего прекратилась:

– Мы в двух километрах от вас, в районе Золленау!

– Что делать командир? – спросил я.

– Поднимай свой взвод на подмогу! Вы быстрее доберетесь на полном ходу до них, а мы следом! – приказал Кула-

гин, вылезая из танка.

Я следом за полковником, вылез наружу и созвал свой экипаж к танку. Кулагин побежал за батальоном внутренней охраны НКВД.

– Ребята давайте быстро по машинам! Надо выручить генерала! – приказал я.

– О командир! Есть шанс реабилитироваться! – засмеялся Столярчук.

– Отставить, юмор сержант! – дерзко, ответил я.

– «Первый взвод, за мной! Марш!» – передал по радиации, остальным экипажам, после чего сорвавшись с места, мы помчались на выручку к генералу.

– Простите меня ребят, что накричал на вас! – ни с того ни с сего произнес я.

– Да ты чего капитан, успокойся, переживём как-нибудь! – взяв меня за плечо, улыбнулся Карасев.

Улыбнувшись в ответ, я положил свою руку на его ладонь. В эту самую минуту, мне почему-то показалось, что я вижу их последний раз.

Стрельба усиливалась по мере нашего приближения.

– Командир смотри, вон они! – сказал Матвеев, смотря в открытый люк.

– Столярчук, отсекай пехоту! – приказал я.

Тот, схватив пулемет начал косить врага, все ближе подходившего к генеральскому кортежу.

– Осколочный, Боря!

– Яша, по противнику работать как ювелиру! Не зацепи своих!

– Понял командир! Сейчас мы из них чахохбили сделаем! – раскручивая маховики прицеливания, с иронией сказал Гелашвили.

Мы ворвались на переезд, где был разбросан кортеж. Остановившись, ребята из всех стволов открыли огонь.

– Прикройте меня! – приказал я, и прихватив автомат полез наружу.

– Куда ты дурак? Убьют же! – закричал Карасев, останавливая меня, схватившись за сапог.

– Отпусти старшина!

Он отпустил мою ногу, и я мигом ринулся к генералу.

Тевченков спиной прислонился к заднему колесу своей М-ки. Он был ранен в плечо, и пытался прижать рану второй рукой, в которой находился пистолет. Я подбежал к нему, разорвал на себе гимнастерку и убрав его руку, перетянул своим же обрывком место ранения.

Наблюдая за этой картиной, генерал тихо произнес:

– Забери документы, сынок! (протягивая мне портфель, на котором висели наручники) Меня убьют, не допусти, чтоб документы попали к врагу!

– Ничего подобного, товарищ генерал! Я вас вместе с ними вытащу! Только, при одном условии! – пошутил я, пытаюсь разрядить обстановку, – вернемся обратно, вы сдержите слово, и сгноите меня на «губе»!

– А вон ты к чему! Ну, да! Кто если ни я, тебя стервеца, к порядку приучит! – засмеялся он, постанывая от боли.

– Вот-вот, товарищ генерал! Давайте обопритесь на меня, сейчас поедem обратно с ветерком! – сказал я, взваливая его на свою спину.

Карасев отстреливаясь из командирского люка, заметил нас и выбежал на помощь. Подхватив его за ноги, мы положили генерала на двигательный отсек.

– Уезжайте в тыл, срочно! У него важные документы! Он умрет если ему помощь не оказать сейчас! – кричал я, махая рукой.

– А ты как же? – крикнул в ответ Карасев.

– За меня не беспокойтесь! Тут раненых полно, я пока им помогу! Мы с ними задержим немцем!

– Не дури капитан, мать твою! Ты тут остаться навечно захотел?

Достав свой пистолет, я сделал пару выстрелов в воздух:

– А ну быстро в тыл спасать генерала, иначе под суд отдам! – накричав на Карасева, я направил на него свой ТТ.

Генерал, поманив меня своей окровавленной рукой, сказал:

– Возьми, сынок мой пистолет. Тебе с ним сподручней будет!

Посмотрев на него, я взял пистолет и ударив по броне, приказал уходить.

– Мы вернемся за тобой, капитан! – воскликнул Матве-

ев, сдавая назад, и на полном ходу рванул в сторону нашего расположения.

Немцы, действительно зажимали со всех сторон. Видимо это были прорывающиеся части войск СС из окружения. Благо экипаж лейтенанта Карякина подоспел вовремя. Под шквальным огнем противника, я подполз к адъютанту Шиндяпину. Он лежал у бронемашины с перебитыми ногами и автоматом в руках. Стрельбу вели, оставшиеся в живых мотоциклисты, из батальона охраны.

– Ну как ты, Шиндяпин?

– Хреново, капитан! Ног не чувствую совсем! И холодно...

– Погоди родной! Сейчас жгут наложу! – сняв с себя и с него ремни портупей, что есть силы затянул на обеих нижних конечностях. Обмакнув палец в крови, написал на ремне время наложения. Шиндяпин завизжал от боли, и на некоторое время потерял сознание.

– Все, жить будешь! Ты посиди пока тут, а я других посмотрю! – сказал я, сидевшему без сознания адъютанту.

Переползая с места на место, я вел прицельную стрельбу по окружающему нас противнику. Заметив у мотоцикла раненого пулеметчика, я начал ползти к нему, как вдруг над моей головой просвистела очередь. Уткнувшись лицом в землю, и прикрывая голову руками, я почувствовал резкую боль в локте. Пуля прошла вскользь, а я этого в горячке не заметил. Рука перестала слушаться. Она висела как плеть. За-

жав рану рукой, сквозь пальцы начала сочиться темная кровь. Нас оставалось все меньше, а немцы вплотную подходили к нам.

Сашка Карякин отстреливался со своим экипажем как могли. Башня его танка была повреждена выстрелом из гранатомета, вдобавок разорвана правая гусеница. Ведение огня из пушки было невозможным. Продолжая отстреливаться из пистолета, от кровопотери я стал терять сознание. Где-то вдали, мне послышался отчетливый лязг гусениц. Прищурив глаза, я увидел своих ребят, несущихся ко мне на вырубку. За ними на бронетранспортере мчался и сам Кулагин. Ворвавшись в эпицентр боя, прибывшая подмога, открыла огонь из всех орудий. Матвеев прикрыл меня от пуль остановившись передо мной. Карасев и Столярчук спрыгнули с танка и подхватив меня за руки, взвалили на броню.

– Да, что вы меня как бабу то лапаете? Я в порядке! – пробормотал я.

– Давай командир не глупи! Залезай, и поехали отсюда! – прокричал Матвеев.

Прибывшие на место Кулагин и экипаж Сулова, ликвидировали прорывающийся отряд эсэсовцев. Стрельба прекратилась.

Кулагин, разъяренный, с автоматом в руках, подбежал ко мне, и хватая за грудки не стеснялся в выражениях:

– Ну, ты как? Герой твою мать! Живой? Если не генерал, то я тебя самолично под трибунал отдам! Это что еще за фор-

тель?

– Я должен был остаться, Александр Владимирович! – улыбаясь ему в лицо, говорил я.

– Ты вообще, чем думал, когда решил это? А? Я очень сильно сомневаюсь, что головой! – размахивая руками, возмущался он.

– А там нечем думать, товарищ полковник! – влез в разговор Столярчук.

– Да ну все ж хорошо кончилось? Генерал жив? – спросил я, облокотившись за его плечо.

– Да что с ним будет-то? Генерал он и есть генерал! Они не умирают, им партия запрещает! А ты, дурья твоя башка, ни генерал еще и беспартийный! – перейдя местами на матерные словосочетания, продолжал ругаться Кулагин.

– Да, как на счет моего рапорта о вступлении в партию? – спросил я, отвлекая его от темы.

– Никак! Хрен тебе, а ни вступление в партию! – махнув рукой, он ушел в машину.

– Александр Владимирович? Ну, товарищ полковник, подождите! Видите, я ранен, а вы ругаетесь! Ну, постойте же! – догоняя его, говорил я.

Карасев остановил меня и улыбаясь сказал:

– Да отстань ты от него! Переживает за тебя мужик! Ты ему как сын! Поэтому он и беситься, что ты зря головой рискуешь! И, кстати! Несмотря на чины, мы тебе тоже в отцы годимся между прочим, и тоже по-отечески имеем право те-

бе задницу надрать!

Я был бесконечно счастлив в это момент, находясь рядом с моими ребятами. Обняв их всех, я забрался на танк и сел на башню свесив ноги.

Кулагин уже тронувшись с места, начал следовать в расположение. Экипажи Карякина и Сулова я пропустил первыми, а сам с ребятами отправился замыкающим. Пристроив свою прострелянную руку на открытый люк танка, я достал пачку сигарет и закуривая любовался просторами Австрии.

Солнце понемногу скрывалось за горизонтом. Позади нас на перекрестке, было много трупов, вышедших из окружения немецких солдат, и догорающая техника генерала Тевченкова. На пути к нашему расположению, ничего ни предвещало беды. Казалось, что противника в нашем округе уже нет, как вдруг из лесного массива, огибавшего дорогу до Винер – Нойштадта, показался вражеский арьергард.

Они тянули противотанковое орудие Рак 40, которое было развернуто в считанные секунды. Повернувшись направо, я слишком поздно заметил орудие противника, и не успев предупредить своих ребят, в правый борт нашего танка, с небывалым визгом, ударил вражеский снаряд. От попадания, танк сразу же загорелся изнутри. Взрывной волной меня смело с танка на дорогу, перебив осколками ноги. Почувствовав нестерпимую боль в ногах, я попытался подобраться к моему танку, но буквально через мгновение детонировал наш оставшийся боекомплект. От взрыва, у нашего танка сорва-

ло башню, да так сорвало, что она подлетела на несколько метров ввысь.

Услышав душераздирающий призыв о помощи мехвода, я попытался доползти до горящей машины, чтобы спасти выходящего из переднего люка Женю Матвеева. Показавшись в пол тела, с окутанной пламенем гимнастеркой, он повис на пороге люка. Преодолевая боль, я со звоном в ушах, горящей спиной, и перебитыми ногами, полз к нему. Позвать на помощь я не мог. В тот момент, когда пламя охватило боевое отделение, огонь поразил дыхательное горло.

Остальные экипажи вели бой, подавляя огневые точки противника. Подбежав ко мне, ребята накинули на мою спину плащ-палатку, и после того, как сбили пламя они оттащили меня сусловский танк. Указывая обожженными руками на свою машину, башня которой уже отсутствовала, я пытался промычать ребятам, чтобы спасали остальных. Но в горячности боя и от стоящей перестрелки, они быстро взвалили меня на бронетранспортер Кулагина.

Александр Владимирович, с автоматом в руках отстреливался от засевшего за деревьями противника.

Дав отмашку рукой, он кричал:

– Увозите в тыл! Шевелитесь мать вашу! Мы их задержим!

Бойцы бросили меня в кузов прямо на убитых ребят, и тронувшись с места, бронетранспортер помчался в тыл. Лежа на уже умерших бойцах, я перестал воспринимать мир

таким, каков он есть. Лицо было иссечено осколками. Кровь, сочившаяся из лба, тонкой струйкой заливала глаза. Ноги в рваных и обгаренных кровью галифе, висели ни в какую ни слушаясь. Тело окутал невыносимый холод. Торчащая перед моим лицом изуродованная рука неизвестного мне бойца, двоилась в глазах.

– Не довезут, – шептал я, сквозь сочащуюся из рта кровь, – не довезут... В глазах резко все побелело, и моё дыхание остановилось.

Странный холод окутал мое изуродованное тело. Почему так тяжело дышать? Почему я не могу открыть очей своих? И почему я слышу посторонние голоса? И самое страшное то, что я иду на этот голос. Он, будто зомбируя, призывает меня к чему-то. И я не могу с этим ничего поделать. Я все иду и иду. Вдруг я уперся во что-то твердое и холодное, оно ни дает мне вступить и шагу. Как вдруг, откуда ни возьмись прозвучал голос: «Открой глаза!»

Открыл. Передо мной стоял большущий трон, повернутый спинкой ко мне. На этом троне сидел некто, и страшно молчал. Я хотел разглядеть его внешность, но все тщетно. С какой стороны я бы не подошел, он постоянно обращен ко мне спиной. И прекратив попытки в поисках истины, этот некто все же заговорил со мной:

- Боишься смерти?
- Не боюсь...
- Ты тронут тленом.
- Я спасусь!
- Не видишь света.
- Просто сплю.
- Что видишь?
- Годы. Жизнь свою.
- Пришёл твой час.
- Далече он.
- Вот я стою!
- Ты – страшный сон?
- Нет, я мудрец!
- Конец твой близок.
- Не конец.
- Не веришь мне?
- Тебя тут нет.
- Поверь глазам.
- Не вижу свет.
- Поверь ушам.
- Они глухи.
- Дыханью верь!
- Оно молчит.
- А сердце?
- Тоже не стучит
- Куда уходишь ты?

- Во тьму...
- Живёшь ты разве?
- Я... Живу...
- Я так не думаю.
- Уйди!
- Глаза закрыл бы.
- Пощади...
- Я не могу.
- Но почему?
- Вот так.
- Я не хочу во тьму...
- Не важно это.
- Как же так?!
- Идёшь во тьму...
- Иду во мрак...
- В моих руках ты.
- Отпусти.
- Ты задержал меня.
- Прости...
- Готовься.
- С духом соберусь...
- Боишься смерти...
- Да... Боюсь...
- Вернуться хочешь?
- Да хочу!
- Зачем же? Ты уже в раю!

– Но там же вся, моя семья!

Мне умирать ни как нельзя!

– Смирись сынок, уже ты умер!

Возврата боле нет назад.

– А ты вдохни в меня ту муку,

и выдай вексель на возврат.

– И что ты будешь делать там?

В том страшном времени ином.

– Я буду жить назло врагам!

И строить счастье на потом.

– Ну что-ж, раз ты выбрал муку,

тогда я жизнь тебе отдам!

Но знай, тебе я больше руку,

на смертном одре не подам!

– А мне там рук ни чьих не надо!

Ведь если час пробьет как плеть.

Чеку я вытащу с гранаты, ведь после...

мне в аду гореть...

– Взгляни-ка вниз, на землю где ты будешь,

ведь там кровать, больные, жуткий смрад!

Все это вряд ли ты забудешь,

и вряд ли будешь после рад!

– Я буду рад любому возвращению, ни замечая стоны, крики, боль! Ведь я поддамся воскрешению, как ты воскрес в тот день святой.

– Ни примеряй себе роль Бога, ты им не станешь никогда!

Ты бойся, бойся злого рока, что называется – война!

– Увы, войны я не боюсь! Не зря я выбрал это время. В бою я трусом не кажусь, мне по плечу, все это бремя! А помирать еще мне рано, ведь мне всего то двадцать три...

– Тогда лети сын мой, на землю,
лечись и бей врага потом! Второго шанса не приемлю, иначе встретишься с Христом.

Этот странный диалог со всевышним апостолом, перевернул во мне представление о жизни и смерти. После некоего исповедования, его трон стал отдаляться от меня далеко-далеко, а я тем самым наблюдал вокруг за белой пеленой, которая окутала меня, и со страшной силой вернула к жизни.

Очнулся от дикого крика раненых солдат, лежащих на соседних операционных столах. Видимо это был фронтовой госпиталь, местонахождение которого, мне не было известно до сих пор. Ко мне подошла молоденькая медсестричка, держа в руках какие-то бумаги. Она что-то стоящему рядом хирургу, который глядя на меня, только разводил руками. Из-за тяжелой контузии я не слышал их диалога. Хирург в окровавленной маске, наклонившись ко мне что-то произнес и взяв в руки ножницы, начал разрезать сапоги. На мгновение мне показалось, что верхняя половина лица хирурга была схожа с лицом моей Ксении. Немного приподняв голову, чтобы рассмотреть по лучше, я почему-то обратил внимание не на лицо, а на кругленький живот, пробивавшийся из-под халата. Хирург повернулся ко мне спиной и взяв скальпель,

начал иссекать рану. От неимоверной боли, я снова отключился.

Эпизод 26: «В госпитале!»

Открыв глаза, я увидел перед собой, просторную палату с окрашенными в синий цвет стенами и с белыми, развивающимися от ветра занавесками. На подоконнике стояла ваза с гвоздиками, фоном за окном которых, служили кремлевские звезды. Это была Москва. Попытки подняться с постели были тщетными. При малейшем движении телом, я взвизгнул от боли, которая словно электрическим током пронеслась по моим ногам. Подбежавшая ко мне медсестра, с удивленным видом, радостно воскликнула:

– Наконец-то, очнулся! Ты лежи, лежи милый! Тебе сейчас вставать нельзя! (касаясь моих плеч, укладывала меня обратно).

Открыв слегка рот, я прошептал ей в ответ:

– Что произошло?

– А ты разве не помнишь?

– Смутно. Практически ничего! – корчась от боли, покашливал я. Говорить в голос было дико больно из-за ожога.

– Тебя привезли самолетом с фронтового госпиталя из Австрии. Ты потерял много крови!

– Что с моими ногами? Почему я их не чувствую? – шептал я, с прищуром сквозь лицевые повязки.

– Там в госпитале, тебе хотели ампутировать ноги. Были раздроблены обе кости, но говорят, вмешался какой-то офицер, даже угрожал хирургу наганом, и тебя вместе с другими тяжелоранеными перевезли в столицу. Тут профессор Архангельский постарался сохранить тебе ноги.

– Понятно... А, что за хирург там был, не знаешь?

– Да откуда-ж мне знать!

– Позови врача, мне нужно поговорить!

– Лежи, не вставай, я сейчас! – сказала она и удалилась за дверь палаты.

Через какое-то время в палату зашел средних лет доктор, в белом халате со стетоскопом на груди. Вслед за ним, зашел полковник Кулагин и майор Гайсаров с медсестрой.

Доктор присел на мою койку, и ощупывая ладонью мои конечности спросил:

– Доброе утро, молодой человек! Как самочувствие?

– Все в порядке, только ног не чувствую совсем!

– Это нормально! Нам пришлось заменить вам коленные суставы! Стоял вопрос об ампутации, но по настоятельству (указав на Кулагина), товарища полковника, вас перевезли сюда. Мы сделали все возможное, чтобы сохранить вам ноги.

Смотря с улыбкой на Александра Владимировича, я прошептал:

– Значит, повоюем еще, товарищ полковник?

Доктор пожимает плечами:

– Вряд ли сынок! Война для тебя окончена! Ранение и

контузия полученная в ходе боя были слишком серьезным. И боюсь, что без последствий это ни обойдется! К строевой ты не годен! Прости сынок, но армия для тебя теперь закрыта.

– Я что, комиссован? Я не буду ходить? – задрожал вдруг мой голос.

Доктор, укладывая меня в постель, сказал:

– Ходить ты будешь! Но боюсь, хромота останется на всю жизнь!

Немного помолчав, он добавил:

– Ладно, я оставлю вас наедине с товарищем полковником. Вам есть, о чем поговорить! Пойдемте Наденька, выйдем! – взяв за руку медсестру, проследовали к выходу.

Кулагин взял стул и сел передо мной.

– Тебе повезло, крупно повезло!

– Александр Владимирович! А как мои ребята? Где они сейчас? Они в другой палате лежат, да?

Опустив глаза в пол, он сказал Гайсарову:

– Миш, давай ты!

Адъютант Кулагина, Михаил Гайсаров не сколько помявшись, ответил:

– Нет больше ребят, Алексей! (непродолжительное молчание). Матвеева, мы вытащили из машины, но по дороге в госпиталь, он скончался.

– А... остальные? – перебил я его, заикаясь.

– А от остальных ничего не осталось... странно вообще, что Женька твой еще жив был, после такого взрыва.

– Товарищ полковник, скажите! Почему все так происходит? – со слезами на глазах спросил я, – почему на этой чертовой войне, я умудрился потерять всех, кого мог? Отца, любимую жену, дорогих мне друзей? Почему, именно я остался в живых? Для чего? – закричал я до такой степени, что почувствовал привкус крови в рту.

– Успокойся! Ты выжил и это главное! У тебя вся жизнь впереди еще! И война для тебя действительно кончилась! Вернешься домой и начнешь жить по-новому!

– А оно стоит того?

– Стоит! Ах да, чуть не забыл, генерала Тевченкова помнишь?

Отвернувшись к стене, утирая слезы, я ответил:

– Помню, конечно! Живой?

– Живой! Ему доложили уже, что ты пришел в себя и он, бросив все дела выехал сюда.

– Зачем?

– А я почему знаю? Может наказать тебя, за тот случай! – повысив голос, сказал он с сарказмом.

– Пусть наказывает! Я согласен на всё...

После получасовой беседы с Кулагиным, в дверь вошел Тевченков и его тот самый адъютант только с тростью. Полковник, вскочив с места, поприветствовал генерала.

– Приветствую вас, товарищи офицеры! Шиндяпин, стул подай мне! – попросил он адъютанта.

Подав стул генералу, тот сел и тронув меня за руку, спро-

сил:

– Как ты, сынок?

– Жив пока, товарищ генерал-лейтенант!

– Почему пока? – недоумевая, спросил он.

– Ну, вы же меня, наверное, арестовывать пришли, за тот мой хамский поступок?

– Арестовывать я тебя не собираюсь, я по другому вопросу вообще, но с хамством, конечно, ты перегнул, парень! Сразу видно норов есть! – улыбаясь, сказал он.

– Простите меня если что не так!

– Не было ничего, капитан! Показалось мне! Сам понимаешь, нервы, наступление, тут вы еще развалились как на привале! Но это не важно. Важно, вот что! После того боя, из которого ты меня вытащил, капитан! Ты спас мне жизнь! В долгу перед тобой я не останусь! Я знаю, что произошло потом. Про гибель твоих ребят... мне очень жаль! Отличные ребята были, во век не забуду. Посему я лично написал представление на тебя и твой экипаж, к присвоению звания Героя Советского союза! Президиум верховного совета СССР, удовлетворил это, и мы ждем тебя пятого июня в кремлевском дворце! Надеюсь поправишься, за это время?

Мой голос снова задрожал от наворачивающихся слёз:

– Спасибо, товарищ генерал-полковник! Я постараюсь!

– Вот и молодец! Отдыхай капитан! А вот тут, кстати, тебе пакет от нас с Шиндяпиным! – положив на тумбочку сказал он, – как ты нам ловко перевязки то сделал тогда! Навыки-то

откуда такие!

– Я был медиком, товарищ генерал-полковник, не доучился только!

– Ну, ничего скоро домой! Доучишься! Если какие проблемы возникнут с восстановлением в институт, сразу мне звони!

– Понял, товарищ генерал! – улыбнулся в ответ я.

Тевченков поднялся со стула и забрав с собой всю свиту с Кулагиным и Гайсаровым, вышли из палаты.

Лежа в постели, я задумывался о многом. Особенно я не мог поверить в гибель своих ребят. От них не осталось даже фотокарточки, не осталось хоть что то, что могло напомнить о них. Только в течение всей своей жизни, я буду помнить вечно: механика-водителя Женю Матвеева, стрелка-радиста Яшку Столярчука, заряжающего Бориса Карасева и наводчика Якова Гелашвили. Вечная им память!

Так же у меня не выходил из головы образ того хирурга, который оперировал меня в полевом госпитале. Возможно из-за массивной кровопотери, я просто-напросто спутал, и принял того хирурга за свою жену. Она, скорее всего еще учиться в институте, и придерживаясь, нашей клятве, которую мы давали друг другу, тогда в 41-ом, до сих пор ждет меня.

Прошло время, и я шел на поправку. Рано утром, разбудив всех, сломя голову бежала медсестра Наденька, забегая в каждую палату, включая радио.

– А ты чего разлегся, радио слушать надо сейчас! А ты лежишь, грустишь тут! – подойдя к приемнику, улыбаясь говорила она.

Благодаря профессорам и моему протезе Александру Владимировичу, меня быстро поставили на ноги. Так поднявшись с койки и опираясь на костыли, я подошел к ней:

– Чего там такое?

– Да слушай ты! Сейчас, Левитан говорить будет!

– Да в чем...

– Тсс! – прикрыв мне рот своими маленькими, нежными пальчиками.

После музыкального проигрыша, раздался тот самый ожидаемый и завораживающий голос Юрия Левитана:

«Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам красной армии и военно-морскому флоту!

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена, Германия полностью разгромлена...»

Одновременно, по всей больнице, по всему городу, по всей стране, прокатились кличи: «УРА, ПОБЕДА!»

Обнявшись с Наденькой, счастьем не было предела. Четыре года, тысяча четыреста восемнадцать дней и ночей, вели упорную борьбу с врагом! Ценою огромных потерь, положив

все на алтарь свободы, мы победили в этой страшной войне! Выбежав из палаты, весь медперсонал и пациенты, начали обниматься друг с другом, радоваться и просто плакать от счастья. Теперь начиналась новая жизнь для большинства советских граждан, но к сожалению, не для меня...

После выписки, по распоряжению товарища Тевченкова, я должен был прибыть на официальное награждение в кремлевский зал. Пятого июня, в день моей выписки, я прощался с моими спасителями и в частности с моим новым другом медсестрой Наденькой. Мы обменялись адресами в надежде, что будем дружить семьями. После долгого прощания, она подарила мне поцелуй, на который я ответил взаимностью. Вскоре она помогла мне надеть парадный мундир, со всеми регалиями. Я прихватил свою трость и помахав рукой, вышел из госпиталя в сторону Кремля.

И не успев пройти буквально пятьсот метров, как ко мне подъехала черная, роскошная машина. Из нее вышли двое в гражданской форме одежды и представившись сотрудниками госбезопасности, любезно предложили меня подвести. Я без задних мыслей сел к ним в машину, ссылаясь на то, что это Александр Владимирович прислал ребят, чтобы те меня доставили на награждение. Положившись на это ошибочное мнение, я вскоре об этом очень сильно пожалею. Генерал-лейтенант Зубов, да-да тот самый Зубов, узнав про то, что я выжил после штрафбата, и про то, что я сдружился с членом военного совета фронта был в дикой ярости. Он

сфабриковал на меня уголовное дело, в котором находились все мои деяния, совершенные за годы войны. Это и измена родине и пособничество врагу. Зубов уже входил в большую сферу влияния Берии, занимая должность заместителя начальника пятого отдела, второго управления центрального аппарата НКВД СССР (пятый отдел – это отделение при управлении НКВД занимающийся оперативным розыском агентуры противника, предателей и пособников немецко-фашистских оккупантов).

Он все-таки добился своей справедливости, и пришив мне две серьезные статьи, довел дело до суда. В этой ситуации мне не помогли ни Кулагин ни тем более Тевченков. Александр Владимирович нес службу сначала в НКВД, а после формирования «СМЕРШ» в апреле 1943 года, перешел под крыло товарища Абакумова. Я веду к тому, что даже такие высокопоставленные знакомства не дали положительного результата. После избрания мне меры пресечения, я был лишен всех наград, званий и был отправлен этапом в Северо-Уральский исправительно-трудовой лагерь, что в Свердловской области на целых тринадцать лет.

Глава четвёртая

«С чистого листа»

Разговаривали мы более суток. Мне дико понравилась манера Москвитина, и его человечность, проявленная ко мне,

которой так не хватало в этих стенах. Он так же был несколько шокирован, тем что мне пришлось пережить за эти двенадцать лет, исписав более двадцати страниц интересующими его фактами моей прошлой жизни. Вскоре капитан убрал в свой портфель протоколы допросов, и доставая оттуда же некий документ, передал мне для ознакомления.

– Что это гражданин капитан? – спросил я, прищурившись на лист бумаги, – у меня плохо со зрением!

Москвитин молча подошел к окну, открыл форточку и сделав несколько глубоких вдохов повернулся ко мне и произнес:

– Это ваше освобождение капитан Петровский! Вы полностью реабилитированы с восстановлением всех наград и званий. Я вас сердечно поздравляю Алексей Александрович!

Его слова прозвучали как гром среди ясного неба, на что ответить я ничего не смог, а только лишь утирал слёзы.

– Видите ли, после смерти товарища Сталина, были арестованы все верхи бывшего правления. В том числе и Берия, и Абакумов. Кстати сейчас на месте заместителя председателя ГБ генерал-полковник Кулагин, вы ведь знакомы с ним? Так сказать, пользуясь случаем по амнистии, он меня и направил к вам, сообщить о вашем освобождении! И посему собирайтесь, мы вылетаем в Москву!

В этот момент мне хотелось обнять и расцеловать его, но учитывая мою слабость и мягко скажем неопрятность, оставляли меня. Капитан в резкой форме, приказал началь-

нику лагеря привести меня в порядок: отмыть, побрить, постричь. Вскоре надзиратели, подхватив меня под руки, отвели в баню, потом в лазарет. На улице уже ждала машина. Москвитин посадил меня на заднее сиденье, где лежал большой бумажный сверток, а сам сел за руль. Нажав на педаль газа, мы уехали на аэродром.

– Алексей Александрович, там пакет внизу! Вскройте его и переоденьтесь! Не гоже в таком непотребном виде к генералу ехать! – сказал он, глядя на меня через зеркало заднего вида.

В пакете была новая дорогая форма с золотыми капитанскими погонами, со всеми моими орденами и медалями. Вцепившись руками в этот китель, и ни веря в происходящее, я завыл во всю глотку что есть силы. Москвитин даже резко притормозил, после чего сказал:

– Поплачь капитан, поплачь легче станет! Ты пережил такой ад, что... (на мгновение он замолчал, потом продолжил) с этого дня у тебя новая жизнь! Сейчас мы приедем к Кулагину, он хочет тебя видеть, а потом поедешь домой, к жене! – сказал он, и снова запустив двигатель, мы тронулись вперед.

На следующий день мы прилетели в столицу, где нас встретил помощник Кулагина, уже полковник Гайсаров. После дружеских объятий, мы приехали на Лубянку. В роскошном кабинете бывшего начальника госбезопасности Абакумова, ожидал лично генерал-полковник Кулагин.

После нескольких минут ожидания, секретарь разрешила

пройти нам в кабинет.

– Молодец Москвитин, справился с заданием! Свободен! Гайсаров ты тоже! – произнес Александр Владимирович, улыбаясь глядя на меня.

Офицеры удалились из кабинета, оставив нас вдвоем. Кулагин запер дверь на засов, по-моему, даже отключил телефон и подойдя ко мне взял за плечи. Глядя на него, у меня затряслись губы и покраснели глаза.

– Всё Алексей, всё закончилось! – сказал он, подмигивая глазом. Не сдержавшись, я обнял его что есть силы.

– Где вы были тогда, Александр Владимирович? – заикаясь, спросил я.

– Не могли мы раньше тебя вытащить оттуда, не могли! Зубов гнида, слишком хорошо сидел!

– А где он сейчас, товарищ генерал-полковник?

– После ареста Берии, почти весь его аппарат и окружение были отданы под суд. В том числе и твой ненаглядный Зубов. Тот вообще кадр, каких мало. Оказал сопротивление при задержании и был убит в перестрелке. – ответил Кулагин и проследовал к себе за стол.

– Присаживайся! – добавил он, доставая из-под стола ломтики лимона на блюде, рюмки и бутылку армянского коньяка. Он разлил напиток до краёв и поднеся мне рюмку произнёс:

– Ну что сынок, за возвращение с того света?

– За возвращение! – ответил я, и мы разом опустошили

рюмки.

Закусив лимончиком выпитый коньяк, Александр Владимирович, подошел к своему сейфу и приоткрыв дверцу, спросил:

– Алексей, а ты Тевченкова Александра Николаевича не забыл еще?

– Как же можно, товарищ генерал-полковник! Хороший человек. А что с ним? – корчась от выпитой рюмки и закусанного лимона, спросил я.

– Да вот в тот раз не вышло, а теперь... мы посоветовались с ним и решили. В общем вот капитан! – ответил он, и подойдя ко мне взял мою ладонь и с размаху вложил золотую звезду героя, – поздравляю тебя, сынок!

– Но я ведь не заслужил? Я ведь враг народа, зэк! – несколько опешив, отвечал я.

– Да был зэк! Это всё в прошлом, а теперь ты капитан советской армии! Награда дождалась тебя!

– Служу Советскому Союзу! – произнес в голос я, поглядывая на блестящую золотом звездочку с красной колодкой.

– Ну вот и все, капитан Петровский! Задание выполнено, мы с тобой рассчитались! Сейчас Москвитин отвезет тебя на вокзал и лично посадит на поезд до Саратова! С ним сподручнее, я ему полностью доверяю!

– Спасибо за все, Александр Владимирович! – ответил я, но больше сказать ничего не смог, а только лишь банальное, армейское, – Разрешите идти?

– Бывай капитан!

Пожав друг другу руки, я удалился в приемную, где меня уже ожидал капитан Москвитин. После, он отвез меня на Киевский вокзал, где мы и попрощались.

Поезд Москва – Саратов, на всех парах мчал меня к моей двенадцатилетней мечте, которая вот-вот свершится. Я был полон волнения, от того что совсем скоро начну новую жизнь.

«Возвращение домой»

Всю ночь в поезде я провел без сна. Ворочался с боку на бок. Меня терзали мысли, о предстоящей встрече с родными людьми. Волнуюсь. Ей-богу, волнуюсь.

Рано утром подъезжаем к станции Саратов-1.

После суточной поездки, я наконец-таки прибыл в родной край. Сойдя с поезда и опрокинув взгляд на окружающую обстановку, я стал замечать каждую мелочь, каждое новшество. Красные знамена, висевшие у входа, будто горели кровавым цветом, на палящем, июльском солнце. Асфальтированная дорожка, которая вечно была разбита. По правую руку поставили киоск с табаком и свежей прессой. Удивительно как все изменилось с тех пор. Вокруг гуляли люди, встречая и провожая кого-то. Были и такие вроде меня, кто возвращался из мест не столь отдаленных.

Втянув носом этот сладкий воздух свободы, я подхватил свой чемодан и опираясь на трость направился на остано-

ку. Еле запихнулся в переполненный трамвай, который все же отвез меня на ту самую съемную квартиру, где я оставил своих любимых. Рассматривая по дороге улицы и счастливые лица людей, я понимал, что мне придется жить по-новому. Приучать себя умываться по утрам горячей водой, спать на чистых постелях, менять форму на костюм, ходить с женой по театрам, кино, ресторанам. Всему этому мне приходилось учиться заново.

Трамвай остановился в аккурат на остановке по улице Петропавловской, где я с чемоданом и тросточкой грациозными движениями сошел у дома. От дикого волнения и переполняющей радости я закурил, остановившись у порога своей квартиры. Моё сердце колотилось настолько сильно, что вот-вот выпрыгнет из груди. Я перебирал в голове все слова, все объяснения, которые должен был сказать домашним, но к сожалению, так ничего и не придумал.

Докурив «Беломор», я наконец зашел в дом. Дверь из-за жары была открыта, только лишь заделана кружевной занавеской. Стоял дурманящий запах домашних блинчиков, от которых у меня сводило скулы. Аж слюнки потекли. Молча поднимаясь по лестнице на второй этаж, я старался преподнести сюрприз. Шел исключительно на запах, который раздавался из кухни. Там кроме блинов готовилось еще что то, а у плиты крутилась молодая девушка в косынке.

Я прислонился головой к дверям и разглядывал эту прекрасную девушку, ни сводя с нее глаз. Ее стройное тело об-

легал фартук, в котором она возилась с тестом. Пробивавшиеся из-под косынки её светлые локоны падали на глаза, и она своей красивой и тонкой рукой пыталась их спрятать обратно. Лицо и руки ее были испачканы в муке.

– Здравствуй Ксюш! – не выдержав паузы, выпустил я фразу. – Я вернулся!

Она дернулась от страха и повернулась ко мне, схватив в руки половник.

– Вы кто? – спросила она с испуганным видом.

Улыбка моя резко изменилась.

– А вы кто, простите? – спросил я, нахмутив брови.

– Анна! Хозяйка квартиры, а вы по какому праву врываетесь как к себе домой?

– Так я и ворвался к себе домой, для начала! – ответил я, и приглядевшись в ее до боли знакомое лицо, продолжил. – А мы с вами нигде ранее не встречались?

– Откуда мне знать? Я вас впервые вижу! – в резкой форме последовал ответ.

– Я капитан Алексей Петровский! Прошу заметить жил здесь до войны!

– Петровский? – воскликнула она, положив половник на стол.

– Кажется, я вас знаю! – улыбнулся я. – Вы судя по всему Анна Кошкина, сержант медицинской службы.

– Это моя девичья фамилия, но откуда?

– Ну точно! 1942 год. Вязьма. 1136-ой полк, 432-ой мед-

санбат.

Присмотревшись внимательнее, она видимо узнала меня и тут же рухнула на стул.

– Боже мой! Алексей? Это ты? – и голос её несколько задрожал.

– Анюта, дорогая здравствуй! – воскликнул я, и мы кинулись друг другу в объятия.

– Боже! Ты живой! – улыбнулась Анна, касаясь моего лица.

– Да живой, живой!

– Что с твоим лицом? И почему ты заикаешься?

– Так получилось! Война покалечила и не только, в общем не важно! Ты то как тут? Как стала хозяйкой моего дома? И где прежние хозяева? – спросил я, отдергивая её руки.

Анна глубоко вздохнула, подошла к плите выключила газ и вернувшись ко мне, присела за стол.

– Живу я тут давно. Семь лет в ноябре будет. Хозяев уже не было. Соседка впустила нас.

– Соседка?

– Да-да, соседка! Как раз после похорон Надежды Анатольевны, она нас впустила, чтоб комната не простаивала.

– Тети Нади... нет?

– Умерла она. Соседка просила нас, что по твоему возвращению, передать тебе ключ от той комнаты, в которой ты жил. Я честно говоря даже и представить не могла, что это будешь ты! Сейчас я тебе принесу его. – Анна привстала с

места, и с задумчивым видом удалилась в соседнюю комнату.

Я сидел за столом схватившись за голову, не понимая сути произошедшего.

– Вот он! Ты пройдешь к себе? – спросила она, остановившись в дверном проеме с маленьким пожелтевшим ключиком в руках.

Молча встав с места, я взял ключ и прошел в свою старую комнату. Анна зашла вместе со мной.

– Тут с тех пор не убрано ничего! Вон все в пыли и паутине. За столько лет мы не заходили сюда. – добавила Анна, проводя пальцем по запыленному шкафу, стоящему у двери.

Комната опустела. Повсюду пыль, местами паутина. На окне стоит пару горшков с давно отцветшими цветами. Мне на миг показалось, что от стен слегка повеяло женскими духами, которыми пользовалась Ксения. На столе в куче запыленных книг лежала шкатулка.

Я подошел к столу и открыв её обнаружил три аккуратно сложенных конверта. Вскрыв первый конверт, я с холодным ужасом прочел его. Это было моё извещение о смерти, датировано 20 июля 1941 года. Далее мне было понятно, что остальные письма с не лучшим содержанием.

Следующей была справка из НКВД, на имя Петровской Ксении Васильевны, в которой говорилось, что ваш муж Петровский Алексей Александрович, находился под следствием с декабря 1943 года по апрель 1944 года, после чего разжалован в рядовые, и направлен в штрафбат. В боях на

территории Украины, как и многие другие штрафники, был убит, и похоронен в обезличенной могиле в селе Шепетовка. Подпись начальника следственного отдела Зубова. Последний сложенный треугольником листок, имел, пожалуй, самое непредсказуемое для меня содержание:

«Дорогая тетя Надя! Простите меня за всё! Я устала жить в одиночестве... Мне ужасно плохо без моего любимого Алёшеньки. Для меня его гибель, это огромная утрата, с которой мне приходится жить, но так больше продолжаться не может. Жизнь не стоит на месте, а я еще слишком молода. Поэтому, я встретила другого человека, с которым хочу прожить до конца своих дней. Совсем скоро я выхожу за него замуж. Искать меня не нужно, я уехала далеко. Боюсь, что навсегда... Спасибо вам за всё! Простите... и прощайте!»

10 Августа 1944 года.

Перечитав записку несколько раз, я скомкал ее и бросил на стол.

– Вот тебе и вернулся домой, капитан Петровский! – проворчал себе под нос.

– Что там, Алёш? – подбежала Анна и выхватила из рук письмо Ксении.

– Всё... Это был последний и любимый человек, которого я потерял. – сказал я, смотря в покрытое пылью зеркало. – Лучше бы ты и вправду погиб!

– Что же такое говоришь-то? Типун тебе на язык! – про-

изнесла она и тут же прижалась ко мне.

– А про жену мою ничего не слышно было? Соседка может что говорила? – спросил я, пытаясь зацепиться хоть за малейший кусочек надежды.

– Ничего... хотя подожди. Как-то в разговоре она опрокинула, что мол тут жили хорошие люди. Девушка молодая красивая. И в их дома часто вертелся какой-то офицер, вроде майор.

– И что? – вопросительно посматривая на нее, внимая каждое ее слово.

– И ничего! На этом все и закончилось. – она пододвинула к себе стул и присела рядом. – Сейчас и не спросишь ни у кого. Сколько лет прошло. А здесь я живу одна теперь.

– А муж твой где?

– Андрюша мой погиб, в сентябре сорок пятого. С тех пор я одна! – отвечает Анна, тихим и немного дрожащим голосом. – А ты я смотрю капитан? Почему танкист?

– Так получилось!

– Что дальше? – спросила она прежним тоном.

– Дальше ничего. Жить мне не где! Имущество моё конфисковали, после ареста. Мать умерла, отец погиб, тети Нади тоже нет. Буду искать жильё и восстанавливаться в институте! – ответил я, подойдя к окну, с зажженной папиросой.

– Ты сидел? – удивилась Анна. – Как это могло случиться?

– Оказывается очень просто. Да сидел. Тринадцать лет дали после войны. Но как власть поменялась, все переиграли и

меня реабилитировали. К герою даже представили, как видишь! – щелкнув по медалям пальцами, ответил я. – Ладно, что мы все обо мне! Ты то как? Кем работаешь?

– Я нормально! Войну закончила после ранения под Ленинградом в январе 44-го. Там же познакомилась с мужем. Мы переехали сюда по знакомым связям. Я осталась тут, а он уехал на фронт. После войны уже похоронку получила на него. А сейчас, работаю в больнице, операционной медсестрой в первой градской. Живу как видишь одна. Детей нет и не было.

– Почему? За столько лет замужества вы не обзавелись детишками? – спросил я, затушив папиросу о покрытый пылью подоконник.

– Нельзя мне, как оказалось. Говорят, есть патология и родить мне будет труднее нежели забеременеть. – голос её еще более задрожал, и на глазах пробились слезинки.

– Ну-ну все! Будет тебе! – подошел к ней и обнимая прижал к себе. Она заплакала и слезы ее немного намочили мой китель. И в этот момент, от себя не ожидая, я тихо прошептал: – У нас всё получится!

Анна была шокирована от такого заявления и тут же обняла меня еще крепче.

Саратов встретил меня не очень хорошо. Я ожидал чего-то большего, мечтая о встрече с женой. Но, увы. Мое счастье ускользнуло от меня, но взамен я приобрел новое. На следующий день, мы решили расписаться, и узаконив отно-

шения наша жизнь начала набирать обороты. Днем мы делали ремонт в нашем доме, а по вечерам Анна гоняла меня по медицинской литературе, заставляя наверстывать утраченные в годы войны знания и навыки.

Не много погодя, мы вместе пошли в институт, для моего восстановления на прежний курс. Но учитывая все мои выкрутасы, так эмоционально рассказанные Анной декану, я был зачислен сразу на пятый курс. Накануне она заставила меня надеть парадную форму со всеми наградами, дескать «глядя на меня такого боевого героя войны, они примут тут же!» и приемная комиссия во главе с деканом, это действительно учла.

Время текло. Анна любила меня до такой степени, что честно признаться, я стал забывать Ксению. Попытки найти, разыскать ее я не предпринимал. Она скорее всего счастлива, и возможно даже родила кучу детей, о которых мы когда-то мечтали. Мысленно я пожелал ей счастья, и отпустив ситуацию расстался с ней, пресекая попытки малейшего воспоминания. Анализируя эту ситуацию, конечно в нашем расставании никто не виноват. Виновато лишь одной обстоятельство – война! А теперь это все в прошлом. В настоящем же было все красиво и по-семейному. Анютка работала днями и ночами зарабатывая деньги, пока я грыз гранит науки в стенах родного СМИ В.И.Разумовского. Мне повезло, что я все-таки смог доучиться, и в 1956 году с отличием закончил мединститут. Опять же помогли мои боевые заслуги и

высокие отличия в учебе. По благу супруги, меня устроили на работу в ту же больницу где она и работала операционной сестрой, в отделение экстренной хирургии. Там я ассистировал хирургам практически на всех операциях, набираясь опыта. В этом же году, где – то во второй половине, я узнал, что у меня будет сын. Мой первый ребенок, от любимой жены. «Время все-таки лечит! И я самый счастливый человек на земле!» – задумывался каждый день, с головой погруженный в заботу и бесконечную любовь Анны.

К сожалению, счастье резко оборвалось. В начале следующего года, во время родов, погибает вместе с ребенком, моя жена. Эта новость шокировала меня, и я тут же замкнулся в себе. Не находя себе место, я уходил в запой, пропуская смены на работе. Каждый день, я спускал свою зарплату на очередную бутылку водки, пропивая её в одиночестве. В конечном итоге, накопив целую кипу выговоров, меня уволили с работы. Таким образом, я существовал несколько лет.

«Встреча»

В один прекрасный момент, я решил взять себя в руки. Завязал с выпивкой. Выставил наш дом на продажу. После того как дом в Саратове был продан, я переехал в Вольск. Выкупил дом своих родителей у старых хозяев, и окончательно поселился в нем. Обжился. Устроился в хирургию в центральную районную больницу.

Семейной жизни я стал побаиваться. Так как страх прошлой, не отпускал меня и по сей день. Ни подпуская к себе никого, я спокойно погружался в работу с головой, сутками оперируя, набирал дополнительные смены.

Начал даже писать диссертацию. Защитился. Стал кандидатом наук. Находясь в Вольске, меня стали почему-то посещать мысли о Ксении, толкая меня на ту самую набережную, где мы проводили время. Каждый вечер выходного дня, я навещался туда. Там были уже новые любящие пары, смотря на которых, я только улыбался.

Время пролетало, а за ней и жизнь. Скучная, без красок жизнь. Единственное, что меня радовало это моя работа. Я дорос до ведущего хирурга больницы, занимая при этом должность заведующего отделением.

Однажды, девятого мая, в нашем городе чествовали ветеранов на площади. Были приглашены все без исключения фронтовики. Придя домой после очередного дежурства, я достал из шкафа свою военную форму со всеми наградами. Привёл себя в порядок, и прихрамывая, опираясь на трость, отправился на площадь, где проходил концерт. Фронтовики принимали море поздравлений и теплых пожеланий в свой адрес. Несколько утомившись от шума и танцев я снова отправился на набережную. Стоял прекрасный вечер, солнце слегка опускалось за волжский горизонт, вокруг гуляли влюбленные пары, детишки. Из-за нестерпимых болей в ноге, я облокотился к ограждению причала, растирая колено,

которое давало о себе знать, спустя столько времени. Вдруг сзади, ко мне подходит девушка, такой неопиcуемой красоты, что я даже на секунду забыл про боль. Она встала передо мной и прикоснувшись к плечу, спросила:

– Мужчина, вам плохо?

– Да нет радость моя, это пройдет сейчас! Старые раны проснулись! – улыбался я, глядя ей в глаза. В ее глазах я разглядел Ксению, только на много моложе своих лет. – Беги дочка, не обращай внимания на меня, сейчас пройдет!

Эта милая девушка лет шестнадцати на вид, улыбнулась мне в ответ и застыла взглядом на моем кителе.

– Сколько у вас медалей! А вы ведь капитан, да?

– Так точно, капитан! Ты в званиях разбираешься? – удивился я.

– У меня просто мама, тоже капитан! И тоже медали есть, только ни как у вас! – улыбнулась она, после чего предложила присесть на лавку. Мы расположились на той самой памятной мною лавочке. Видимо общение со мной, ей было по душе. А для меня её внешность и внимание стало напоминанием моей первой любви. В таком ключе, мы просидели не долго, минут десять, пока позади нас не раздался женский голос: – Люда! Пойдем домой!

Девушка тотчас же обернулась на оклик.

– Бегу мамуль! – ответила она, и прикоснувшись своей теплой рукой к моей руке, добавила, – Спасибо вам за беседу! Рады была знакомству!

– Взаимно Людмила, взаимно! – ответил я, глядя ей в глаза.

– С кем ты там общалась-то? Мы ж опоздаем за молоком! – повысила голос мама Людмилы.

Стиснув зубы, я вскочил с места и догоняя их, произнес:

– Пойдите! Я хотел сказать, вам очень повезло с дочкой! Красавица!

Женщина бегло посмотрела на меня, ответила:

– Да я знаю, спасибо! Ну, мы пойдем с ваше позволения! А то на смену заступать еще! – и повернувшись ко мне спиной, с сумками отдалялась от меня.

В тот момент, когда она мельком посмотрела на меня, я вдруг вспомнил того хирурга, который спасал меня на операционном столе в Австрии. И не подумав ни о чем, у меня из уст вылетела фраза:

– Ксения!

Остановившись на месте, она медленно повернулась ко мне, и пристально вглядываясь в мое искалеченное лицо, спросила:

– Да! А мы знакомы?

Мои руки резко ослабли, и от волнения выронив трость, я с дрожью в голосе сказал:

– Ты не узнаешь меня? Это я!

– Нет, простите, я вас не знаю! – взяв дочь за руку, она отвернулась и снова продолжила движение.

Тут окончательно убедившись, что это она я прокричал

ей вслед:

– Помнишь, это место? Двадцать лет назад, я сделал тебе предложение? Ты тогда, была счастлива с одним человеком! Как ты за этого самого человека, тайком от родителей замуж вышла! Помнишь?

Она будто окаменела после моих слов, выронив сумки с продуктами на дорогу. Ксения обернулась ко мне лицом. Её глаза сходу покраснели и налились слезинками, которые вот-вот упадут. Медленно подойдя ко мне, она прошептала:

– Алексей! Господи! Это ты?

Впервые за это время, у меня у самого полились слезы.

– Вот мы и встретились!

Прикасаясь своими руками к моему лицу, она сквозь зубы, выговаривала каждое слово, ни веря в происходящее:

– Ты ведь умер! Тебя нет! Это не ты!

– Ксюша моя, очнись, это я! Я не погиб, я живой! Это все ошибка была! – прижал её к себе так сильно, что она не могла вдохнуть. Ксения, в ответ впилась в мою спину ногтями и еще сильнее прижала меня к себе. Её плачь сменился рыданием, сквозь которое она шептала:

– Родной ты мой! Если бы ты знал, как плохо мне было без тебя! Я жизни без тебя не представляла!

– Знаю, девочка моя знаю! Я читал твое письмо тете Нади! Как ты теперь?

Отойдя от меня на шаг, она ответила:

– Да, Алёш... пошли к нам домой. Надо поговорить.

– Мам, вы что знакомы? – спросила Люда, с удивлением глядя на нас.

– Познакомься Людочка, это мой самый первый и самый любимый муж Алексей!

Девочка, посмотрев на меня, сказала:

– Вот это поворот!

– Пойдем, дочка! Я тебе потом все расскажу.

Придя к ним домой, я прошел в гостиную. Там на вешалке висел китель с капитанскими погонами, тремя орденами и двумя медалями. Все так как Людмила и описала. На полке с книгами, стояла пожелтевшая в рамке фотокарточка. На ней на фоне танка, стояла Ксения с моим, черт возьми другом Максимкой, которого я не видел с 43-го года.

– Это вы где? И почему тут на фотографии Максим? – спросил я, взяв в руки фоторамку.

Подойдя ко мне, и взглянув на фото, она сказала:

– Это мы с мужем в Вене! Конец апреля 45-го.

– В Вене? С мужем? – воскликнул я от удивления.

– Ну да, а что такое? – присев за стол, удивилась она.

– Да так, ничего. Слушай, а ты тогда в госпитале, не оперировала одного танкиста. У него лицо было обезображено, ожоги по спине, и ноги перебиты в двух местах? – поинтересовался я.

Задумавшись, она ответила:

– Э-э-э, танкист? Что – то такое припоминаю. Ах да! Тогда еще какой-то контуженый полковник, мне пистолетом угро-

жал. Я хотела ампутацию провести, у него ноги как лоскуты висели. Ну я и отправила его. Помер, скорее всего по дороге. Ранение было тяжелейшее. А к чему ты спросил?

– Да к тому, что этот танкист, и был я!

Немного растерявшись, она с трясущимися руками, заматалась по столу в поисках папирос.

– Бери, закуривай! – протягиваю ей портсигар, – да-да, тот самый капитан Петровский, командир первого танкового взвода! Я тогда ни поверил своим глазам, думал бред. А видишь, оказалась ты. Хм... странная штука жизнь. Мы могли встретиться еще тогда, шестнадцать лет назад. Ты была уже беременна на тот момент?

Нервно выдыхая дым, она рассказала:

– Ты сейчас выслушай меня только, ладно? В начале 44-го, к нам домой пришел майор, танкист. Он поинтересовался кто Ксения. Я ответила ему. Он сказал, что лучший твой друг, и что у него есть весть на счет тебя. Я впустила его, и мы с тетей Надей все узнали. Максим передал мне справку от некого Зубова о твоей гибели и месте захоронения. Я долго ни верила в эту новость. Я с ума сходила от того, что тебя сначала похоронила, потом ты оказался жив, и потом мне снова говорят, что ты погиб.

Спустя пару дней, я не смогла перебороть себя, и решила покончить с собой. По счастливой случайности, наверное, он пришел в тот день к нам снова, но увидел все это и вытащил меня с петли. Я устала просто быть одной, Алёш. А когда он

спас меня, от моей же глупости, он предложил мне выйти за него замуж. И я согласилась.

В августе 44-го, мы сыграли свадьбу. Потом я забеременела от него. И как раз в апреле, на седьмом месяце беременности, я из последних сил оперировала, пока он не настоял, и не отправил меня с фронта. Вот на этом фото, мы как раз виделись последний раз. Он сказал, чтобы я ехала рожать к его родителям, в Москву. Потом война закончиться, и он приедет ко мне, и мы будем вместе растить ребенка. Но как видишь, судьба распорядилась по-своему.

В начале июня, я родила Людмилу, а спустя две недели я получила на Максима похоронку. За два дня до смерти он писал, что его повысили в звании и должности. Стал командиром полка.

– Как это случилось? – опешив от услышанного, я закурил папиросу.

– Случилось это после освобождения Праги, десятого июня! – глубоко вздохнув, продолжила она. – Он вместе со своим экипажем подорвался на фугасе. Говорят, там от танка-то ничего не осталось! Что, о экипаже-то говорить... Мина – судьба!

– А сейчас ты как? Замужем?

– Одни мы с тех пор. Да и кому я нужна? Мне извини уже почти сорок лет! Никого ни хочу больше. Теперь есть только я и любимая дочь! – грустно, улыбнулась она.

– Понятно! – щелкая зажигалкой, ответил я.

– А ты как? Где ты был все это время? – спросила следом она.

Закуривая очередную папиросу, я рассказал ей как все было. Что со мной происходило все это время. И про ранения, и про лагерь, и жену с ребенком.

Ксения не могла налюбоваться мной. Она, пожалуй, до сих пор ни верила, что я жив. Беседа зашла слишком далеко. Время повернуло уже на ночь. Людмила давно спит. Я стал собираться домой. И как только мы попрощались, я упал перед ней на колени, прижавшись к ее ногам.

– Родная моя! Давай попробуем снова? Я жизни без тебя не представляю! И раз мы снова нашли друг друга, я больше ни хочу тебя терять! Один раз это уже случилось, второго не переживу.

Ксения присела рядом и поцеловав меня в губы, сквозь слезы, дала положительный ответ. Эту ночь мы наконец-то провели вместе, спустя столько лет!

Видимо это судьба, испытывавшая нас и горести, и в радости. Людмилу я воспитал как свою родную, хотя она уже взрослая, завидная невеста. А через год, у нее появилась сестренка, и еще через год братик. Черная полоса закончилась. Впереди нас ожидало только светлое будущее.

Эпилог

Наша жизнь встала в мирное счастливое русло. После на-

шей встречи, мы снова поженились. В нашей семье ожидалось пополнение. Когда Ксюша родила мне третьего ребенка, встал вопрос о переезде на новое место работы.

Этому способствовал мой близкий человек, генерал-полковник в отставке Кулагин, занимавший до 1967 года пост заместителя председателя КГБ в Москве. Сейчас же, его преемником стал все тот же любимец, уже генерал-майор Гайсаров. Еще с войны, они оба стали для меня моими спасителями, чем и по сей день им обязан. Несмотря на возрастную разницу между нами почти в двадцать лет, Кулагин считал меня своим родным. Сам же потерял семью еще в начале 42-го года. По его словам, я был копией его сына, что и способствовало такому ко мне отношению с начала знакомства.

В начале семидесятых годов по ходатайству Александра Владимировича, мне предложили место в министерстве здравоохранения СССР. Что послужило поводом для отъезда с семьей в Москву. Там же я защитил докторскую диссертацию, стал профессором кафедры госпитальной хирургии в медицинской академии. Супруга заняла должность декана педиатрического факультета там же, параллельно работая в должности заведующей кафедрой детской хирургии. Вскоре начались боевые действия в Афганистане и генерал-майор Гайсаров при поручительстве Кулагина, предложил мне восстановиться в армии, и отправиться в горячую точку для организации здравоохранения в республике. После долгих размышлений я согласился.

Комиссию о годности мне поставили закрытыми глазами, и я был снова признан годным. За несколько дней до моего отъезда в Афганистан, мой сын Арсений окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище. После присвоения ему офицерского звания мы вместе с ним поехали в командировку. Людочка Елагина, первая дочь Ксении, после окончания медицинского института уехала работать в Ленинград врачом-эпидемиологом, а младшенький Сашка ходит еще в школу. После Афганистана, в конце восьмидесятых, я начал писать мемуары, сидя в кресле на служебной даче. Жена проводила все время с внуками, а я вспоминал все тех, кто был со мной в те времена, отстукивая на печатной машинке имена каждого человека.